

Шепот Земли
и молчание Неба

Рудольф Итс

Шепот Земли

И МОЛЧАНИЕ Неба

Этнографические
этюды
о традиционных
народных
верованиях

Москва
Издательство
политической
литературы
1990

ББК 86.31

И93

И $\frac{0403000000-002}{079(02)-90}$ 92-90

ISBN 5-250-00778-3

© ПОЛИТИЗДАТ, 1990

Вступление

Когда молчат небеса
и шепчет земля

лучилось так, что наша экспедиция к тазовским селькупам и кетам неожиданно затянулась на неопределенное время, во всяком случае надолго. Отправляясь на Таз, мы договорились с авиаторами, что они нас снимут между 7 и 15 ноября. Позднее прилет становился маловероятным — надвигалась, и неумолимо, полярная ночь. В это время здесь, в далеком углу Красноселькупского района Тюменской области, даже всемогущие на Севере «аннушки» не могли управиться за светлое время на трассе: ближайший аэропорт — селение Ратта, наше стойбище. На том конце трассы летное поле: прожекторы, рвущие мрак, и мощные локаторы. На нашем — ни бочки бензина, ни огня, а только расчищенная от снега короткая полоса на реке, отмеченная вешками, и никакого маяка.

Мы жили в Ратте, принимающей случайные самолеты и вынужденные санрейсы на естественные площадки — летом на открытую воду реки, зимой на ее ледяную поверхность.

Конец ноября. Светлого дня всего минут сорок — пятьдесят в день. Его явно не хватало, чтобы долететь до нас, и мы смирились с тем, что никто за нами в этом году уже не прилетит.

Однако случилось чудо. Туруханские асы в канун Нового года долетели до Ратты и вывезли нас. Ожидание этого чуда длилось почти два месяца. Образовавшееся временное пространство мы заполнили сбором сведений о жизни и верованиях наших хозяев. Такие сведения вряд ли бы мы получили в часы размеренного, размеченного сроками сбора полевого материала.

Оказалась верной и присказка: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Сколько могла продлиться задержка от последнего оговоренного срока, 15 ноября, мы не знали. Полярная ночь кончалась где-то в марте, а единственный в году теплоход «Ом» подходил к Ратте по высокой воде в 20-х числах июня. Были две перспективы: одна — ждать до марта и надеяться, что самолеты долетят; другая — ждать до июня, до прихода почти легендарного в этих местах «Ома». Другого выхода не было. Райцентр в 1500 километрах по тайге и тундре. Радиосвязь оказалась испорченной. Вот и получили мы неожиданно возможность перейти на стационарный сбор материалов.

Мой сотоварищ — нас, этнографов, в Ратте было двое — с утра до вечера обретался в землянке или чуме того хозяина, который с утра уходил то ли на подледный лов, то ли проверять капканы или ставить обмет на соболя. Я, как правило, сопровождал его. Так повторялось день за днем. Увиденное скопилось в памяти, которая среди многих спокойных и беспоконных дней выхватывает тот самый, подаривший неожиданность.

С хозяином крайней на стойбище землянки Михаилом Ламбиным я пошел проверять сети, поставленные подо льдом на притоке Таза. Ламбин лет десять назад, как и другие кеты с енисейской Сургутихи, пришел свататься к селькупам с Таза на традиционную зимнюю стоянку у озера Тында. Он сосватал себе невесту из семьи Ефремовых,

да так и остался в доме жены, перебрался в Ратту и вот уже десятилетие живет на селькупском становище.

В тот день с утра я и Михаил Ламбин надели свои сокуи, сели каждый на оленью санку, запряженную двумя оленями. Ламбин поднял хорей, крикнул, и олени понесли санки под угор. По хорошо утоптанной тропе и льду, покрытому тонким слоем снега, олени шли легко. До места, где стояли сети, мы добрались быстро, но уже наступила середина светлого дня. Декабрь. Холодно, но сухо и безветренно. Мороз не жжет, не перехватывает дыхания.

Сеть стоит от берега до берега, чуть отступая от него, чтобы дать проход для рыбы. Мы остановились у ближней лунки. Расчистили снег, разбили широкую полынью и выбрали совком лед, освободили веревку сети. Я пошел через реку к дальней лунке и сделал то же самое, чтобы под лед ушла дополнительная веревка — кляч, которая после выборки даст возможность вновь растянуть и установить сеть. Я держал кляч, а Ламбин выбирал сеть. Пойманную рыбу — пелядь, нельму или сига — он вынимал из ячеи и подбрасывал вверх. На лету рыба так замерзала, что падала на лед с глухим стуком.

Я наблюдал эту сцену удивленно и встревоженно: сколько же сейчас должно быть градусов, чтобы рыба мгновенно замерзала? Наверное, под пятьдесят, а то и больше. Мы поймали около сорока сигов, пелядей и нельм. Темнота наступила сразу, как наступает летом на юге. Короткий день погас, стало мрачно, темно, тревожно. Все замерло. На небе ни звездочки, ни единого проблеска. Солнце исчезло до весны, а луна как будто сбежала от мороза.

Я закрепил сеть на вешке, отвязал кляч, свернул его и пошел к Ламбину, с трудом передвигаясь в своем

сокуе. Дорогу еле различал, даже не видел своих же следов, шел скорее на голос. Ламбин запел, чтобы помочь мне. Я уже был близко, различал его, наших оленей, когда он вдруг замолчал, потом крикнул:

— Тише, парень, слушай: земля шепчет.

Очень странный звук шел из глубины реки, из-под льда и воды. Звук был рокочущим, но приглушенным, как будто где-то обрушился водопад. Я невольно ускорил шаг и остановился у края берега. Там внизу, подо льдом, как будто кто-то гневно шептал. Было непонятно, что это, и на всякий случай я отошел от реки.

— Слушай, парень,— Ламбин схватил меня за руку,— слушай землю, ее шепот!

В самом деле, шум «водопада» прекратился, оставив на мгновение затихающее эхо, и возник шепот земли. Казалось, вся земля шепчет о чем-то давно ушедшем, напоминая о нем, тревожа нашу память...

— О чем же шепчет земля? — спросил я у Ламбина.

Ламбин не ответил, медленно отошел к оленям, опустился в свою санку. Сел и я в свою. Молчим, не разговариваем, да и разговаривать было бы трудно. В сокуе сидишь, не имея возможности обернуться, да и слова, произнесенные на морозе, отлетев от губ, исчезают в студенном тумане. Разговор пришлось отложить до прибытия на место. В наступившей ночи, доверяясь чутью оленей, мы поехали к дому, к нашему стойбищу.

Совсем недалеко отъехали от места рыбной ловли, как небо на дальнем краю вдруг просветлело, отделилось от земли и как будто поднялось ввысь. Через миг оно заискрилось, пронизанное яркими стрелами зарождающегося северного сияния — сполоха, как говорят в Сибири. Очень скоро все небо вспыхнуло, заиграло красками, раскинуло, подняло гигантский занавес. Земля обозначилась

из ночной мглы, и появились дорога, берега реки, лес, строения стойбища.

Небо озарялось пляской космического огня и как будто извещало о том, что оно есть, оно не исчезло в темноте ночи и будет являть себя молчаливым преобразованием мира и Вселенной.

Ламбин притормозил свою санку, поравнялся со мной, поднял хорей — шест, которым погоняют оленей, — кверху, как бы показывая: «Смотри, парень, смотри и удивляйся!»

Я смотрел восхищенно и не сразу понял, что случилось затем. А затем занавес опустился: исчезло сияние, вновь наступила ночь, слившаяся, соединившая, небо и землю. Вновь ничего не было видно. На горизонте не было даже тонкой полоски, отделяющей небо от земли.

Олени продолжали бег. Они и в темноте находили дорогу домой. Мы сидим молча. Я ничего не могу произнести после увиденного. Я подавлен величием, огромностью, мощью и непонятностью случившегося... И тут небо вновь отделилось от земли, оно как бы опиралось на яркие полосы, подобные стропилам свода. Над нами сполохом вновь загорелся небосвод.

Олени побежали быстрее и вскоре замерли у землянки Ламбина.

В жаркой от раскаленной железной печурки землянке жена Ламбина поит нас чаем, а их дети спят, встречая добрые сны. Я обжигаюсь чаем, но удержаться от вопроса не могу:

— Так что же шептала земля?

— Почему ты, парень, не спросишь, что являло в молчании небо?

— Считаю, что я спросил и про молчание неба, — добавляю дружелюбно и удобнее усаживаюсь на оленьей

подстилке. Я приготовился к долгому разговору. И не ошибся — тогда мы проговорили полночи.

Сказанное тогда Ламбиным надолго запало мне в душу...

— Слушай, парень, наши отцы и отцы отцов говорили: «Земля живая, она большая, и когда захочет что-то сказать, то только начнет, и вздыбятся горы, и огонь вырвется из глубин, реки накатятся с грохотом на берега и жилье. Небо живое, оно так огромно, что боится даже шептать. Ничто живое на вынесет его шепота, поэтому оно молчит и только напоминает о себе, о своих чувствах — молнией, сполохами, сменой ночи и дня, облаками и тучами. Если шепчет небо, то загремит гром, понесется огонь, сжигая леса и тундры. На самом деле только земля обычно шепчет, а небо молчит. Пусть защитят нас духи и хозяева рек и гор, лесов и тундры, если вдруг небо начнет шептать, а земля говорить — не будет жизни на земле, находящейся под таким небом.

Шепот земли — знак людям; молчание неба — напоминание людям о том, что над ними небо и над землей небо.

Разговор, начавшийся однажды, оказался бесконечным. Он продолжался в других жилищах, в разных уголках Отчизны и за ее пределами, на страницах многих книг. Касался он народной веры в могущество неба и земли, противоборства света и тьмы, добра и зла, способности человека побеждать силой и разумом и свое бессилие, и зло, и тьму...

За три с половиной десятилетия полевых исследований, за два десятилетия педагогической деятельности на кафедре этнографии и антропологии Ленинградского университета я слышал, читал и сам рассказывал о разных сторонах народных верований, о традиционной духовной

культуре народов как существенной части мировой цивилизации, проявляющейся так или иначе в сегодняшнем мире.

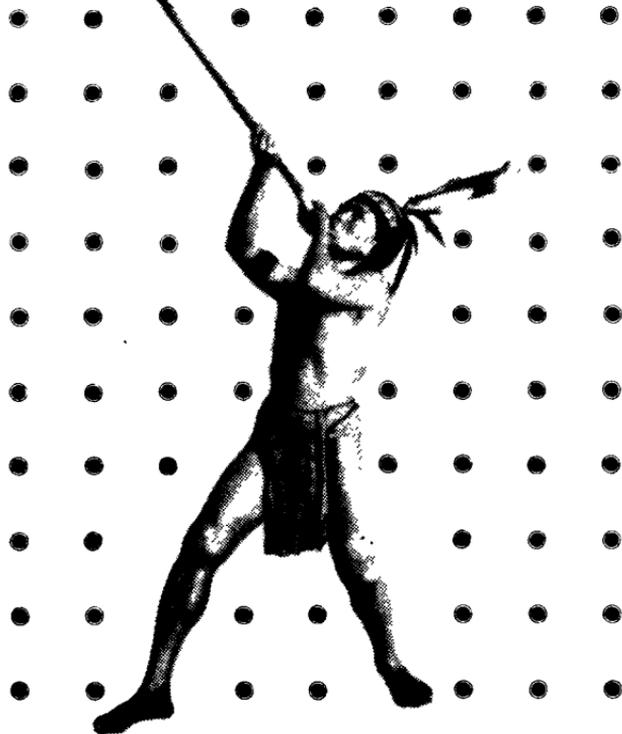
Мне хотелось бы, чтобы и перед читателем предстала своеобразная система древних народных знаний и верований, в которых фантастика переплелась с реальностью, здравый смысл — с невежеством и обманом, рационализм действий — со страхом.

Мы одной крови, одной веры

Этюд о первобытных
верованиях,
о племенных религиях

Человечество возникло, человечество появилось на Земле. Сначала в том месте, где были наиболее благоприятные условия: подходящая фауна, способная эволюционировать в человеческие особи; необходимая для жизни флора, обеспечивающая пищей вышедших из природы людей, прежде чем они стали охотниками и рыболовами.

Такими возможностями обладал только Старый Свет, и не было людей ни в Австралии, ни в обеих Америках. Эти континенты были заселены пришельцами из Старого Света 40—30 тысяч лет назад — как будто далекое от нас время, но если учесть, что человечество живет по меньшей мере 2—3 миллиона лет, то 40—30 тысяч — это совсем недавно. Так недавно, что родившиеся когда-то представления о природе, об окружающем мире, о самих людях и их возможностях как результате их миллионного опыта сохраняются в памяти, чувствах, сознании наших современников, и не только отставших в социально-культурном развитии, но и представителей передовых в этом отношении наций и народов.

Разделение людей на своих и чужих не только по классово-социальному, но и по национальному признаку сохраняется до наших дней как имеющее значение. В наше время

идет процесс интернационализации экономики и быта в мировом масштабе, формируется некая космополитичность некоторых сторон духовной жизни. Однако отдаленность как разделенность по национальному признаку реально существует, проявляя себя, например, достаточно ярко в предпочтении эндогамных браков — браков внутри родственной национальной группы, как это было 40—30 тысяч лет назад, когда брак внутри племени — эндогамия чистой воды — был правилом и условием существования первичных коллективов кровных родственников — древних родов.

Род, опирающийся на родовую взаимопомощь, не мог существовать вне племени, так как жизненным правилом функционирования рода была экзогамия — брак вне рода. Подобная ситуация неизбежно требовала, чтобы у каждого рода был род-партнер или роды-партнеры. Именно такая связь родов порождала организацию племени — естественноисторической общности людей, где браки заключались вне рода, но, как правило, только внутри племени.

Оглянитесь вокруг, и вы увидите, что в вас и в ваших соседях еще немало осталось того, что характеризовало эпоху племенной организации. И сегодня многие предпочитают, чтобы дети женились и выходили замуж за лиц своей же национальности. Правда, если вы убежденный интернационалист, вы будете к проблеме выбора партнера вашими детьми безразличны, но среди ряда народов СССР эндогамный принцип брака преобладает. Более того, этот принцип становится строго обязательным при влиянии религии, которая может различаться у разных народов.

Три религии — буддизм, христианство, ислам — являются мировыми, потому что они провозглашают формальное равенство человека перед высшим существом — Буддой, Христом или Аллахом — независимо от нацио-

нальности и имущественного положения. Иными словами, последователем сурт, Библии, Корана можно стать, а адептом иных существующих или прежде существовавших религий, таких, как иудаизм, индуизм, синтоизм, даосизм, зороастризм и т. п., нужно родиться (во всяком случае, таковы принципы, провозглашенные этими вероучениями).

Указанная ситуация превращает такие религии в замкнутые системы верований — племенные по своему характеру, так как первым очевидным разделением людей было разделение на племена. Принцип его существования предполагал замкнутость и обособленность самого коллектива племени. В ту отдаленную эпоху, когда племя было высшей формой социальной организации, человечество также решало две проблемы, с которыми были связаны два вида производства, — проблему своего существования, своей жизни, и проблему продолжения своего существования, продолжения человеческого рода. Так обозначилось производство средств существования и производство себе подобных. Труд и брак шли рядом, и рядом шли порожденные и тем и другим идеи духовной жизни людей.

Племя как основная социальная ячейка общества людей тех лет было и общностью, и выражением хозяйственных возможностей. Племя являлось хозяином территории, дававшей пищу соплеменникам — дичь и растения. Племя жило единым коллективом, одной жизнью, одной заботой. Его объединяла не только территория, но и все то, чем проявляли себя природа и соплеменники.

Постоянный поиск пищи приводил к расширению границ племени. Росло человечество на Земле, расширялась ойкумена — освоенная людьми часть земли, люди перешли из Старого Света в Новый и в Австралию. Расширять

территорию племени бесконечно невозможно — небеспредельны просторы, пригодные для обитания!

Сошлись, столкнулись, встретились племена на границах своих земель. Встретились, испугались друг друга, успев удивиться тому, что не одни они на Земле.

Поскольку происхождение и свое собственное, и соплеменников не было понятным, то появление чужих сразу же воспринималось как несурaziца, ошибка природы.

И мы стали «мы», а они стали «они». «Мы» — свои, «они» — чужие. И все-то у них чужое, странное, не наше, непонятное. И их язык, и их внешность, и их обычаи.

«Мы» считали дарящим жизнь Солнце, «они» — Небо. «Мы» чтили реку, «они» — лес, а если и «мы», и «они» почитали равно гром и молнию, то это тут же забывалось — у чужих ничего не может быть «нашего», то есть хорошего. Чужое всегда подразумевает что-то скверное, плохое, хотя на самом деле непонятное.

Человечеству нужно будет еще пройти путь в 40—30 тысяч лет, чтобы познать истину — незнание порождает недоверие, обособление, отстранение. Человечество должно будет пройти через кровь и огонь, чтобы оценить мир как единственную альтернативу войне, а дружбу — вражде.

Все это еще нужно будет пройти!

А тогда — 40—30 тысяч лет назад — мое племя порождает мою любовь и привязанность к соплеменникам и чувства приязни ко всему, что делается «нами» и внутри «нас», а к чужому и чужакам — ненависть и вражду. И если мы поклоняемся и верим в помощь Солнца, то чужаки не могут поклоняться ему же, не могут рассчитывать на него.

Вместе с тем Солнце — над всеми, и появление его как порождение дня воспринимается однозначно многими, а вот находящаяся на территории «нашего» племени сосна в

семь обхватов — уникальная, и она становится нашим покровителем, нашим охранителем. Такой нет и не может быть у чужаков. Она не может помогать, защищать чужаков.

Земля была поделена между племенами, люди были объединены в племена и разделены по племенам. Порожденные племенами представления и чувства стали племенными, а возникшие верования так и называют — «племенные религии».

Люди признавали свою единокровность как единокровность по роду и по племени. Внутри племени общение между людьми шло на племенном языке. Его не знали, не понимали чужаки, да так и должно было быть — у чужаков все иное: и земля, и люди, и речь, и вера.

Серая Рысь из племени духа Черного камня

...**В**

дали, на границе солнечного восхода, высятся горы, вершины их

большую часть года скрывают серые тучи или белые облака. Там, в горах, в дождливый сезон — осенью и зимой — дождь льет от рассвета до рассвета. В это время года раз в два дня вспученная от избытка влаги туча отрывается от горной вершины и медленно закрывает небо над долиной, восточным краем которой служат горы, а западным — извилистая широкая лента мелководной к концу лета Слоновой реки. Туча, пришедшая с гор, обрушивает в долину,

покрытую густыми зарослями причудливых в изгибах сосен, чайного и воскового дерева, переплетенных лианами, поток воды. Струи дождя напоминают стебли молодого бамбука. Ручьи, бегущие с гор, в эту пору разливаются и заболачивают лесную долину. Сквозь плотную крону деревьев не пробиваются лучи солнца, они не могут своим жаром высушить травяной покров у подножия деревьев. В душном, стесненном, жарком воздухе земля, трава, листья и ветви источают зловоние. В хлюпающей под ногами буро-зеленой жиже ползают ядовитые змеи, плодятся мириады moskitov. Люди в эту пору обходят стороной лесные тропы, устраивают свои жилища на сваях где-нибудь на открытом месте, в долине либо на горном склоне.

Обширна долина, но у нее есть для племени предел — та черта, отмеченная природными знаками, за которой начинаются чужие просторы. Здесь, в долине, полноправными хозяевами являются дети духа Черного камня; за той граничной чертой, начало которой определяется крутой извилиной Слоновой реки на севере и остроконечным утесом в горной гряде на востоке, живут люди племени Пятнистого оленя. За рекой и на запад — земли племени Белого тигра, а далеко на юг, где лес становится труднопроходимым и куда дети духа Черного камня не рискуют заходить, по слухам, обитает малочисленное низкорослое, но свирепое, воинственное племя чернокожих детей духа Темного леса.

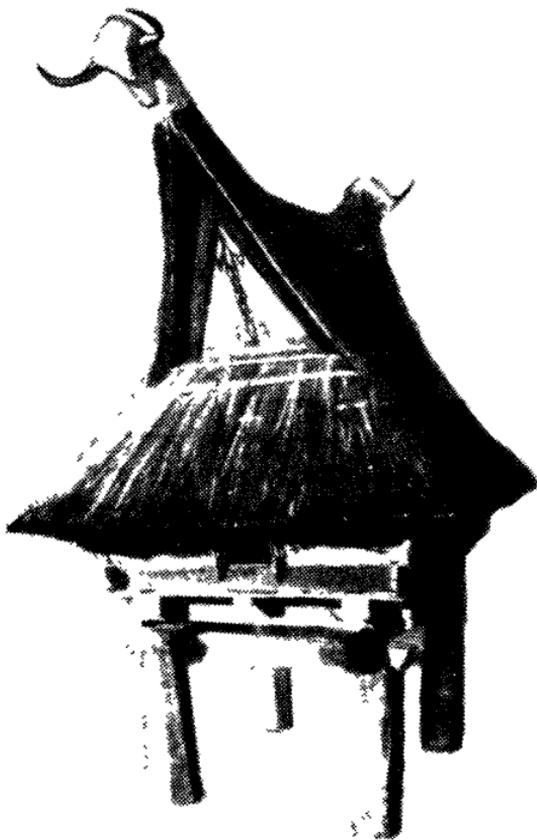
Детям духа Черного камня мир представляется ограниченным указанными пределами, которые столь велики, что даже землю своего племени не обойдешь быстрым шагом за срок, равным двум десяткам рождений нового дня. Если охотник, преследуя подраненного оленя, отсутствует три десятка дней, все пять родов племени считают

его ушедшим в Страну мертвых, и неожиданное возвращение пропавшего воспринимают с ужасом. Десять солнц и столько же лун вернувшийся проводит в уединении среди гряды черных камней, что стоит в центре священной сосновой рощи, ближе к подножию гор, на восточной окра-

ине долины. Только колдун общается с ним. И если ничего не случится за это время в племени, если никто не погибнет от укуса змеи или от острых зубов тигра, никто не умрет, колдун приводит вернувшегося в родной род и нарекает его именем Хмаосу — «новорожденный».

Человек, оказавшийся за пределами территорий своего племени, лишается поддержки соплеменников, поддержки духов-покровителей, духов-предков. Он беззащитен перед чужими и может стать легкой добычей и зверей и людей. Обычно покинувший свою землю обречен. И не

Дом на сваях

было страшнее наказания ни у детей духа Черного камня, ни у их соседей, чем изгнание из племени, которым соплеменники могли покарать преступившего племенные обычаи.

Пять родов составляли племя детей духа Черного камня, или чернокаменных, как их называли люди племени Белого тигра, с которыми нередко бились чернокаменные из-за угодий для ловли рыбы на Слоновой реке.

Пять родов расселялись по территории племени в долине. У каждого рода был свой участок, где стояли свайные жилища, были свои излюбленные места рыбной ловли на Слоновой реке и маленьких речушках; но при появлении бродячего стада слонов все мужчины племени объединялись и устраивали общую охоту, отбивая от стада двух-трех молодых животных и отгоняя их к берегу Слоновой реки, где были давным-давно сделаны огромные ямы-ловушки.

У каждого рода были свои охотничьи тропы, свои места, где женщины и дети собирали съедобные корни и травы, плоды деревьев и молодые побеги бамбука; но представители другого рода могли по-

Палеолитическая Венера

являться на этих тропах, в этих местах, если на родовых землях не было добычи для охотников, если солнце выжгло растения или дожди затопили их.

Принадлежность к одному из пяти родов определяла место человека в племени чернокаменных. Каждый род находился во взаимобрачных отношениях с другим родом. Так, род Серого камня предпочтительно отдавал своих мужчин в мужья женщинам рода Бурого камня, мужчины Бурого камня уходили по браку в род Белого камня, мужчины Белого камня вступали в брак с женщинами Зеленого камня, мужчины Зеленого камня женились на женщинах рода Желтого камня, а мужчины из рода Желтого камня вступали в брак с женщинами рода Серого камня. Так замыкалась цепь традиционных брачных связей.

Принадлежность к роду определялась по линии матери: рожденный считался членом того рода, к которому принадлежала родившая его женщина. Мужчина, вступая в брак, который преследовал единственную цель — рождение потомства, переходил жить в род своей жены, но оставался членом своего рода, и его охраняли духи родного рода, ему оказывали помощь, его защищали сородичи. Принятый в род жены мужчина оставался добытчиком мясной пищи, на которую могли рассчитывать как его собственные сородичи, так и сородичи жены, ведь он через брак получал право охоты на тропах рода жены.

Охотничья добыча никогда не была постоянной, многое зависело от случая, от удачи, от появления зверя на территории племени. Иногда много солнц и лун бродили охотничьи партии и возвращались со скудной добычей, утоляли голод тем, что собрали в лесу женщины и дети. Годами, десятками и десятками десятков лет жили впроголодь, и только надежда, что при твоей неудаче тебя поддержат

сородичи, позволяла прожить короткую, полную опасностей и лишений жизнь.

Чем больше было членов рода, тем больше соплеменников, тем увереннее можно себя чувствовать в случае появления соседних племен, нередко из-за скудной добычи на своей земле вторгавшихся в погоне за зверем на чужую территорию. Чем больше соплеменников, тем больше могло быть охотников в облаве на слонов или носорогов, тем надежнее могла быть добыча, от которой зависела жизнь родившихся еще беспомощных детей. Женщина давала жизнь новым сородичам, она увеличивала численность рода, и род вел свою родственную линию по матери. Каждый род почитал первоматерь, подарившую жизнь первопредкам Камня, наделенного той жизненной силой, которая способствует продолжению рода, которая защищает род. Во главе рода как хранитель его традиций, его обычаев стоял родной брат самой старшей женщины рода. Раз в год, в пору летнего солнцестояния, все взрослые члены рода собирались у Камня-предка (на территории рода был валун соответствующего цвета) и выносили свое суждение о брате старшей женщины. Если он был достойным старейшиной, его просили остаться правителем рода; если он был немощным и слабым, ему подыскивали замену среди тех, кто лучше всех знал родовые предания, повадки животных, съедобные дары земли, кто мог стать защитником интересов рода перед советом племени.

У третьей дочери старшей женщины рода Зеленого камня в день летнего солнцестояния родился мальчик. Обычай, по которому роженица считалась «нечистой» и должна была жить на краю селения в отдельной хижине без права общения с кем-либо, кроме своей матери, чуть не погубил и мать, и дитя. Роды начались в тот момент, когда сородичи собрались у зеленого валуна на еже-

годный праздник. К счастью, еще не начались шумные песни, которыми открывается праздник, и отчаянный крик донесся до роши из хижины роженицы. Мать, успевшая добежать до хижины, помогла дочери, но много солнц Мотылек (так звали дочь) была между жизнью и смертью и не могла вволю накормить новорожденного. Он был хилым и вялым. Казалось, дух Зеленого камня возьмет его жизнь, его дыхание, как это слишком часто случалось в племени чернокаменных. Младенцы, только что увидевшие свет или не дожившие до того дня, как у них появлялись зубы, отдавали свое дыхание духам камней, а сами уходили не в Страну мертвых, а на небо. Таких младенцев хоронили не в землю, а укладывали в короб из коры и подвешивали его на дерево в священной роще.

Мотылек уже дважды уносила тельца своих детей — дочери и сына — и боялась, что дух камня возьмет новую жизнь, новое дыхание. Но мальчик выжил. Прошло много солнц и лун, у него появились зубы, и старейшина рода позволил называть его Вторым. Так все узнавали, что это ее второй сын. Такое прозвище по счету родившихся у женщины носили все дети, пока не достигали совершеннолетия.

После обряда посвящения старейшина разрешал называть девочек по имени цветов или бабочек, а мальчики должны были, став полноправными членами рода, сами добыть себе прозвище.

Имя у всех было одно — Зеленый камень, и только добавлялось прозвище. Так, мать Второго полностью называли Мотылек из рода Зеленого камня — Нду хмаолинки. Сказать же: «Второй из рода Зеленого камня» — значило сказать о любом сверстнике сына Мотылька, а не только о нем самом. Настоящего прозвища у него еще не было, он еще не нашел его.

Жизнь чернокаменных проходила по извечно заведенному порядку. Весну и лето охотники старались использовать для добычи мясной пищи, значительную часть которой надо было высушить, провялить на солнце впрок. Осенью, когда наступал период дождей, но воды Слоновой реки еще не успели помутнеть от потоков, бегущих с гор, когда она становилась после летнего зноя узкой и мелководной, мужчины устраивали на реке запруды. Перед ней собиралась рыба, поднимающаяся вверх по реке. В запруды выливали из больших керамических корчаг специально приготовленный женщинами ядовитый отвар. Проходила одна луна, одно солнце, и отравленная рыба всплывала поверху брюхом на поверхность. Ее собирали и в корчагах квасили впрок на самый разгар сезона дождей, когда только бамбуковые стенки хижины да ее крыша из плотно уложенных листьев пальмы и стеблей бамбука могли защитить человека от ливневых потоков. Пылающий в центре хижины на специальной площадке из глины костер позволял согреться и дымом разогнать тучи mosкитов. Жизнь замирала в пору дождей, и только пробивавшийся сквозь щели в стенках хижины дым был свидетелем того, что жизнь все же продолжается.

Пока мужчины охотились или рыбачили, женщины и дети собирали съедобные корни, плоды, личинки насекомых, яйца птиц. Что-то также запасали впрок. Но ни вяленого мяса, ни квашеной рыбы, ни корней не хватало на весь период дождей, и нужда заставляла мужчин выходить из хижины в поток воды и искать пищу — источник жизни. Опасными были эти выходы в конце сезона дождей, когда и лес, и долина тайли неожиданное нападение змеи или хищника. В пору дождей тигры и рыси тоже уходили из леса на открытые, более высокие участки земли и нередко бродили вблизи селений.

И все же, вооружившись бамбуковым копьем с каменным наконечником, ножом с раковинным лезвием, накинув сплетенную из листьев бамбука накидку на плечи, охотники покидали свайную постройку и уходили в сумрачный простор. Все взрослые мужчины — и те, которых родили женщины данного рода, и те, которые пришли в этот род по браку, — жили в одном большом свайном жилище. Оно называлось «мужским домом». Все они выполняли свою работу как часть общей работы. И если нужно было выйти из хижины в сезон дождей на охоту, выходили все, кто мог двигаться, кто мог держать копье. Общие усилия были залогом успеха, давали шанс и надежду добыть тот кусок мяса, который мог бы поддержать силы рода до наступления сухих и ясных весенних дней.

Охотились сообща. Добычу делил старейшина рода, оделяя всех равной долей. Если случалось охотникам вступить в битву с тигром или рысью, то шкура зверя принадлежала тому, чье копье нанесло смертельный удар.

В разгар сезона дождей замирала хозяйственная деятельность родов племени духа Черного камня, но активной становилась их семейная, домашняя жизнь. В отдельных хижинах, где обитали матери с малолетними детьми и девушки, еще не ставшие женами, самая старшая женщина обучала детей распознавать растения со съедобными корнями или плодами, учила девочек, которые по весне должны были достигнуть совершеннолетия, женским делам. В большой хижине — «мужском доме» сам старейшина или почтенный старец готовили мальчиков к трудному испытанию — посвящению во взрослые члены рода.

Прожив на свете уже десять и два сезона дождей, Второй — сын Мотылька из рода Зеленого камня — был на десятый и третий сезон вместе со сверстниками взят в «мужской дом». Пока не кончится сезон дождей, пока не

наступит весна и мальчик не пройдет испытание, не станет взрослым, до тех пор он не может встречаться с матерью и ее сестрами. Сестер матери Второй также называют матерями, хотя знает, что его мать — Мотылек. Старшие говорили, что когда-то очень давно люди считали, что все женщины одного рода и одного поколения дают жизнь детям, и их всех называли одним именем — мать.

Второй был худеньким мальчиком. Когда сверстники устраивали шумную возню или кидали палки, чтобы определить силу, он редко принимал участие в таких играх. Чаще всего он стоял в стороне и смотрел на состязающихся. Смотрел и думал, почему легкая бамбуковая палка падает ближе, а тяжелая сосновая — дальше, если их бросить с одинаковой силой. Он смотрел и думал о ветре, который, когда дует со спины, помогает бросающему, когда дует в лицо, — мешает. Он смотрел, как борются двое мальчиков, и убеждался, что повалить на землю может и тот, кто слабее, если он увертливый, если он хитростью заставит сильного сделать неосторожный шаг или выпад. Не жаждавший помериться силами, Второй пристально всматривался в окружающий мир. Он больше, чем его сверстники, знал небесных знамений, которые предвещают ветер, дождь, ясный день. Лучше, чем некоторые взрослые, он знал, какие травы, коренья, плоды можно есть, а какие могут отнять жизнь на время или навсегда. Когда вместе с женщинами мальчики ходили на сбор съестных растений и насекомых, Второй чаще других находил самые крупные клубни таро или ямса, а однажды (это было всего два сезона дождей назад) он принес серо-белые, похожие на яйца муравьев семена не известного никому ни в роде, ни в племени растения. Он нашел их на берегу Слоновой реки. Растение выступало над поверхностью небольшой лужи, оставшейся после разлива реки. Оно имело острые тонкие

листья и между ними стебли со многими мелкими стручками, внутри которых были серо-белые семена. Второй попробовал одно семя. Оно было безвкусно, но не противно. Он попробовал еще и еще. Подождал. Его не тошнило. «Значит, семена не ядовитые», — подумал Второй и принес горсть семян домой. Мать рассказала о находке старейшине, и тот не осудил Второго. В племени чернокаменных всегда не хватало пищи. Может быть, найденное Вторым даст дополнительный источник на постоянном и трудном пути поисков пропитания?

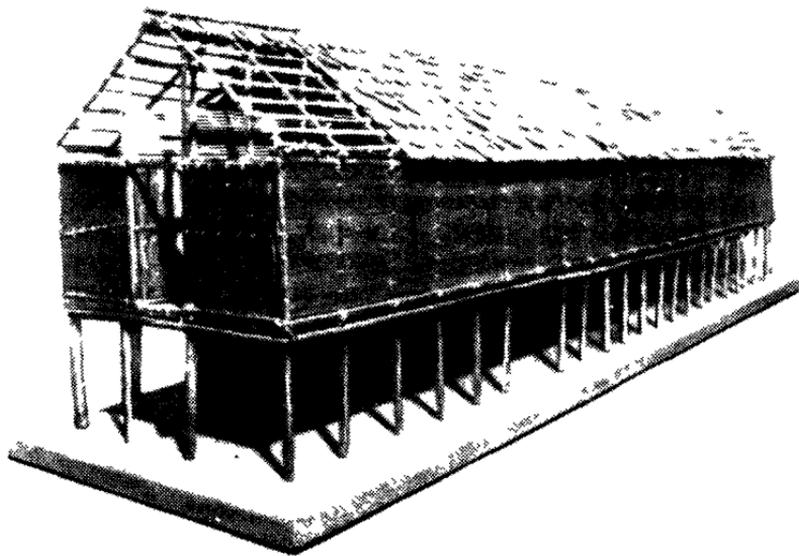
Мотылек бросила в кипящую воду семена, принесенные сыном. Они разбухли и стали больше. Получилась кашлица, которую можно было есть, которой можно было заглушить голод. Второй показал, где он нашел семена, и все стали собирать их.

Добыча охотника и найденное женщинами и детьми на земле и в земле, места, куда закапывали свои личинки насекомые, куда клали яйца птицы и черепахи, были общим достоянием. Никто не прятал добытого от других и даже не мог представить себе, что можно съесть добытое самому, не дождавшись, когда старшие женщины разделят пищу, дав каждому его долю.

Долина была долиной чернокаменных. Все, что летало над ней, что ползало или бегало по ней, что росло на ней или пряталось в ней, принадлежало чернокаменным. Если кто-либо из Тигриного племени (а они чаще других нарушали древний обычай) появлялся на этой земле, ему грозила смерть. Раньше, как говорили старцы, народу было меньше, а дичи больше, и очень редко люди чужого племени появлялись на землях других племен. Сейчас все переменилось. И уже несколько сезонов дождей происходят весной и летом стычки между охотниками соседних племен. Гибнут охотники, уходят в Страну мертвых, и меньше

приносят добычи оставшиеся в живых, а в каждом из пяти родов растут дети, которые станут матерями и охотниками, если они получают пищу, и которых заберут духи камней в Страну мертвых, если у них не будет пищи.

Большой, или мужской дом

Происходящее беспокоит старших и старейшин еще и потому, что убийство члена племени требует отщепенца, и вместо охоты на слонов или носорогов сородичи убитого охотятся на членов соседнего племени. Старейшина рода Зеленого камня, которого почитают в племени как самого старого и мудрого человека, на трех последних собраниях племени убеждал соплеменников прекратить охоту за

людьми и договориться с соседями о возмещении убытков, чинимых охотниками на чужой земле. Но все три раза Серая Ящерица — главный колдун племени — доказывал собравшимся, ссылаясь на свои видения, что духи камней жаждут отмщения. Колдуна боялись старейшины других родов и не соглашались со старейшиной рода Зеленого камня.

В большой хижине — «мужском доме» — Второй внимательно слушал наставления старца и старейшины и прислушивался к тому, что говорили другие взрослые. Хотя многие взрослые были рождены в другом роде, они одобряли старейшину и обещали на весеннем совете племени поддержать его. «Тем более, — говорил Белый Слон из рода Белого камня, самый высокий и сильный среди взрослых охотников, — мальчиков, которые по весне станут взрослыми, в роде Зеленого камня вдвое больше, чем в других родах, и надо собрать Большой совет племени».

Большой совет племени, когда собиралось все взрослое население чернокаменных, созывали редко. Да и могли созвать только по особому важным случаям: перемена охотничьих угодий, неожиданная болезнь, уносящая без разбору всех в Страну мертвых.

С Белым Слоном соглашались многие. Второй слушал взрослых, и ему казалось, что силы прибавляются, что он легко пройдет посвящение и сможет крепко держать копье, метко бросать его в зверя. «Никогда, — думал Второй, — я не подниму копье на человека! Даже на чужака из Тигриного племени!»

Солнце всходило и заходило, проходили ночи и дни. Охотники уходили в дождь за добычей, а Второй со своими сверстниками должен был запоминать все, что говорил сам старейшина, о чем рассказывал старец, передавая историю рода и его традиции. Мальчиков готовили к новой для них

жизни — жизни взрослых людей, добытчиков пропитания и защитников рода. Кто-нибудь из взрослых, чаще всего самый искусный охотник и мастер, учил их, как метать копьё, как выделывать каменный наконечник из крепкого черного камня, как различать следы. Мальчикам говорили о повадках зверей и птиц, о лесных и речных голосах. Им рассказывали о духах, живущих в камнях и деревьях, в травинке и бабочке. Их учили почитать духов, устраивать им подношения в виде части добычи, ведь именно духи дают возможность охотнику прийти не с пустыми руками.

Мальчиков учили петь песни в честь духов — покровителей рода и говорить заклинания, способные отвратить несчастья, посылаемые злыми духами. Их учили, как в жару находить воду в безводной долине, как переносить боль от ран и укусов, как тренировать свое тело, чтобы оно стало сильным и выносливым.

Пока шли дожди, мальчики многое узнавали от старших, а когда проходил дождливый сезон, они показывали, чему научились. Старшие поправляли тех, кто ошибался, и заставляли всех вновь и вновь повторять услышанное, делать показанное.

Второму нравилось разбираться в запутанных следах, на глаз определять расстояние до цели — дерева, в которое мальчики бросали копьё. Наблюдательность, выработанная в прошлые сезоны, очень помогала ему. И хотя его копьё не так глубоко впивалось в ствол, но полет его был точен и расчетлив, и старейшина одобрительно отзывался о мальчике.

Уже кончился период дождей. Солнце высушило болотистую землю леса. Зазвучали голоса птиц: появились в долине цветы, поднялись прибитые ливнями травы. Приближалась середина весны. У мальчиков наступал самый ответственный период в их жизни. В середине весны нач-

нется главное испытание, которое даст каждому настоящее прозвище и право быть взрослым.

Мальчикам предстояло пройти два испытания. Первое показывало, какими они будут охотниками. Оно заключалось в том, что, получив настоящее копье и настоящий нож, мальчик должен был с рассветом уйти в любом направлении от «мужского дома» и, пока солнце не скроется, не исчезнет в западной стороне, принести добычу. Если он пришел с пустыми руками, испытание будет повторено на следующий день, и так до пяти раз. Не было случая, чтобы юный охотник за установленный срок не принес никакой добычи, но старшие говорили, что после пяти неудач посвящение откладывается на следующую весну. Не выдержавший испытания в течение года исполняет самую плохую работу, а в новый сезон дождей получает самое плохое место в «мужском доме». Над ним смеются, его дразнят мальчики, которые младше его. Год мать не разговаривает с неудачником, и чувство позора гложет его сердце.

Стыдно и позорно не пройти первого испытания, но струсить во время второго считалось позорнее во много раз. Второе испытание должно было закалить дух мальчика, должно было помочь ему найти свое прозвание — личное имя.

Всех, кто прошел успешно первое испытание, старейшина отводит поздно вечером в священную рощу рода. Мальчикам дают последние наставления, поят их напитком — настоем из разных трав и корней — и отправляют разными тропами в глубь рощи. Всю ночь мальчики должны провести в одиночестве под сенью священных деревьев. Напиток туманит голову, роща наполняется странными голосами, зловещим и таинственным шумом. Чудятся тени духов, клыкастые звери, огромные змеи. Страх захватывает сердце, рука иступленно сжимает единственное

оружие — нож с раковинным лезвием. Вокруг рощи на ночь расположились взрослые сородичи, чтобы не дать слабым духом возможность избежать испытания, убежать в селение. Если кто-то, кто не выдержит испытания, прорвется сквозь оцепление, его ждет вечный позор. Он никогда не получит мужского прозвища и потеряет детскую кличку. У него не будет и родового имени. Его не будут числить членом рода, и ему не будут давать его доли. Его не изгонят с территории племени, но, оставшись один на один со всеми стихиями земли и неба, он погибнет, и никто не проводит его дух в Страну мертвых. Страшная участь ждала труса, и мальчики, кусая до крови губы, старались победить страх, оставшись один на один с ночными видениями священной рощи.

Напиток унимал дрожь и смыкал веки. Но сон был трудным, тревожным. Во сне приходили странные образы, сменявшиеся картинками битвы с ужасными чудовищами или огромными хищниками. Утром взрослые разыскивали мальчиков в роще, будили их, и старейшина расспрашивал каждого о виденном во сне. Самое запоминающееся видение — зверь, чудище, ожившие камни, деревья — становилось личным именем прошедшего испытания. Острым каменным ножом старейший охотник наносил на правое плечо мальчика узор, соответствующий полученному имени. Лечебные травы останавливали кровь, рубцы затвердевали, и бывший мальчик возвращался в селение, гордо подняв голову. В род пришел новый добытчик и защитник.

В ту весну десять и семь мальчиков рода Зеленого камня должны были пройти испытания, чтобы стать взрослыми. Среди них был и сын Мотылька. Когда ему дали копье и нож, когда по сигналу старейшины с первым лучом солнца мальчики побежали в разные стороны, Второй уверенно двинулся к Слоновой реке, к ее северной

излучине. В прошлые годы он обратил внимание, что там всегда много следов пятнистых оленей. Солнце только что появилось из-за гор, и лучи его еще не так сильно обжигали голое тело. Как и все мальчики и мужчины в племени чернокаменных, весной и летом Второй носил только сплетенную из древесного волокна набедренную повязку. Бежать было легко и свободно. Второй торопился — ведь надо добыть зверя до захода солнца!

Зоркие глаза разглядели впереди какие-то серые точки, медленно движущиеся от реки в долину. Выбирая дорогу под прикрытием кустов, Второй ускорил бег. Вот он уже различает легкие переплетения рогов оленей. Упав на землю, мальчик ползет, прислушиваясь к собственному шороху, определяя направление ветра. Второй замер. Дальше нельзя ползти к оленьему стаду: ветер дует в ту сторону, олени почуют человека. Второй приподнялся, чтобы выбрать обходной путь, и чуть не вскрикнул от неожиданности. Слева, вддали, у самого берега реки, виднелось небольшое стадо слонов; справа спокойно жевавшие траву олени встrepенулись и помчались на мальчика. Он успел прицелиться и метнуть копьe в одного оленя, тот упал, а все стадо на миг остановилось, затем сделало разворот и понеслось к горам. Только тогда увидел Второй, что стадо преследует рысь. Увлеченный погоней, хищник не обратил внимания на человека, и Второй подошел к убитому оленю. Второй выполнил первое задание. Рука потянулась к древку копьe, а до слуха долетело рычание. Не догнав оленьe стадо, к мальчику и его добыче неслась рысь.

Второй сильнее рванул копьe. Оно не поддавалось. А расстояние сокращалось: хищник пожирал его большими скачками. В отчаянии Второй оглянулся и вдруг крикнул, подражая крику слона, зовущего на помощь. От реки раздался трубный звук, и послышался грозный топот. Рысь

замерла, поджала хвост и медленно начала отходить к долине. Три слона, задрав хоботы к небу, пронесли мимо мальчика, отгоняя хищника все дальше и дальше на север.

Второй с помощью ножа извлек наконечник копья и теперь был снова вооружен. Он посмотрел на солнце. Оно еще стояло в зените, но путь домой с тяжелой ношей был неблизким. Закинув тушу этого небольшого оленя на плечи, сжимая в руках оленьи ноги, копьё и нож, Второй быстро пошел домой. Он старался выбрать самый близкий путь и мало смотрел по сторонам. К селению он подошел задолго до захода солнца и положил свою добычу у входа в «мужской дом», где уже лежали трофеи шести его сверстников — две утки, гусь, змея и два тарбагана.

Второй прошел на свое место в хижине и, не отвечая на расспросы, сразу же уснул. Он проспал до следующего утра.

Охотники, ходившие по следам мальчиков, чтобы подтвердить их рассказы, разобрались во всем, что случилось со Вторым, и гордились его смелостью и смекалкой. Утром трое, не выполнившие первого задания, ушли на охоту. Остальные мальчики остались в большой хижине. Старшие вновь напомнили им условия второго, главного испытания.

* Оно наступило для всех десяти и семи человек через два дня.

Солнце уходило за реку на западную сторону. Предводительствуемые старейшиной, окруженные взрослыми охотниками, мальчики с опаской подходили к священной роще. На опушке высился валун зеленоватого цвета. Был собран хворост. Старейшина подал знак, и все сели вокруг камня и кучи хвороста. Солнце исчезло. Наступала темнота ночи. Вспыхнул костер, и старец начал песню о предках рода, о духах-покровителях, о тайне ночной ро-

щи. Мальчики повторяли слова песни, и ее тягучая мелодия уходила вглубь, под густую тень деревьев.

Каждому мальчику охотники подали керамическую чашу с напитком. Второй выпил его залпом. Он был сладковатым на вкус. Старейшина поднял мальчиков, и по его знаку охотники повели каждого в разные концы рощи на разные тропы. Второй со своим сопровождающим дошел до южного края. Сопровождающий молча подтолкнул мальчика под деревья и показал рукой направление вперед.

Второй вошел в мрачную темноту и медленно пошел вглубь. Уже исчез свет костра. Стоило остановиться, и шорохи таинственной ночи напоздали со всех сторон. Мальчик крепко держал нож с раковинным лезвием и, не останавливаясь, шел дальше. Какая-то тень промелькнула впереди и шарахнулась в сторону от тропы. Где-то как будто блеснули свирепые глаза. В голове шумело. Движения стали неуверенными, ноги не слушались. Шатаясь, Второй шел дальше, а нижние ветви деревьев били его по лицу. Протяжный крик, полный отчаяния, раздался в вышине. Мальчик сделал резкий шаг в сторону, споткнулся о корягу и полетел вниз. Он попытался подняться, но не смог. Сон одолевал его. Показалось, что рысь прыгает на спину. Нужно повернуться и нанести удар ножом, но ничего не выходит. И вновь видение: от реки мчатся слоны, вот они приближаются к нему, и их морды становятся рысьими. Огромная пасть готова проглотить Второго, он вскакивает и замахивается ножом. Видение исчезает, опять приходит забытье.

Утром его нашли спящим под поваленной сосной. С трудом Второй вспомнил ночные сны, и старейшина дал ему имя Серая Рысь. Охотник, который сопровождал мальчика в рощу, на правом плече сделал ножом надрезы, напоми-

нающие когти рыси. Надрезы зажали быстро, и Серая Рысь, бывший Второй, стал членом рода Зеленого камня. Ему, как говорил старейшина, духи подарили жизнь, достойную охотника.

Пришла пора проводить совет племени. К гряде черных камней собирались старейшины родов, старцы и старейшие женщины. Но род Зеленого камня пришел в полном составе, и тогда все увидели, что это самый многочисленный род. Как говорил в сезон дождей Белый Слон, так и поступили чернокаменные. По требованию рода Зеленого камня и членов других родов старейшины решили собрать Большой совет племени. Юных охотников отправили по родовым селениям призвать к черным камням всех совершеннолетних.

В племени духа Черно-го камня было свыше десяти десятков мужчин и десять десятков и еще два десятка женщин. Детей никогда не считали, их считали только матери. Говорить, сколько детей в роде, считалось плохой приметой. Злые духи могли услышать счет и наказать говоривших — унести дыхание детей, погубить их.

Много чернокаменных собралось на Большой совет племени, и вновь старейшина рода Зеленого камня говорил о пагубности для соплеменников

*Старейшина дал имя мальчику —
Серая Рысь*

кровавой вражды с соседними племенами, особенно с племенем Белого тигра. Вновь старейшина предлагал найти иной путь, чтобы пресечь вторжение чужеплеменников, иной способ возмещать ущерб, а не охотиться за людьми.

Когда смолкли одобрительные возгласы, над собравшимися прогремел голос колдуна. Этот голос заставил прекратить шум и прислушаться к злым и надменным словам колдуна. В них были оскорбления старейшине и угрозы всему племени. Колдун тряс седыми патлами, гремел раковинными браслетами, подпрыгивал и крутился. На мгновение он останавливался и прикладывал ухо к Черному камню — он ловил слова, произнесенные духом камня. Люди испуганно переглядывались. Речь, произнесенная колдуном, который грозил отступничеством духов-покровителей каждому не пошедшему по пути мщения, была страшной. Люди ждали, что скажет колдуну дух камня.

Вдруг колдун замер, потом упал на землю и приложил ухо к подножию валуна. На лице появилась и исчезла улыбка, рот широко раскрылся от удивления, и, быстро вскочив, колдун воздел руки к солнцу и запел:

На тропе тигриной люди
Одолеть сумеют зверя,
Если вместе они будут
Разом действовать, смелее.
Коли зверь где притаился,
А охотник вдруг ударит
Человека, а не тигра,
То падет он сам убитый
Зверем, что сидел в засаде.
Говорят мне духи камня,
Значит, прав сказавший прежде
Об ином пути, чем мщенье...

Колдун умолк и медленно пошел прочь. Люди молчали, вдумываясь в слова песни, и разом возглас радости зазвучали.

чал в долине. Старейшина рода Зеленого камня оказался прав — так сказали духи Черных камней, так передал их слова колдун. Не будет теперь племя чернокаменных охотиться на людей Тигриного племени, оно найдет другой путь.

Серая Рысь был рад, что духи поддержали справедливость слов старейшины его рода. С тех дней, как он стал что-то понимать, Серая Рысь помнил, что из всех проступков против рода самым страшным, за который полагалась смерть, было убийство или даже случайное пролитие крови сородича. Поэтому Серая Рысь не понимал, как люди могут охотиться на людей и не бояться кары. Он еще не различал сородичей и несородичей. Когда Серая Рысь нашел свое имя, стал взрослым, старейшина предупредил его и его сверстников, что смерть ожидает мужчину и женщину, рожденных в одном роде, если они вступили в брачную связь. Запрещалось вступать в брачную связь внутри своего рода и за пределами своего племени, и тот и другой проступок наказывался смертью или изгнанием из рода, племени, что было равносильно первому наказанию.

Чтобы была удача в охоте, в строительстве хижин, в рождении детей, во всей жизни чернокаменных, каждый род соблюдал строгие неизменные правила поведения.

Огонь, горевший в очагах хижин рода, был сородичем, и его нельзя было передавать в другой род, как не переходит в другой род мать матерей. Когда охотники уходили за добычей, женщины прекращали плетение, чтобы мужчины не запутались на тропах, как заплетается лыко за лыко. Женщина, несущая под сердцем новую жизнь, не должна была показываться другим людям, особенно мужчинам другого рода, — ведь она должна была родить своего сородича, не должна была есть мясо и много корней, чтобы

роды были легкими. Если сооружали большую хижину — общий дом мужчин, то под переднюю правую сваю закапывали убитую собаку — жертву духу — хозяину земли. Ушедших в Страну мертвых никогда не называли по прозвищу, дабы не привлечь их духа, который мог увести с собой живых.

Нарушение правил, определявших жизнь и дела рода, могло привести к различным несчастьям, и правила эти соблюдали усердно все роды племени духа Черного камня.

Прошло четыре сезона дождей, как Серая Рысь стал взрослым. Скоро ему надлежало отправиться в род Желтого камня, чтобы найти там девушку и вступить с ней в брачную связь. Прежде чем пойти туда, он должен был принести самой старейшей женщине того рода шкуру зверя, чтобы она признала в нем охотника-добытчика.

Как и все, Серая Рысь уходил с охотничьей партией. Был разгар лета. Охотники рода Зеленого камня охотились на оленей на северном краю долины. Серая Рысь заметил в стаде самого упитанного оленя, и, когда, окружив стадо, охотники стали подкрадываться, юноша пополз прямо к выбранному оленю. Олень прекратил щипать траву, приподнял голову, как бы прислушиваясь. Если он почувствует опасность, издаст предупредительный звук, все стадо сорвется с места. Его будет трудно догнать. Серая Рысь поторопился метнуть копьё издали. Оно долетело до цели, но лишь поранило оленя. Он встрепнулся и помчался к Слоновой реке, увлекая все стадо. Охотники, стоявшие на пути, успели свалить трех оленей, но остальные проскочили.

Серая Рысь бросился вдогонку за подраненным оленем. Юноша, подхватив свое копьё, бежал не оглаживаясь. Он не

видел, что поспешившие за ним охотники отстали. Он видел кровь на тропе и был уверен, что догонит оленя.

В охотничьем азарте Серая Рысь бросился в воды Слоновой реки, куда устремились олени, и вслед за ними оказался на другом берегу. Оказался на земле племени Белого тигра. Нужно было повернуть назад, чтобы не стать жертвой чужеплеменников, но подраненный олень был совсем близко, он еле волочил ноги, и его можно было схватить и добить. Серая Рысь метнул копье, и в тот же миг петля из пеньковой веревки перехватила его тело. Он попытался выскочить из нее, но кто-то сильно рванул веревку, и юноша грохнулся на землю. Головой он ударился о камень и потерял сознание.

Очнулся он в незнакомой хижине, со связанными руками и ногами. Серая Рысь попытался поднять голову и громко застонал от боли. На его стон в хижину вошел мальчик. В колене бамбука он принес воду и дал попить Серой Рыси. Чернокаменный попробовал заговорить с мальчиком, но ребенок из племени Белого тигра не знал чужого языка. Когда же сам мальчик что-то сказал быстро-быстро, юноше показались знакомыми отдельные слова, но всей фразы он не понял. Мальчик, захватив бамбуковый сосуд, вышел из хижины. Были слышны легкие, удаляющиеся от хижины шаги.

Вскоре в хижину вошел почтенный старец. На нем была короткая лубяная юбка, напоминающая передники женщин племени духа Черного камня. На голову старца была надета корзина, плетенная из стеблей того растения, которое дает зерна, похожие на яйца муравьев. На плечах старца были такие же, как на правом плече Серой Рыси, надрезы.

Старец развязал путы и позволил юноше размять руки и ноги. Затем пришедший сел на корточки и жестом показал, чтобы юноша присел рядом. Когда Серая Рысь уселся,

старец дотронулся до его насечек и спросил на языке чернокаменных:

— Почему у тебя, чужеплеменник, такой знак духа?

Серая Рысь подробно рассказал об обычаях своего племени, о поисках личного имени. Старец слушал внимательно и не перебивал юношу. В глазах Серой Рыси старец увидел притаившийся страх. За жизнь юноши не могли заступиться духи, так как они не имели силы на земле Тигриного племени. С юношей охотники хотели разделаться еще на берегу реки, но, когда старший из них увидел знак когтей рыси, он отвел занесенное копьё. В племени Белого тигра старейшины решили подождать, когда юноша придет в сознание, и выведать, почему у чужеплеменника знак, похожий на знак духа Тигра.

Старец узнал все и не мог развеять опасения юноши. Чужеплеменник не был под покровительством духа Тигра, и он должен умереть.

Серая Рысь кончил и пристально смотрел в лицо старца, пытаясь угадать его мысли, узнать свою участь. Юноша ничего не видел, кроме глубокой усталости в помутневших от времени глазах. И тут как будто что-то напомнило ему Большой совет племени у гряды черных камней. Да, такими же были глаза у старейшины рода Зеленого камня, когда колдун Серая Ящерица выкрикивал угрозы.

Юноша торопливо, боясь, что старец уйдет, не узнав о решении Большого совета, рассказал о пути, указанном духом Черного камня. Глаза старца оживились. Он быстро поднялся.

— Я скоро вернусь, чужеплеменник, но ты никуда не выходи. Тебя убьют, если ты попытаешься бежать.

Сквозь неплотную крышу хижины пробивались красные лучи солнца,— значит, оно уже уходило на западную сторону. Сколько же прошло дней и ночей, пока Серая Рысь

был в забвении? Юноша не мог себе представить. И хотя он был голоден, ему не хотелось есть; самые мрачные опасения приходили в голову, но нарушить приказ старца юноша не решился. Он ждал своей участи спокойно и обреченно.

Серая Рысь провел самую тревожную ночь в своей жизни. Он часто просыпался от легкого шума за стенками хижины, всматривался в темноту, но никто не входил к нему. К утру он все-таки крепко заснул. Его разбудил мальчик, давший прошедшим днем напиток.

Серая Рысь вскочил на ноги. Мальчик молча взял его за руку и вывел из хижины. Хижина оказалась на краю довольно большого поселения Тигриного племени. Серая Рысь насчитал три десятка и пять строений. Мальчик вел чужеземника к большому дому, где толпились мужчины и женщины, старики и дети.

Перед входом в дом высился огромный столб, вершина его была вырезана в виде тигриной морды. Вокруг столба сидели на корточках старейшины родов Тигриного племени. Среди них Серая Рысь увидел старца, приходившего к нему. К столбу была привязана на тонкой пеньковой бечеве маленькая горная курица.

Мальчик подвел юношу к старейшинам и отошел к толпе. Серая Рысь прислушивался к голосам, но ничего не понимал из чужой речи. Он внимательно осмотрелся, перехватывая любопытные, но не злобные взгляды собравшихся.

Старец привстал и громко, чтобы слышали все пришедшие к большому дому, что-то сказал. Затем, повернувшись к Серой Рыси, он заговорил на языке чернокаменных:

— Чужеземник, старейшины многих родов племени Белого тигра поверили в справедливость пути, который показал твой дух Черного камня. Но ты на три десятка дней останешься здесь, ты пройдешь испытание — выпива-

ние крови горной курицы — и станешь на время членом моего рода — рода Черного кабана. Если за три десятка дней, пока тебе будут покровительствовать наши духи, никто из Тигриного племени, случайно оказавшийся на том берегу Слоновой реки, не будет убит, ты уйдешь к своим, и мы будем исполнять путь жизни, а не смерти при встрече людей племени Белого тигра и племени духа Черного камня. Если кто-то из моих соплеменников погибнет, значит, ты сказал ложь, и спустя три десятка дней ты станешь жертвой духа Белого тигра!

Юноша радостно согласился. Он был уверен в мудрости старейшины рода Зеленого камня и верил, что его соплеменники пойдут путем жизни.

Старец вновь на тигрином языке что-то громко сказал, и из большой хижины вышел колдун. В одной руке он нес керамическую чашу, в другой — большой каменный нож. Колдун подошел к столбу, отвязал курицу, ловко рассек ей брюхо. Кровь хлынула в чашу. Старец подошел к юноше, и колдун протянул им обоим чашу с кровью. Старец сделал два глотка и передал чашу юноше. Серой Рыси было нужно также сделать два глотка. Он выпил густую, еще теплую кровь, которая означала его спасение, приобщение к роду старца, а значит, и право на пищу, на защиту, хотя бы и на три десятка дней и ночей. Много дней ни куска мяса, ни корешка ямса не ел Серая Рысь, но два глотка теплой крови курицы чуть-чуть утолили голод, и на празднике Черного кабана в честь нового члена рода юноша не набрасывался на пищу, как отощавший волк.

Три десятка дней и ночей юноша провел в роде Черного кабана, ходил на охоту с новыми сородичами и не думал о том, что его участь может неожиданно измениться. Старец же все три десятка дней внимательно слушал рассказы

охотников, тревожился, когда кто-либо долго не возвращался из прибрежных районов, от Слоновой реки. Старец помнил решение старейшин своего племени и отмечал зарубками прошедшие дни. Серая Рысь, пораженный многими удивительными вещами в Тигрином племени, старался изучить чужой язык и понять увиденное.

Особенно поразило юношу то, что люди Тигринового племени на местах, где приток Слоновой реки по весне оставляет неглубокие, но большие лужи, бросают на их дно зерна когда-то найденного им растения, чтобы по прошествии трех-четырех новых лун из них выросли большие растения и много-много новых зерен. Он увидел, что люди этого племени каменными топорами сносят участки леса, сжигают его, рыхлят землю острыми концами твердых палок и в ямку прячут маленькие клубни ямса, чтобы потом собрать в той же земле, в той же ямке, уже пять-шесть клубней.

Серая Рысь не знал, что первые два десятка дней грозный колдун племени духа Черного камня призывал к отмщению, доказывая, что юноша был убит Тигриным племенем вероломно и безжалостно. С трудом старейшине рода Зеленого камня удалось остановить охотников, готовых было пойти на земли племени Белого тигра и возобновить охоту на людей.

Прошли три десятка дней и ночей. Серая Рысь, снабженный сосудом с водой, сушеным мясом, отправился домой. До берега Слоновой реки его провожали старец из рода Черного кабана и несколько охотников, с которыми он последнее время ходил на охоту или корчевал пни на земле, предназначенной для увеличения клубней ямса.

Солнце стояло высоко в зените, когда они подошли к берегу. Видимо, в горах прошли дожди: вода поднялась значительно выше обычного и скрыла брод. Пришлось Се-

рой Рыси переправляться на свой берег вплавь. Когда юноша вышел на берег и оглянулся, то увидел на том берегу старца, охотников, стоявших с приветственно поднятыми копьями. Юноша поднял копье и громко крикнул на языке Тигриного племени пожелание удачной охоты.

Перед закатом солнца Серая Рысь подошел к своему селению. Он не был дома столько дней, сколько движется тень человека в Страну мертвых. Он шел к хижине старейшины, и все, кто попадался ему навстречу, в страхе закрывали лицо руками, исчезали в кустах и за стенками строений. Люди боялись его, как боятся проходящих из Страны мертвых в сновидениях или бреду. Старейшина вышел из хижины и узнал юношу. Старейшина поднял руку, и юноша остановился на расстоянии от него. Знаками старейшина приказал юноше следовать за ним и повел его к священной роще. Старейшина подвел Серую Рысь к зеленому валуну и потребовал, чтобы вернувшийся ранил свою руку ножом и обагрил кровью камень. Юноша сделал так, как велел старейшина. Густые капли крови упали на валун. Нет, не призрачная тень, а человек-сородич вернулся в род через более чем три десятка дней и ночей.

Серая Рысь много дней по обычаям рода провел один в священной роще. Каждое утро на опушке он находил пищу, которая позволяла ему утолить голод. Много раз его навещал старейшина и подолгу расспрашивал обо всем, что юноша увидел в Тигрином племени. Особенно интересовало старейшину закапывание в землю семян и клубней ямса. Если можно было получить из одного семени два раза по десять, а из одного клубня пять или шесть клубней на участке земли, который можно было сделать около селения, значит, можно было с большей надеждой рассчитывать на пополнение запасов пищи.

Рассказ юноши заставил старейшину рода Зеленого камня уговорить сородичей снести каменными топорами часть леса и воткнуть в землю, смешанную с пеплом — золой от ветвей и стволов, — клубни ямса.

Серая Рысь еще не имел права вернуться в селение, и эту малопонятную работу провели без него. Много дней, рожденных солнцем, юноша пробыл в священной роще, вооруженный своим копьем и своим ножом. По знаку старейшины он вышел из нее под кличкой Хмаосу — «новорожденный». Он должен был бы носить ее долго, если бы не огромная пятнистая рысь, появившаяся на его пути.

Она выскочила из-за кустов неожиданно, юноша даже не слышал ее приближения и не ожидал опасности. Он, проведший много дней и ночей вдали от сородичей, когда ему позволили, бросился к знакомым и родным строениям, не прислушиваясь к лесным шорохам.

Огромная пятнистая рысь выскочила из-за кустов неожиданно, и только постоянная настороженность охотника позволила юноше сделать единственно верное движение — упасть на спину и выставить вперед копые. Огромное тело рыси налетело на каменный наконечник копья, а когти впились в плечи и грудь юноши.

Схватка человека с рысью была мгновенной, но кровавой. Испутив последнее дыхание, рысь затихла, но юноша сам истекал кровью.

Из селения увидели происшедшее на тропе, ведущей из священной рощи, и Мотылек — мать юноши — успела закрыть раны целебными травами.

Прошло еще несколько дней и ночей, и Серая Рысь, получивший даже с согласия колдуна право вновь именоваться Серой Рысью, а не «новорожденным», смог выйти из хижны и начать новую жизнь как продолжение старой.

Много перемен произошло в родном племени за эти дни, равные двум рождениям, расцветам и затуханиям луны. Под влиянием старейшин рода Зеленого камня чернокаменные не только зарыли в землю клубни ямса, но и зерна, похожие на муравьиные яйца. Серая Рысь видел ровные ряды зеленых стеблей на земле, очищенной от леса. То клубни ямса давали ростки. Серая Рысь видел над поверхностью прибрежных луж острые листья растения, когда-то найденного им и зерна которого после варки становятся кашницей, способной утолить голод. На земле чернокаменных, как узнал Серая Рысь, появлялись люди Тигриного племени, и их старец, умевший говорить на языке племени духа Черного камня, подолгу беседовал со старейшиной рода Зеленого камня.

Много нового случилось на земле рода Серой Рыси, его племени, но жизнь текла в отмеренном временем ритме, и настал день, когда со шкурой той огромной пятнистой рыси, которая чуть не пресекла его дорогу жизни, он отправился к старейшей женщине рода Желтого камня и выбрал девушку для брачной связи.

Серая Рысь — сын Мотылька из рода Зеленого камня — нашел в роде Желтого камня свой второй дом. Он жил многие дни и ночи многих сезонов дождей в «мужском доме» — большой хижине рода Желтого камня. Он ходил на охоту, рубил каменным топором лес, чтобы сделать чистым участок земли и воткнуть в землю клубни ямса. В роде Желтого камня, так же как и в роде Зеленого камня, все трудились сообща, все жили ради друг друга, и скудная добыча, хотя теперь уже постепенно более надежная, так как собирали клубни и зерна с участков, сделанных людьми, была общим достоянием.

Достигнув возраста четырех десятков сезонов дождей, Серая Рысь вернулся в родной род Зеленого камня.

Та девушка, с которой он вступил в брачную связь в роде Желтого камня, подарила жизнь четырем детям — трем мальчикам и одной девочке. Это были дети рода Желтого камня.

Когда пришел день и на охотничьей тропе духи схватили дыхание жизни Серой Рыси, он сам ушел в Страну мертвых.

Тело его сородичи положили в сосновую колоду, которую опустили в глубокую яму. Вместе с телом положили каменное копье и нож Серой Рыси, в ногах поставили чашу с водой и чашу с зернами, похожими на муравьиные яйца. Вода и зерна должны были скрасить его путь в Страну мертвых. По обычаям племени духа Черного камня через один сезон яму, куда положили колоду с телом, раскопали, вынули кости, белевшие на солнечном свете, сложили в большой глиняный сосуд и закопали его у подножия гор, что стояли на краю долины.

При племенной организации общества первобытные верования также носили племенной характер. Коль скоро духовная культура во всем ее разнообразии есть проявление общественного сознания, то она рождается и передается прежде всего внутри родственного коллектива, связанного единством происхождения и исторической судьбы. В таком именно смысле можно употреблять понятие «племенная религия». Пока мир не знал классовой разделенности, не было и религии как системы верований. Существовали на разных уровнях представления о живой и мертвой природе, причем преимущественно каждый сам себе был и священнослужителем и паствой. Отсутствие особой касты служителей веры было свойственно доклассовой эпохе, которая, впрочем, все-таки знала отдельных лиц, обладавших социальным

авторитетом, включавшим и лучшую осведомленность о традициях и обычаях рода или племени. Такими лицами были выбранные старейшины рода и вожди племен, чаще всего соединявшие в себе и «светскую», и «духовную» власть.

Как только в обществе обнаружилась соподчиненность, приведшая к постепенному формированию классов, так и в сонме духов и местных божеств произошла ранговая, иерархическая дифференциация. Мир богов и духов должен был повторить и повторил мир земной со всеми его сложностями социальных отношений.

Раннеклассовое общество уже выстраивает первобытные верования в более или менее стройную систему, и возникает религия — «племенная», как предлагал ее называть выдающийся советский этнограф С. А. Токарев, или «полисная», как предлагаю называть ее я. Религия той эпохи еще замкнута в узких пределах распадающихся племен и начавших свое формирование ранних государств, наиболее типичным представителем которых были греческие полисы. Полис — не только замкнутая территория со своим населением, но и зона распространения «наших» богов и духов — покровителей, чья благодать может распространяться только на жителей «нашего» полиса. В случае захвата одного полиса другим, одного раннего государственного объединения другим, происходило прежде всего уничтожение богов и духов — покровителей покоренного населения, дабы они не могли помогать побежденным, мстить победителям.

«Мы», победители, насаждали своих богов: строили им храмы, кумирни, жертвенники; «мы», побежденные, понимали, что нам нет от них защиты и поддержки и продолжали молить своих низвергнутых богов и духов. И никакой перемены религии быть тогда не могло, ибо каждый рождался в своем кругу, под сенью своих богов.

Живой камень, плачущее дерево

Этюды о первобытном анимизме

Наш далекий предок был не только мыслящим существом, но и очень любознательным. Мир вокруг него жил своей жизнью. Он не всегда понимал эту жизнь, но желание проникнуть в суть виденного и услышанного было неистребимым. Это желание заставляло людей объяснять явления, хотя эти объяснения питались еще малыми знаниями и малым опытом человечества.

С нашей точки зрения, они чаще всего были ложными и фантастичными, а с точки зрения нашего «дикаря»-предка? Мыслить, как он, мы уже не можем, но предположить, что рожденные в его сознании представления на долгие столетия были достаточными для познания мира, мы имеем право, тем более что эти фантастические представления доказывают свою живучесть и в наши дни.

В 50-е годы — на моей еще памяти — проходил диспут между философами, этнографами и археологами относительно времени возникновения религии и искусства. Многие тогда уже было неоспорно, ибо не были выработаны еще критерии религиозного и безрелигиозного, принципы соотношения первобытных верований и религии как системы верований и многое другое. С тех пор многие проблемы продвинулись в решении. Нам важно здесь под-

черкнуть, что, прежде чем стать «разумным», человек был и «инстинктивным», и «умелым» и уже тогда пытался понять, объяснить окружающий мир. Пытался, а разума не хватало, знаний не было, и он придумывал самое простое — присутствие жизни всюду и во всем, что он видел, слышал, трогал.

Не то чтобы я верил в «разумного дикаря», но каждому представлению нашего далекого предка, ложному, а то и чудесно-фантастичному, я пытался найти аналоги в действительности, какие-то реалии, нечто существовавшее объективно.

Многие десятилетия экспедиционных поездок, жизнь, и довольно долгая, в аулах и аилах, на стойбищах и становищах, в тайге и тундре, на речных просторах и в оазисах пустынь убедили меня, что окружающий мир, природа на самом деле полны неожиданностей, которые и могли быть истолкованы фантастично.

Наверное, никогда не сотрется в памяти встреча с плачущим деревом на стойбище близ Сургутихи в конце 50-х годов. Енисей был недалеко, на расстоянии 7—8 километров. Тогда на стойбище были всего две кетские семьи, человек семь, да нас двое. Чумы стояли на берегу речки — енисейского притока. За две недели вода обычного весеннего половодья сошла. Кеты устраивались жить здесь до конца лета, то есть, по их меркам, ненадолго. Мы же рассчитывали пробыть у них не меньше месяца.

Как-то в теплый весенний день, когда еще «не пал комар», когда он еще не одолевал все живое в тайге, я пошел в глубь тальника, придавленного к земле недавним половодьем. Я шел по мрачному, серому от ила лесу довольно долго.

Со стволов пригнутых деревьев причудливо свисали длинные бороды травы. Хотя лето еще не наступило, но

уже набухли почки. Пройдет неделя — и все станет зеленым. А сейчас тальниковый лес со сросшимися стволами, склонившийся к земле, обвешанный лохматыми мочалами длинных водорослей, был похож на скелет гигантского чудовища. Было тихо, очень тихо. Я шел по этому мрачному затишью, и вдруг откуда-то из пустоты донесся крик младенца: ближе, ближе, резче и вдруг исчез. Через мгновение вместе с дуновением ветра вновь истошно, тоскливо заплакал ребенок. Я невольно вздрогнул и резко повернулся на крик, на зов. Плач все явственней и ближе... Но никого, а только лес. Откуда же детский плач? Я иду, оглядываюсь, а надо мной вновь рыдает младенец.

Всматриваюсь в ветви, соединившиеся друг с другом, трущиеся друг о друга, и явственно слышу, как несется от стволов плач, тоскливый плач покинутого младенца.

Я — человек второй половины XX века, и даже мне стало не по себе от плача тайги, а каково же было моему пра-предку, когда по-человечески кричали птицы или звери, когда плакали деревья и вздыхали камни? Он был вправе видеть жизнь всюду, даже вне жизни.

Быль и небыль

Сейчас трудно точно сказать, когда именно происходили описанные ниже события, но ясно только одно, что случились они в 50—60-е годы XX века на Енисее и его притоках на стойбищах кетов.

Тот быстро склонявшийся к вечеру день был для нас неожиданно трудным. Уже в который раз мы (небольшой экспедиционный отряд — пять человек: антрополог Илья, художник Саша, переводчица Клава, этнограф Женя и я) предпринимали попытку отыскать кетские захоронения. С самого утра мы покинули стойбище и пошли по засекам на кедрах к Енисею. Нам поведали, что ближе к берегу стоит старинный деревянный крест. «Однако, старое погребение наших людей», — говорил Харламий Бальдин. Отчаявшись найти подобные могилы, мы с утра устремились к указанному Харлампием месту.

Распределились так — я иду первым, Илья — замыкающим, ну а Саша, самый юный, то догонял меня, то поджидал Илью и шел с ним, легко подкидывая рюкзак. Я шел строго по засекам. В густом лесу, где скрадывается солнечный свет, засеки белеют, как светлячки, и их видно издали. Первый час шли быстро, комара мало (ведь только-только начиналось комарное лето!), дорога-тропа идет по кедровому лесу, где хвоя мягко пружинит под ногами. Настроение приподнятое. Харламий, которого на стойбищах и в поселках кое-кто считал шаманом, никогда еще не ошибался в своих предположениях. Никогда не стремился говорить о чем-нибудь пустяковом, дабы не навлечь неудовольствие спрашивающего. Веря Харлампию, мы предвкушали встречу с кетской могилой.

Идем быстро, перекидываемся шутками, по очереди берем на плечо связку из трех лопат — вдруг придется копать!

Пошел второй час пути, и мне показалось, что мы шли к Енисею, а теперь явно отворачиваем от него в глубь леса. Саша догнал меня, и я попросил:

— Саша, влезай на сосну или кедр и определи, где Енисей, а где мы!

Казалось, Саша только и ждал такого приказа... Он сорвался с места, обежал несколько сосен, задирая голову. Он выбрал такую, которая стояла бы вершиной над лесом, над другими деревьями. Легко подпрыгнул, ухватился за ветвь и быстро стал подниматься вверх. Мы столпились у подножия сосны и смотрели на Сашу. Вот он уже наверху.

— Вижу,— радостно крикнул Саша, как матрос Колумба,— вижу Енисей. Он довольно далеко, и к нему нужно идти так.

Саша показал рукой направление, которое шло резко налево от тропы, отмеченной затесами. Так куда же ведут затесы? А может быть, мы сбились где-то, не увидели старые засеки, заплывшие смолой, и вышли неожиданно на тропу, шедшую от берега, а не к берегу?

Надо было еще раз прикинуть, что мы узнали, услышав слова Харлампия о захоронении ближе к Енисею? Прикинули и выходило, что про затесы Харлампий сказал не то чтобы неуверенно, а как бы между прочим: «Там, кажется, были затесы». Кажется, были, и если были, то они никак не обозначали дорогу к месту захоронения. Кеты на могилы своих родных не ходят и дорогу к ним стараются забыть. Иначе смерть еще кого-то схватит. Затесы если и были, то указывали путь к какой-то стоянке, а не к могиле. Правда, могло быть так, что могилу соорудили близко от стоянки, а значит, ее покинули навсегда, и засеки должны были давно потускнеть, заплыть. А мы-то шли по свежим, ярко светившим в сумрачном лесу.

— Ничего, пойдем напрямик и будем периодически сверять свой путь. Благо солнце еще высоко, да и ночь не такая уж долгая, наступает поздно,— сказала Женя, и мы двинулись в путь.

Прошли довольно большое расстояние. Саша вновь слазил на сосну. «Идем правильно. Идем к Енисею,

но к могиле ли с деревянным крестом?» — пришло мне на ум, но я решил пока не делиться сомнением с друзьями. На что я тогда надеялся? Только не на авось, а на нормальную экспедиционную удачу. И она нашла нас в виде посеревших от времени смолистых потеков старых затесов на соснах, устремившихся по нашему пути к Енисею.

— Ребята, уверен, это та самая дорога, о которой говорил Харламбий, — воскликнул я и бодро пошел вперед, стараясь заранее определить, различить старинную метку на охотничьем пути.

Далеко за полдень мы вышли к холму. С его вершины был виден Енисей, он был довольно близок. Мы остановились на холме и стали внимательно рассматривать окрестности. Мы еще не знали, где предпочитают хоронить своих умерших сородичей кеты, как они хоронят, какую роют могильную яму, из чего и как делают гроб, какую утварь и какие предметы погребают с умершим и оставляют на могиле для его жизни в том, ином, подземном мире. Сумму этих кетских верований и представлений нам еще нужно было узнать. Кеты вообще-то не очень любили разговаривать о смерти, считая такой разговор способным призвать хозядам — смерть.

— Клава, но где хотя бы твои сородичи предпочитают устраивать могилы: на холме, в низине, в тайге, на берегу? — допытывалась у нашей переводчицы Женя.

— Да где придется. У нас ведь кладбищ нет.

Где же искать могилу с деревянным крестом?

Мы тщательно осматриваем лес и берег, но нигде не видим креста.

— А вдруг крест давно упал, — высказал разумную мысль Саша.

— Пойдемте тогда шеренгой с холма к Енисею и будем

смотреть по сторонам, тропа-то нас привела на холм, и бежит она дальше к реке,— предложил Илья.

И мы начали прочесывать лес. К счастью, лес был здесь редкий. Скоро Енисей. Уже слышен плеск его волн, шум бредущих вниз и вверх самоходных барж, почтовых катеров. Степенные белоснежные пассажирские лайнеры появляются редко — немного населения на берегах этой суровой и прекрасной сибирской реки.

— Все сюда,— раздается звонкий крик Саши, и мы несемся к нему. Он стоит, гордо опираясь на крестовину массивного деревянного креста, вырубленного из кедра... Крест не упал, а просто скрылся в кустарниках, хотя то место, где он стоит, свободно и от кустов, и от деревьев.

Нашли!

Неторопливо развязываем рюкзаки. Рубим сухие ветви. Раскладываем костер, пристраиваем чайник над ним. Не торопимся. Даже не разговариваем, только ждем, когда закипит вода. Закипела, Клава швыряет прямо в чайник пачку чая и ставит его у затухающего костра.

Попили чайку, перекусили, даже немного отдохнули и взялись за лопаты. Женя устроилась с блокнотом, чтобы записывать ход нашей работы, а Клава пошла на Енисей к рыбакам за рыбой.

Подняли верхний слой мха и травы и обнаружили полусгнившие полозья оленьих санок, с пробитым днищем кастрюлю, а также испорченную кружку. Это всюду — сопроводительный инвентарь специально портят, потому что тот мир, куда уходит умерший, не обычный, не целый мир, а мир тления. В нем разрушенная жизнь существует в новой цельности и разрушенные вещи становятся целыми, а целые — разрушенными. Что поделаешь, так считают, так представляют себе потустороннюю жизнь кеты.

Копаем огромную яму: длиной в два метра, шириной в полтора. Копаем бодро. Вот идет песок со следами золы — наверняка после похорон жгли костер, чтобы огнем очистить самих себя от духа смерти. Уже углубились на целый метр. Все только песок и песок, да куски глины с песком. Нет ни гроба, ни захороненного. Копаем дальше. Стало много труднее, приходится буквально острием лопат крошить землю, которая теперь идет в виде песка и глины, спаянных льдом: начинается вечная мерзлота. Уже яма глубиной в один метр семьдесят сантиметров. И ничего. Еще копаем. Очень трудно, надо бы разогреть эту землю, класть костер. Если бы так же делали те, кто соорудил крест, то следы углей были бы в слоях земли. Их нет. А может быть, нет и захоронения? Просто поставили крест в память о христианизации края, и только. А как же слова Харлампия, ведь мы у него спрашивали о кетских могилах. «Какой идиот будет копать на севере в вечной мерзлоте такую глубокую яму, — как бы повторяет наши слова Илья и добавляет: — Здесь ничего нет и быть не может. Мы уже на глубине почти двух метров».

Да, почти двух метров, без каких-то четырнадцати-пятнадцати сантиметров. Женя пытается возражать, даже берется сама за лопату, но земля уже как цемент. Постояли, погоревали и двинулись в обратный путь ни с чем. Вернулись понурыми на стойбище поздно вечером. Наскоро поужинали и плюхнулись на постели. Ребята — в своей палатке, а я, как обычно, в чуме хозяев стойбища.

День оказался трудным. Все устали и заснули быстро. Я же именно от усталости не мог долго заснуть. Думал о деревянном кресте, о том, что, наверное, надо было копать дальше, ведь в кетской культуре очень много южного, а на юге той же Сибири покойников зарывают в ямы глубиной более двух метров, а то и более трех. Сон ко мне не шел.

Сквозь прозрачный ситец полога я видел, как устроились спать хозяева, как Ульяна — жена хозяина — перед сном поправила поленья в затухающем костре, что догорал посредине чума. За берестяной крышкой чума шумела тайга, поскрипывая ветвями деревьев, в дымовое отверстие в центре верхушки чума я различал далекие звезды.

Было мирно и спокойно, и как будто куда-то далеко уходило представление о покинутых тобой обителях, оставленных друзьях и близких, о суетливой и торопливой жизни современного города. Все прошлое теряло очертания реальности, превращаясь в память, сновидения.

— Ха-ха, эх-ха, ха! — раздавалось близко, рядом с чумом. Видимо, я заснул и проснулся от этого человеческо-нечеловеческого хохота. Прислушался.

— Ха-ха, хи-ха, эх-ха! — несло из-за чума и откуда-то сверху. Станный, даже страшноватый хохот разлетелся по ночной тайге. Что-то затрепетало вверху за чумом, нечто как будто вздохнуло и вновь по-человечьи нечеловеческим голосом засмеялось:

— Ха-ха-ух, хи-ха-ха!

Ульяна выскочила из своего полога, испуганно задернула тиску на входном отверстии и бросилась к еле тлеющему костру. Наклонилась над углями, бросила на них щепки и стала дуть неистово, постоянно испуганно озираясь.

И вновь за чумом что-то ухнуло, будто вновь хихикнуло, но уже над костром разгоралось пламя, оно поднялось вверх, осветило чум и пробилось сквозь его берестяные покрытия в ночь.

Где-то затрещали сучья, что-то как будто захлопало крыльями, и наступила вновь тишина ночи. Ульяна забралась в полог, костер продолжал гореть, а я поспешил поймать разбуженный странным хохотом сон.

Наступил новый день. Я проснулся поздно, хозяин уже ушел на протоку проверять сети, хозяйка возилась с мукой, готовя тесто для лепешек. Лицо у нее было спокойным, как будто не было ночного хохота или он был слишком привычным для нее. Привычным для нее, но не для меня.

Я не мог забыть ночного смеха, нечеловеческих звуков, произнесенных по-человечьи. Я знал, что не было ни людей, ни привидений в ночной тайге и переполох у чума произвело какое-то живое существо.

Мне не терпелось расспросить Ульяну, но я помнил важное правило полевой экспедиционной работы — никогда не торопись с расспросами, пусть пройдет какое-то время. Я усмирил свое нетерпение, вышел из чума, пошел к палатке друзей. Они еще спали, даже Клава не проснулась с восходом солнца.

Я растолкал спящих и спросил:

— Ночью ничего не слышали, не видели?

— Ничего,— поспешил за всех ответить Илья,— разве что-нибудь случилось?

— Я тоже ничего не слышала,— сказала немного погодя Жень, а Клава просто добавила:

— Я спала, да и все спали довольно крепко.

— А я так спал, что мне даже приснился сон, тайга, люди и далекий громкий смех,— сказал Саша.

— Что-то случилось, раз ты спрашиваешь? — допытывался Илья.

— Да, нет, просто я, видимо, тоже спал и видел сон, а во сне слышал хохот и смех,— слукавил я и, предложив Клаве и Саше приготовить завтрак, пошел к протоке, где хозяин стойбища Павел Топков ставил сеть.

Я решил вернуться и расспросить Ульяну, улучу минутку и спрошу.

Ульяна катала тесто в деревянной площадке. На камнях костра стояла сковорода. На ней хозяйка собиралась печь лепешку. Я ошибся. Ульяна собралась делать рыбник. Приготовленное тесто она разделила на две доли, раскатала две лепешки. Одну положила на сковороду, затем на нее положила распластанную, очищенную от вязиги жирную стерлядь и прикрыла ее второй лепешкой, сцепив по краям обе лепешки — верхнюю и нижнюю. На сковороду Ульяна добавила растительного масла и подложила тонкие поленья в костер.

Рыбник жарился, шипело масло, и вскоре аппетитный запах-заполнил чум.

Был тот момент, когда хозяйка на мгновение оказалась свободной от дел, и я поспешил задать ей вопрос:

— Ульяна, а зачем ты ночью костер шуровала?

Хозяйка равнодушно посмотрела в мою сторону и, то ли спрашивая, то ли утверждая, произнесла:

— Так, значит, и тебя разбудил смех Хосядам?

— Кого-кого? Хосядам? Так это же смерть, хозяйка ночи и тьмы!

— Да, парень, она самая. Она нередко посещает людские стойбища ночью. Ее обычно не слышно, не видно, но иногда, как вчера ночью, она хохочет — пугает людей. Отцы наших отцов говорили, что хорошо, когда Хосядам хохочет, — да, она пугает людей, но и сама выдает себя. Хуже, когда она творит свое зло тихо, беззвучно, — тогда от нее не спасешься. А так, как только услышишь ее смех, ее хохот, не бойся, бросайся к костру, раздувай огонь, озаряй его светом чум и тайгу. Смерть — Хосядам — сама испугается и уйдет от твоего стойбища.

Если ты не спал, ты видел — я раздула огонь, и Хосядам ушла прочь, больше не было ее смеха, и тайга стояла беззвучная. Огонь — наш сородич, он наш защитник, вот

почему нельзя его передавать из своего жилища чужеродцам — это все равно что оставить родное дитя или родного старика у чужих людей.

— А как она выглядит, эта ваша Хосядам?

Сова в кетской мифологии ассоциируется со смертью — Хосядам

— Почему «ваша», парень? Хосядам одна на всем свете. Она и твоя и моя, но встречаться с нею не стоит. Я ее не видела, да и кто ее увидит, уже ничего никому не расскажет. Дай тебе счастья свидеться с ней только в конце твоей жизни.

Хозяйка ловко перевернула рыбник — снизу он уже под-
румянился — и деловито сказала:

— Зови своих, будем чай пить и рыбник есть, небось такого еще не пробовали?

Да, такого мы не едали. Жирная стерлядь пропитала пресное тесто рыбника, сама рыбина внутри лепешки стала нежной. Объедение... Позже я отведывал и «утник», и «гусник», и «курник». Две лепешки обволакивали утку, то ли гуся, то ли куру — и на сковороде спекался вкусный сибирский пирог.

Хватит о еде.

С того дня я желал увидеть Хосядам. Я не боялся встречи. Я верил, что это живое существо, наделенное кетами именем смерти за страшный нечеловеческий смех, звучащий по-человечьи в ночи. Ночь как противовес дня обычно стихия сил зла и другого, не дневного, не солнечного мира живых.

Долго мне пришлось ждать новой встречи с хохочущим ночным существом, которого кетская традиция наделила роковым могуществом над людьми. Такая встреча состоялась через много месяцев, за тысячу километров от первой, далеко на севере от стойбища Тонкова, на берегу Мадуйского озера.

Тогда была тоже ночь. Я остановился в чуме Ильи Серкова, на самом берегу озера, где редкие деревья лесотундры подступают к синей воде...

...Смех, хохот донесся прямо от деревьев. Я проснулся, выскочил из полога и бросился не к костру, а к выходу. Выбрался наружу и притаился. С трудом различаю силуэты деревьев, озираю небо. Вот-вот появится луна. Очень хочу, чтобы она вышла немедленно и высветила озеро, берег, лес, чум.

— Ха-ха, ух-ха, хи-ха,— резко понеслось с верхушек сосен. Я, крадучись, пошел к ним. Вот и луна поднялась. Ее бледный свет выхватил из темноты ветви, отделил их

от кроны, и я увидел какую-то лохматую серо-белую массу, похожую на сову или филина. Такой же нахохлившийся загривок, светящиеся в ночи глаза. Птица захотела и затрепетала крыльями. В чуме проснулась хозяйка. Вспыхнул раздутый ею огонь костра, и, как огромный фонарь, засветился чум. Птица встрепенулась и улетела прочь.

Хосядам, хозяйка ночи, смерть — всего-навсего птица, полярная сова, как я узнал позже у орнитологов. Она хохочет, и смех ее поражает воображение. Нечеловечий смех превратил птицу в роковое существо в представлениях далеких предков кетов. Они давным-давно очеловечили ее, превратив в фантастическую хозяйку людских судеб, в самое смерть.

Наделив полярную птицу мифическим могуществом и веря в него, древние кеты выстроили легендарную цепь превращений смерти Хосядам. Легенда связывает Хосядам с великим богатырем Альбой.

Богатырь Альба решил избавить людей — кетов — от смерти. Облачился в военные доспехи и, выйдя на тропу, погнался за Хосядам. Прикинулась Хосядам лисицей и юркнула в ольховник, стал Альба лайкой и погнался за ней. Догнал уже у Енисея, занес палицу, но удержал руку, услышав мелодичный звук струн и песню. Брат Альбы сидел на высоком берегу, играл на струнах и пел, а голос был у него приятный, заслушался Альба. В это мгновение превратилась Хосядам в плотву и ушла глубоко в Енисей. Рассердился Альба, выхватил из колчана стрелу, натянул лук и поразил брата. Упал брат на крутой яр, истекая кровью. Стал Альба тайменем и понесся за плотвой — Хосядам. Уже догоняет ее, уже вот-вот схватит. Выскочила из воды Хосядам, стала птицей и понеслась ввысь, в небо. Выскочил из воды Альба, стал опять богатырем,

свистнул своих оленей, вскочил в санку и помчался за Хосядам. На небе скопище звезд. Млечный путь — это по-кетски дорога Альбы — след полозьев его санки. Гонит Альба Хосядам по небу, догонит, убьет смерть — Хосядам, и будут люди жить вечно, а пока Хосядам является в ночи и хохочет, чтобы пугать людей.

На самом деле там, где Подкаменная Тунгуска впадает в Енисей, на правом высоком берегу, земля красная, как будто залитая кровью. Почему такого цвета высокий правый берег Енисея у Подкаменной Тунгуски? Да разве не знает каждый кет, что именно здесь Альба порешил стрелой брата? Просто и романтично. Сказать, что там песок смешан с красноземом — ничего не сказать, ведь никто из коренных обитателей не знает и не обязан знать, что такое краснозем.

Смеется, хохочет полярная сова, тревожит людей в ночи, и могло ведь быть так, что именно в такую ночь покидала жизнь больного или старого человека. Легко связывались смех и смерть, и уже в сознании людей, живущих в тайге, смех, смерть и то, что хохочет, предстают одним целым — хозяйкой смерти — Хосядам. В борьбе с ней человек не одинок. Его защитник — огонь. Для кета огонь — живое существо.

Однажды Ульяна больно ударила меня по руке, когда я по туристской привычке положил полено в костер не вдоль, а поперек.

— Ну а если я тебе в рот суну палку поперек, как ты будешь чувствовать себя, парень? — гневно крикнула Ульяна и продолжила:

— Здесь у огня рот, и полешки в него кладут аккуратно, вдоль, чтобы легко можно было их глотать.

Живым существом огонь признают не только кеты, а очень многие народы, и почти у всех он — очиститель от

злых духов и от главного из них — смерти. В комнате, где был покойник, огнем окуривают все углы и столы, а на кладбище после похорон жгут костры, чтобы очистить себя. На кладбище...

...Мы все-таки в тот год нашли кетские могилы. Опять стоял огромный кедровый крест, и опять мы копали вглубь, преодолевая сопротивление вечной мерзлоты. И, дойдя до двухметровой глубины, решили копать дальше. Через 10—15 сантиметров появилась кедровая плаха, под ней — завернутый в бересту покойник. Да, и на севере кеты хоронили так же глубоко, как их предки на юге.

Тогда экспедиция нашла несколько десятков погребений, у науки появилась серия кетских черепов как материал для выяснения происхождения столь интересного и в некотором роде загадочного народа.

Мы узнали и поняли, что у кетов три вида деревьев выполняли разные жизненные функции, как будто они были живыми существами. Кедр был деревом мертвых, ель — живых, береза — связь с небом и солнцем. Ель или березу ставили снаружи чума у переднего места (напротив входа), гроб и крест при могиле делали из кедра. Нельзя было ошибиться, как нельзя перепутать жизнь и смерть, хотя дерево безмолвно и безжизненно. Кеты же считали, что дерево живет, подобно людям. И в своей жизни выполняет разные функции, даже если оно — дерево смерти.

Вообще у кетов и других таежных, лесных жителей к деревьям всегда проявлялось особое отношение. Неудивительно поэтому, что деревья очеловечивались, наделялись живой силой, а то и душой. Начинался традиционный процесс перехода первобытного сознания от аниматизма — оживления природы к анимизму — ее одушевлению. Трудно решить однозначно, что было вначале — одушевление или оживление, а может быть, это явления одного и того же

порядка. Невозможно представить одушевление без оживления и просто увидеть в оживлении одушевление.

Наделяя деревья жизнью, наш далекий предок наделял их и жизненной силой, которую можно представить и как будущую душу религий. Как говорят специалисты, душа представлялась древним людям не бестелесной субстанцией, что свойственно позднейшим религиям, а чаще или как уменьшенный вариант оживленного объекта, или как образ человека, включенный в объект поклонения, чаще всего это личина или силуэт человека.

Озеро Налимье, что лежит на западных пределах сургутинских кетов, значительно меньше Мадуйки, всего 10 километров в ширину. Я переходил его по льду в первый раз в компании с Дагаем, вызвавшимся быть проводником. Дагай шел первым, я ступал своими широкими камусными лыжами в его след.

Почти посередине озера — небольшой островок. На нем три огромных лиственницы. Дагай направил лыжню к острову, и, когда мы поравнялись с ним, мой проводник подъехал к первой, самой высоченной лиственнице и, что-то пошептав у основания, положил у ствола монетку и начатую пачку папирос.

Дагай пошел дальше к противоположному берегу, я окликнул его, но он не обернулся, а только махнул рукой: — иди, мол, быстрее. Я заторопился, но все же подкатил к лиственнице, где останавливался мой проводник. На толстом стволе лиственницы на высоте человеческого роста я увидел вырезанную личину. На меня смотрел из древесного ствола дух — хозяин лиственницы — широкоскулый, узкоглазый, с прямым и длинным носом. Именно ему совершил подношение Дагай. Зачем подносил дары? Кому именно? Окликнуть, спросить, но Дагай шел быстро, не оглядываясь, и уже выходил на берег. Я прибавил ходу, но так и не дог-

нал Дагая. Он остановился, закурил трубку и подождал меня.

— Дагай, что за лицо на лиственнице? — спросил я, переведа дыхание и отирая рукавицей потный лоб.

— На лиственнице Холой — дух хозяина озера. Если его не одарить чем-нибудь, хоть малой щепоткой табака, он не пустит через озеро, — буднично, медленно сказал Дагай.

Причмокнув губами, дымя трубкой, мой старый кетский друг продолжал:

— Ты меня, парень, зря звал. Когда мы идем через озеро, мы не оборачиваемся. Обернешься, и схватит тебя Холой. Будешь двигать ногами, переступить лыжами, а на самом деле стоишь на месте, как заговоренный. Тут тебе и конец придет. Зря меня окликал, я не мог обернуться. Холой живет в лиственке, вот и личина — это знак, что он здесь и все озеро ему видно. Ну пойдем, однако, дальше.

Дагай выбил трубку, спрятал ее в охотничью сумку, и мы углубились в тайгу.

Рассказ о Холой подтверждал мое предположение, что кеты, как и их многочисленные соседи по Сибири, если одушевляли деревья или озера, горы, камни, то представляли себе эту душу, способную к жизни, в виде человека. Человечий образ как подобие самому себе был, скорее всего, изначальным, фантастическим образом верований древних. И несомненно, человек лепил с себя и образ высшего существа — бога, а не бог лепил людей по своему образу и подобию, как утверждают церковники. Во многих ранних классовых религиях повторены образы, рожденные еще в ту эпоху, когда люди не знали самой религиозной системы, были и созидателями богов и духов, были и их паствой, и их жрецами.

Люхар, жаба и камень

Нет, дорогой Сюй,— я перебил рассказ о даосских отшельниках, который поведал мне мой китайский коллега июльским днем 1987 года во дворе храма Конфуция в Пекине,— патриарх даосской религии Лю Хайчжань и Люхар (Лю Хай) из народной легенды, записанной еще в начале XX века академиком Алексеевым, скорее всего, разные лица, хотя в обоих случаях упомянуты и золотые монеты, и жаба.

Сюй, выслушав меня, загадочно улыбнулся, как бы желая сказать: «Говорите, говорите, вы гость, а я буду думать по-своему».

Шел пятый день моего пребывания в Пекине. Долгой была сюда моя дорога. Протянулась она на три десятилетия. В 1957 году мне, младшему научному сотруднику, три года назад ставшему кандидатом исторических наук, после защиты диссертации о южнокитайском народе мяо стало известно, что в соглашении между Академиями наук СССР и КНР на 1958 год запланирована и моя поездка в южные районы Китая, к мяо. Наступил 1958 год, и пришла из Китая телеграмма, что меня принять не могут — все сотрудники в поле — и предлагают приезжать летом 1959 года. А 22 апреля 1959 года в центральном теоретическом партийном журнале КНР «Хунци» появилась статья, в которой нашу страну сделали виновницей бед, постигших китайский народ с началом «великого скачка», и впервые нам, советским людям, предъявили территориальные претензии. Прозвучал сигнал, приведший к «культурной рево-

люции», порвались исторические дружественные связи по всем линиям.

Прошло тридцать лет, и вновь я получил приглашение прибыть в Китай по обмену между нашими академиями, правда, всего на две недели, но все-таки появился просвет в наших контактах, появилась возможность надеяться, что будет восстановлена наша воистину многовековая дружба.

Казалось бы, что такое две недели для такой огромной страны, как Китай! И все же я увидел, узнал многое и многих. Каждый день был насыщен до предела, и, когда пришла пора расставания, появилось ощущение, что друг друга мы знаем долгие годы. И в этом нет ничего удивительного: все тридцать лет моего ожидания встречи с Китаем спрессовались в ежедневных, ежечасных беседах и встречах, носивших откровенный характер. Мы говорили об истории и искусстве, о народном творчестве и народном быте, о традиционных верованиях и знаменитой китайской триаде религий — конфуцианстве, даосизме и буддизме.

В такой триаде первые две считаются национальными (хотя даосизм оформился как религия под влиянием буддизма), а последняя, буддизм, — чужеземной, но столь глубоко вросшей в китайскую землю, что широкие народные слои воспринимают ее тоже как национальную.

Здесь, в Пекине, моим гидом и добровольным оппонентом был Сюй — фольклорист и философ, в Шанхае — Цзинь, который рассказывал о нефритовом будде как некоем чуде китайского религиозного искусства.

Посетить не только музеи Пекина и Шанхая, но и храмовые комплексы меня побуждали памятные сообщения о разгуле хунвейбинов в годы «культурной революции», надругавшихся над историей собственного народа. Я был рад, что в те годы удалось многое сохранить и почти все восстановить, что было разрушено, к середине 1987 года.

С этой целью — увидеть все своими глазами — Сюй и я пришли в храм Конфуция, расположенный в центре Пекина.

Каждый день моего пребывания в Китае был похож на праздник открытий уже известного, но представляемого прежде по книгам, увиденного когда-то на фотографиях и кинолентах. Я не только заново открывал для себя известное, но получил возможность прикоснуться к нему в прямом смысле слова. Вот и в храме Конфуция, под сводами традиционного храмового сооружения с четырехскатной черепичной крышей, вздернутой на концах вздыбившимися драконами, с красными стропилами и стенами, я явственно ощущал эпоху ушедших поколений. В центре зала изображение великого древнего философа, а по правую и левую стороны от него огромные каменные изваяния его 72 учеников.

Храм стоял за каменной стеной, в центре выложенного камнем двора, где лестницы, переходные мостики украшены беломраморными скульптурами драконов, небесных псов и фантастических птиц. Мо-

Портрет Конфуция

жет быть, не все скульптуры были в этом храме — некоторые я видел и в Гугуне, и в Юнхэгуне. Может быть! Но не это важно! Важен наш разговор под сенью парковых деревьев рядом с Конфуцием и его учениками.

Мы начали его с обращения к традиционным верованиям древних китайцев, а то и их предков как национальной основе даосизма. Невольно разговор перешел на даосскую мистику, веру в волшебство и в возможность найти или создать эликсир бессмертия. На такой увлекательной волне наши мысли обгоняли слова, и каждому хотелось успеть привести пример из обширного литературного наследия китайцев как доказательство своей правоты.

— И все-таки, что заставляет вас, дорогой Сюй, сблизить даоса Лю с мальчишкой Люхаром? — я задал свой вопрос, надеясь вернуть беседу к ее истоку.

Сюй медленно провел рукой по чисто выбритому подбородку и процитировал известное описание жития Лю Хайчжана, а затем дал свой комментарий:

— Танская династия клонилась к закату, когда Лю Сюаньинь, блестяще сдав в шестнадцать лет государственные экзамены в столице, получил титул и должность. О чем речь в этом зачине жития? О чудесной мирской жизни юного Лю Сюаньиня, и только один намек — знаменитая династия идет к упадку, когда Лю получает и титул, и должность. И обратите внимание, какой хронологический перескок в последующем: «Лю Сюаньинь, сдав экзамены, оказался уже не на службе у Тан, а на службе у их противников, захвативших север Китая, Киданьской империи Ляо. Среди чужеземцев он был чужим». Вы следите за ходом повествования? Еще ничего не случилось, но уже грядет, уже предчувствуется разочарование в своей так блестяще начавшейся судьбе. Позвольте дальше не цитировать, дальше вы знаете не хуже меня.

Сюй замолчал. Я, конечно, знал эту историю хуже, но я знал, что Лю возненавидел свою государственную службу, ложь, обман, грязь алчной суеты и бился, ища выхода.

*Лао-цзы — легендарный основатель
философского даосизма в Китае*

Разбирая императорскую библиотеку, он натолкнулся на сочинение Лао-цзы, философа, с именем которого связывают появление учения о дао — пути прозрения и природной чистоты. Лю наизусть выучил философский трактат,

но многие места ему были непонятны. Однажды он встретился с настоящим даосом, одетым в рубище, питавшимся плодами деревьев, кореньями трав и запивавшим пищу прозрачной родниковой водой. Лю обратился к даосу с вопросами, а тот, прежде чем ответить, предложил спрашивавшему построить башню из яиц и золотых монет. И так и этак ставил яйца и монеты Лю, но ничего не выходило. Яйца бились, монеты рассыпались. Даос схватил монеты в пригоршню, поднес их к губам, что-то нашептал, тронул, повертел яйца и, быстро вставляя их в отверстия монет, соорудил многоярусную башню. Сооружение стояло прочно, утверждая чудо. Лю убедился, что даосы способны подчинять, как живые существа, обыкновенные вещи.

Лю решает покинуть житейскую грязь и уйти под сень природной чистоты. Он стал отшельником и там, в уединении, понял смысл дао, нашел ключ к бессмертию и вознесся на небо, став одним из патриархов даосской религии.

— Суй, я внимательно перебрал в уме всю цепочку жизненных коллизий Лю Сюаньиня и понял, что именно монеты из построенной башни в сочетании с именем Хайчжань (Морская Жаба), которое принял Лю, став бессмертным, должны были ассоциироваться с тем симпатичным Люхаром, или Лю Хаем, который в народных представлениях состоит в свите бога богатства Цайшэня! — удивленно воскликнул я и, увидев одобрителный кивок Сюя, понял, чему улыбался мой китайский друг, когда я отказывал обоим Лю в сопоставимости.

— Вот-вот, именно так, — Суй хлопнул себя по колену и продолжал: — народная традиция обязательно должна была найти какой-то подходящий даосскому патриарху синоним, ведь наш народ в основном был абсолютно безграмотным, и жития святых в литературной форме не могли

быть понятными. То ли дело легендарная история юноши Лю Хая, или Люхара, которому на пути попадаются и жаба и монеты.

— Все-таки, Сюй,— перебил я,— академик Алексеев записал в Пекине интересное продолжение земной жизни Лю Хайчжана. Новому даосскому святому, оказалось, угрожал давнишний его враг, ставший жабой при втором рождении. Видите, Сюй, это лишнее свидетельство буддийского влияния на даосов. Лю мог избавиться от врага — жабы, только выудив его из колодца на поясе, к которому была привязана монета. Будучи в первом рождении любостяжателем, жаба ухватила за золотую монету, и Лю вытащил ее на свет божий. Тут появились бессмертные, вражда старинная была прекращена, и враг Лю (жаба) стал его другом и тоже бессмертным.

Сюй несколько раз пытался остановить меня, особенно когда я говорил о том, как жабу тянули из колодца, но я торопливо продолжал, и вот, когда я кончил, Сюй радостно воскликнул:

— Так это же главный сюжет в народном рассказе о юноше Люхаре.

— Сюй, я знаю его, но вы расскажите, может быть, будет что-то новое.

И Сюй рассказал ту повесть, которая сплела не только даосского бессмертного со смертным юношей, но и традиционные народные верования с религией, ставшей одной из главных в системе мистических представлений китайцев...

...Там, где возвышается гора Тайшань и извилистый приток Хуанхэ вяло катит свои воды, стоит большое селение, названное давным-давно «жилищем феникса». На самом краю селения стоит крытый старой черепицей дом. Как и все, он смотрит маленькими окнами на двор, глухой стеной выходит на улицу. Редко в зимнюю стужу змеится

над трубой дым. Беден дом. В нем нет не только риса, но даже дров, хотя юноша, живущий в нем, дровосек.

Звали юношу Лю Хай (Люхар), он жил с матерью, которая после смерти отца чувствовала себя с каждым днем все хуже и хуже. Бывало, она не вставала с ложа весь

Лю Хай — в китайской мифологии бог монет

день, и некому было даже вскипятить воду и сварить щепотку риса. Лю Хай ухаживал за матерью как примерный сын. Все полученные за проданные дрова деньги тратил на нее. То купит засахаренные зерна лотоса, то горсть вяленого личжи, то какую-нибудь шелковую ленту в седеющие волосы. Мать благодарно принимала внимание сына и постоянно думала о том, что нужна ему хорошая и добрая жена. По памяти перебирала мать соседей-односельчан, но

ни у кого не было девушки, доброй и отзывчивой, да такой, чтобы могла услужить и ей — старой и больной.

Дни проходили за днями, ничего не менялось на этом свете, только в доме матери и ее сына Лю Хая голод и холод зимой становились злее и злее.

Как всегда, пошел Лю Хай с утра к горе Тайшань. У ее подножия растет густой лес, и можно набрать много сухих сучьев, а то найти и целое сухое дерево, если углубиться в чащу. День обещал быть прохладным, но солнечным. Уже приближалась зима, и дрова стоили дороже — можно было рассчитывать на хороший заработок.

Лю Хай вошел в лес и сразу направился в глубь его. По краю давно односельчане, да и просто мальчишки подобрали весь сушняк. Из-под ноги выскочила птичка, похожая на скворца, и понеслась вперед. Лю Хай посмотрел на нее, и что-то толкнуло его последовать в чащу за птичкой. Юноша шел быстро, даже не обращая внимание на дрова, а только высматривая птичку, летевшую впереди. Прошло уже много времени, как он вошел в лес, а не подобрал еще ни одной ветки.

Птичка чирикнула впереди, Лю Хай побежал на ее зов и оказался на поляне. Посреди поляны на поваленной ветром лесине сидела девушка. В руках у нее был пучок травы, которую она скармливала олененку, длинноногому, пятнистому, с маленькими рожками. Красивое, белое как снег лицо девушки окаймляли черные волосы, сплетенные сзади в длинную косу. На белом лице особенно виднелись невиданно большие и в то же время узкие яркие глаза, подобные темноте летней ночи, и ярко-красные губы.

Лю Хай даже не разглядел ни кофты, ни юбки девушки, смотрел неотрывно на ее лицо и не мог двинуться с места.

— Лю Хай, — раздался мелодичный голос, — подойди к нам, я давно жду тебя, подойди не бойся и не удивляйся.

Что ты Лю Хай — я знаю давно, я ведь встречала тебя в лесу и слышала, как тебя зовут другие. Что ты придешь сегодня — я узнала от скворца, который увидел тебя еще на краю леса. Подойди к нам, олененок — мой друг. Подойди, Лю Хай.

Лю Хай с трудом понимал, что говорит девушка. И когда она замолчала, он осознал, что чудом было не то, что она знала его, и не то, что она ждала его сегодня, а то, что она понимала речь птиц и зверей. Открытию своему юноша не придал значения и, подбежав к девушке, сказал:

— Я не знаю, как тебя зовут, но, если твои родители не будут против, выходи за меня замуж. Я вижу, ты умная и добрая, а у меня больная мать, у меня ничего нет, кроме топора, рук и моего сердца, которое похитила твоя красота.

— Меня зовут Мэй Хуа, у меня нет родителей, и если ты согласен взять сироту, у которой нет ничего, кроме того, что на ней, да моих друзей — скворца и олененка, то я согласна быть твоей женой.

Так в лесу Лю Хай нашел и дрова и невесту. Со связкой дров (Лю Хай разрубил лесину), с невестой, олененком и скворцом вернулся юноша домой. Мать обрадовалась молодой хозяйке в доме, который стал самым счастливым в селении, хотя и небогатым. В доме было чисто, тепло, даже сытно, так как с той поры, как Мэй Хуа появилась в нем, Лю Хаю постоянно попадались дичь в лесу и рыба в реке. Завидовали Лю Хаю богатеи селения, завидовали его удаче и тому, что жена у него красоты необыкновенной.

Мэй Хуа прекрасно готовила, шила и вышивала, очаровывала всех своим пением. Казалось бы, оставалось до конца дней жить всем троим в радости, но зависть людей помешала счастью. Неизвестно, кто первым узнал, что камень, лежащий на дороге у входа в деревню, — серый валун — дух дороги, он живой, его можно умиловать,

и тогда он готов совершить зло тому, на кого укажет приносящий жертву. Сейчас уже неизвестно, кто был жертвователем, известно только, что он указал на Мэй Хуа.

Как обычно, пошел Лю Хай, подхватив под мышку топор и веревку для вязанки, в лес по дрова. Дела у него шли удачно, жизнь была прекрасна, и он всегда торопился домой. Вот и нынче с улыбкой на устах, с тяжелой вязанкой сухих дров Лю Хай возвращался домой. Он быстро поднялся по пригорку, вышел на дорогу, прошел мимо серого валуна, и тут сзади глухой голос позвал его: «Лю Хай». Лю Хай остановился, огляделся — никого, безлюдная дорога, далеко дома, у дороги только камень. Лю Хай удивленно пожал плечами, тронулся было в путь, как сзади вновь донеслось глуховатым голосом: «Лю Хай, подойди ко мне».

Лю Хай никого не видит — сзади только камень.

— Камень, это ты зовешь меня? — неожиданно обратился к серому валуну дровосек, ведь с той поры, как он узнал, что Мэй Хуа может разговаривать с птицами, он уже мало чему удивлялся.

— Я, Лю Хай, я, тот самый старей валун, что лежит неподвижно у дороги и мимо которого ты проходил сотни раз. Подойди ко мне, и я скажу тебе что-то важное.

Лю Хай с опаской придвинулся к камню, сбросив вязанку, и крепче взялся за топор.

— Я слушаю тебя, камень или кто-то скрывшийся в камне!

— Я камень, я живу вечно, и я многое знаю. Я знаю, что твоя Мэй Хуа не женщина, она лиса-оборотень...

Камень сделал глубокий вдох, а Лю Хай покрылся холодным потом. Как? Он ласкал, обнимал, он любил и восторгался лисой, а не женщиной!

— Ты врешь, камень, и я разрублю тебя, даже если ты вечен,— Лю Хай отскочил от валуна и занес топор.

— Подожди, Лю Хай, успеешь расправиться со мной, но прежде выслушай меня. Если твоя Мэй Хуа не лисица, то она не будет на ночь вынимать из своей груди красный шарик — свою душу, свое спасение. Ведь ночью и у людей душа отлетает к снам. Увидишь такой шарик, проглоти его — и станешь могучим, а лиса станет лисой, и ты сам во всем убедишься.

Лю Хай опустил топор и понуро побрел домой. «Неужели камень прав и Мэй Хуа — лисица-оборотень», — думал Лю Хай, открывая дверь своего дома. Радостная Мэй Хуа бросилась к нему с ласками, мать поднялась с постели и тоже улыбнулась сыну. Улетучились все страхи. Несколько раз бросал на жену испытующий взгляд Лю Хай и не видел ничего лисьего в этой прекрасной женщине.

Легли все спать затемно, и вдруг среди ночи проснулся Лю. Лунный свет пробивался сквозь маленькие окошки, затянутые промасленной бумагой. Пошарил Лю Хай под подушкой жены и нашел шарик, красный шарик!!! «Неужели камень сказал правду!» — думал Лю Хай, разглядывая шарик, в котором при бледном свете луны как бы теплилась жизнь, переливалась, пульсировала. Мэй Хуа тревожно заворочалась, и Лю поднес шарик к губам, открыл рот проглотил его. Мэй Хуа вскрикнула и проснулась, она пошарила под подушкой и печально взглянула на Лю Хая.

— Ты проглотил мой шарик спасения. Неужели ты, как и все люди, глуп и подл? Неужели я ошиблась в тебе? Что, тебе было со мной плохо, что, я плохая жена и женщина? Эх, Лю Хай, ты — как и все. Кто же тебе рассказал обо мне — дуб в лесу или камень у дороги? Торопись, Лю Хай, с ответом, силы мои уходят, я скоро умру, но я хочу последний раз услужить тебе.

— Камень у дороги. Прости, Мэй Хуа! Если можешь еще, то прости.

— Прощаю, но мне уже не жить, а камень раскрыл мою тайну по наущению злых людей, чтобы погубить тебя. Когда я умру, тебя будет некому защищать, камень тебя съест, никто за тебя не заступится, тем более что сегодня утром умрет и твоя мать. Наши жизни были связаны. Дай слово, что ты покараешь камень?

— Даю, — прошептал напуганный Лю Хай и посмотрел на угол, где спала мать.

— Ты после похорон подойдешь к камню сзади и разрубишь его своим топором — мой шарик спасения прибавил тебе силы, а топору — крепость. Как разрубишь камень, появится веревка, ты потянешь ее и вытащишь жабу — это душа, шарик спасения камня, его жизнь. Как только появится жаба, прыгай на нее, и она возьмет тебя на небо, станешь ты бессмертным среди других бессмертных, живущих в персиковом саду. Подойди ко мне. Или ты боишься?

Лю Хай очнулся и бросился к Мэй Хуа, он схватил ее в объятия, стал целовать, заливая слезами ее лицо.

— Прости, прости меня, Мэй Хуа, не надо мне бессмертия, спаси мать, спаси себя.

— Со мной все кончено, Лю Хай, мой супруг, ну а мать я спасу.

Мэй Хуа подошла к лежанке и провела рукой над лицом матери, та глубоко вздохнула и как будто затихла в глубоком сне.

— Она проспит четыре дня, и так глубоко, что смерть обманется. Ты же веревку, за которую вытащишь жабу, оставь матери, когда у нее не будет денег, она тряхнет ею, и посыплются золотые монеты.

Мэй Хуа произносила последние слова совсем тихо, силы оставляли ее, и, как только раздался крик петуха, смерть пришла в дом Лю Хая. Смерть унесла прекрасную женщину

Мэй Хуа, которая, может быть, и была лисицей, но и после смерти на лисицу не стала похожей.

Похоронил жену Лю Хай, оживил мать и пошел к своему недругу и злому духу — серому камню.

За поясом у Лю Хая топор, в руке веревка для вязанки — как будто вновь за дровами пошел дровосек. Приблизился он к камню и услышал глуховатый, но радостный голос камня: «Так я оказался прав, Лю Хай, а ты мне не верил. Подойди же ближе, спасенный мною супруг лисицы. Да, сюда, к моему лицу, а то ты стоишь сзади».

Лю Хай обрадовался — сам камень подсказал ему, где у камня перед. Поднял свой топор Лю Хай и, собрав все силы, рубанул по камню, полетели искры, раздался треск, развалился надвое валун, и показался в расщелине конец веревки. Бросил Лю Хай топор, ухватился за конец веревки, почувствовал, что силы прибавилось у него невероятно. Он легко вытянул за веревку большую трехлапую жабу, скрутил ей лапы и понес домой к матери вместе с веревкой.

Испугалась мать, но сын успокоил ее:

— Прости, мать, но меня на небо зовет Мэй Хуа. Я покину тебя, а ты оставь эту веревку. Когда у тебя выйдут все деньги, потяни веревку за один конец, потряси ее, и тотчас посыплются золотые монеты. Прощай, ма!

Лю Хай вышел во двор, встал на жабу, которая выросла в размер с телегу, и понесся на ней к небожителям.

— Кто бы и что бы ни говорил о разрыве простонародной литературной фольклорной традиции и профессиональной литературы, по-моему, пример с Лю Хаем и Лю Хайчжаном у нас в Китае доказывает, сколь важен был сам принцип взаимообогащения одной культуры другой, если рассматривать элитарную и простонародную культуру китайцев как явления разного порядка,— заявил несколько

вителиевато мой коллега Сюй, когда закончил пересказ легенды о дровосеке Лю Хае и его жене Мэй Хуа.

— Дорогой Сюй, мне представляется, что иероглифика была дополнительным препятствием для освоения трудящимися, неграмотными в своем большинстве, классической литературы, поэтому существование постоянной повторяемости одних и тех же сюжетов и в письменной литературе, и в устном народном творчестве — историческая необходимость.

— Причем вот что любопытно: простонародные варианты в наибольшей степени обрастают подробностями, мистической фантазией, чудесами.

— Вот-вот, чудесами, это вы хорошо сказали, дорогой Сюй!

Наша затянувшаяся беседа в парке храма Конфуция подошла к концу, мы покинули тень вековых деревьев и вышли на шумную даже в июльскую жару пекинскую улицу. Из векового прошлого мы появились в сегодняшнем дне, где бурлят иные страсти, где люди устремляются вперед и вверх на машинах, поездах, самолетах и ракетах.

Конечно, в легенду о Лю Хае, которого в китайском народе ласково-уменьшительно зовут Люхар и которого постоянно изображают либо одного сидящим на огромной трехлапой жабе и играющим веревкой с монетами, либо вместе с мальчиками-близнецами Хэ Хэ в свите бога богатства Цайшэня, вложено много волшебного-мистического. Изображения Люхара с жабой можно встретить на живописных свитках, лубочных картинках, выплавленных в бронзе, вырезанных из дерева или кости.

Люхар пришел в развитое классовое общество, когда богатство стало мерилем общественного положения. Придя

в классовое общество, даже став синонимом патриарха даосской религии, Люхар принес с собой из древних доклассовых традиционных верований и одушевленных зверей, и птиц, и даже предметы мертвой природы, например, камень. Древние традиции китайского общества сохранили до наших дней в устном поэтическом творчестве народа анимистические представления, порожденные в тысячелетней истории прошлых поколений китайцев, так же как современные кеты, шагнувшие в социализм практически из доклассовой эпохи, сохраняют в духовной культуре память о тех же традиционных анимистических верованиях своих предков.

Анимизм как форма дорелигиозной духовной жизни человечества был присущ всем народам на протяжении многих тысячелетий их доклассовой истории. Анимизм вошел в религиозные системы в той или иной форме и в той или иной степени своего развития. В явной форме анимизм уже выражен в самых ранних религиозных системах нарождающегося классового общества, так называемых полисных религиях, потому что раннеклассовое общество в большей степени, чем последующие, стоит на культурной основе доклассовой формации и питается прежде всего ее духовным достоянием.

Анимизм, как справедливо подчеркивал Г. В. Плеханов, не просто минимум религии, который выводил эволюционист Эдуард Тайлор, и не только необходимая начальная стадия любой религии, но и необходимый ее элемент. Фридрих Энгельс писал, что «силы природы представляются первобытному человеку чем-то чуждым, таинственным, подавляющим. На известной ступени, через которую проходят все культурные народы, он осваивается с ними путем олицетворения. Именно это стремление к олицетворению (оживлению, одушевлению, очеловечиванию, сказали бы мы.— Р. И.) создало повсюду богов...».

Одним из первых постулатов появившегося классово-неравноправного общества было ранжирование богов и духов первобытности, расположение их в соподчиненности одних другим. Как на земле общество разделилось на господ-правителей и массу подвластных, так и боги стали одни главными, всесильными, другие — подчиненными, исполнителями воли верховных.

Маленький человечек, копия человека, красный шарик спасения, жизненная сила мана у меланезийцев и тому подобные образы воплощали возможность одушевления живой и оживления мертвой природы.

Только на стадии развитых систем классовых религий жизненные силы разных народов превращаются в некую абстрактную душу — бестелесную субстанцию, невидимую и потому совсем непонятную. Китайцы назовут ее первоначально «ци» и будут ассоциировать с эфиром или просто с дыханием. С дыханием как проявлением своего существования бестелесную душу будут ассоциировать и классические мировые религии. Но это придет потом, а пока мир живет по канонам доклассового общества, и духовная жизнь людей постоянно вращается то азартно, то боязливо в круговороте ложных постулатов и достоверных истин, приближаясь к адекватному познанию мира, окружающей жизни. И в этом духовном освоении мира анимизм, как необходимый элемент всякой религии, а тем более элемент дорелигиозных верований, проявляет себя во всех традиционных системах иррациональной духовной культуры.

Человек приходит медведем

Этюды о первобытной вере человека
в предков-животных и предков-растения,
о тотемизме

авным-давно, несколько десятков тысяч лет назад, первобытный охотник,

чтобы понять окружающий мир, как-то охватить его своим сознанием, вынужден был просто оживить, одушевить его. Самый легкий путь оживить и одушевить природу — это уподобить ее себе, человеку. Оказалось, природу можно наделить человеческими страстями, болью, добром, жалостью, гневом.

Жизнь в любом ее варианте проявляла себя, с точки зрения давнего нашего предка, подобно человеку. В ту давнюю эпоху, когда не знали о причине зарождения жизни, когда рождение себе подобных было не только загадкой, но и неразрешимой тайной, проще простого оказалось связать рождение человека с животным или растением, с камнем или ручьем, облаком или луной, звездой или даже с самим солнцем.

Современные и более ранние этнографические данные убеждают в том, что, по представлениям практически всех народов земли, первые люди рождались чудесным образом и даже без участия женщины, а тем более — мужчины. Традиционные представления, что жизнь зарождается

из ничего и часто вне человека, с некоторыми изменениями были восприняты классическими религиями. Во всяком случае, появление на свет младенца Христа при непорочном зачатии будущей богоматери недалеко по смыслу отстоит от древнекитайских или меланезийских легенд, когда младенец появляется от луча солнца, съеденной ягоды, проглоченного таинственного шарика и т. п.

Следует сказать, что во всех случаях признание подобного зачатия уже весьма серьезная абстракция достаточно высокого уровня интеллекта. Первоначально же человек должен был искать своего предка, предка всех людей в том реальном мире, который окружал его.

Глина легко поддается лепке. Ее мнут руками, из нее делают предметы, повторяющие природу. Многие народы ведут начало своей истории с куска глины — благодатного материала для разных поделок — в руках богов. Когда люди увидели «чужих», да еще другого цвета кожи, они модернизировали мифы о сотворении богами людей, добавив сюжеты, способные объяснить различия в цвете кожи. Так, у американских индейцев белые — недоержанные в огне, черные — передержанные, и только сами индейцы — такие, как надо.

Ворон выглядит умной птицей, способной иногда повторить человеческую речь. «Так может, он, ворон, наш предок?» — подумали индейцы-глинкиты северо-западных районов Северной Америки и сделали ворона своим первопредком. Бобры — удивительные труженики: объединившись, они строят прочные плотины, как люди строят мосты и жилища. «Так может, бобры наши предки?» — подумали дальние соседи глинкитов и стали называть бобра своим первопредком. А полярная сова — та самая, которая смеется, и нередко по-человечьи, — стала считаться первопредком некоторых родов кетов.

Необычный по форме камень, напоминающий голову младенца; дуб или сосна, раскинувшие лапы-ветви, как великан, бредущий против ветра, могли быть и признавались первопредками. И первые люди, объединившиеся в родственные коллективы, признавали себя потомками камня, сосны, совы, бобра и множества других животных, растений, элементов неживой природы или космоса.

Родилась система особых связей с растением или животным — предком, особого отношения к нему, чаще всего почтительного, заискивающего. Такая система, отражавшая первоначальный анимизм, получила в науке название «тотемизм». У Североамериканского индейского племени оджибве первые европейцы услышали слово «от-тотем», что означало «его род», произнесенное по отношению к животному, считавшемуся их предком. «Мы, мол, оджибве от-тотем — его род». Слово «тотем» стало обозначать в науке предка-животное, растение, камень, реку и т. д., а систему представлений, взглядов, связанных с тотемами, стали именовать «тотемизмом».

Интересная закономерность

*Предки. Догоны
(Мали)*

выявляется в материалах археологии и этнографии — связь, и довольно частая, промысловых животных с тотемами. Причем если у одних данное животное — тотем, предок — объект почитания, то у других — просто добыча ради мяса. Одни, поедая свое тотемное животное или растение, специально приобщаются к «телу предка», другие роды и племена, напротив, считают, что съесть тотемное мясо или растение — значит накликать беду на всех сородичей.

Археологические материалы, если взять, к примеру, эпоху среднекаменного века, эпоху мустье, или эпоху неандертальцев, как будто свидетельствуют о том, что многие животные, ставшие в более поздние периоды уже родового общества тотемами, первоначально были объектами охоты. Их изображения на стенах пещер или в натурных макетах были утилитарными в эпоху мустье и в сменившие ее периоды как изображения вожаемой добычи, а не поклонения предку. Вполне вероятно, что именно так и было. Во всяком случае, мы из этнографии знаем роды оленей-маралов, бизонов, зубров, яков, коней, медведей, китов, тюленей и тому подобных животных, бывших и во многом остающихся объектами охоты ради мясной пищи. Может быть, нет ничего удивительного в таком сочетании одного и другого — и тотема и охотничьей добычи? Ведь нет сомнения в том, что успех охотника — это залог продолжения и развития человеческого рода

*Предки. Догоны
(Мали)*

вообще и его отдельных конкретных родственных коллективов.

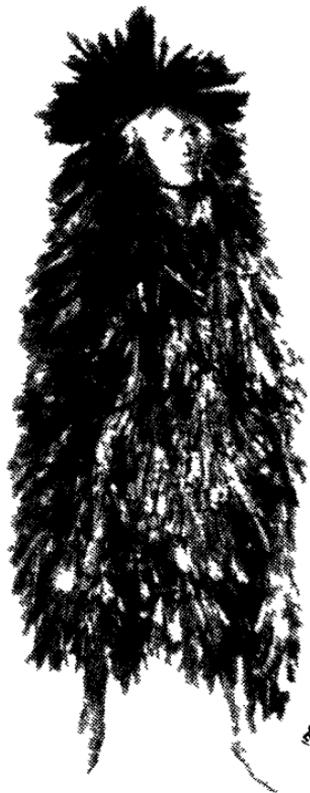
Люди почитали тотемы как предков родов, как тех, кто породил перволюдей. И в таком качестве в будущих тотемах выискивали чаще всего что-то такое, что сближало их с человеком.

Я не могу не остановиться здесь особо на роли медведя в традиционных и, несомненно, тотемистических представлениях сибирских народов, в частности тех же кетов.

Обычным выражением кетского представления о медведе является фраза: «Человек приходит медведем». Для кетов отождествлять человека и медведя — традиция. Старый кет Бердников на Елогуе объяснял такое тождество тем, что если с медведя снять шкуру, то он будет похож на голого человека. «Только мордой лицо», — подумав, добавил Матвей Бердников. По собственному опыту могу сказать, что в таком сопоставлении есть доля правды.

Человекоподобие «раздетого» медведя было ясно любому охотнику, и он мог давать объяснение этому факту такое, какое дают кеты:

— Медведь, однако, это когда-

Вождь калифорнийских индейцев в costume тотема Ворона

то умерший человек. Мы добудем медведя, лапу обрубим и подбрасываем ее, гадая, кто же это из давних родичей пришел к нам в обличье медведя. Всех перебираем, кто умер не ранее семи лет назад.

У кетов человек после смерти возвращается медведем, и ему устраивают особый медвежий праздник, когда церемонно и торжественно поедается медвежати́на, а кости аккуратно собираются и прячутся в тайге на ветвях, чтобы вновь обрости мясом и опять прийти к кетам медведем. Медвежати́на — лакомство, особенно в голодную зиму. Медведь и тотем-предок, приобщение к телу (мясу) которого делает сородичей сильными и могучими.

А что тогда говорить о тотеме — предке-тигре? В зоне Сычуаньских Альп, на восточных отрогах Тибета в Южном Китае живет народ лаху, говорит этот народ на языке родственном языку носу. В переводе «лаху» означает «тигр, съеденный сообща». Значит, когда-то предки лаху приобщились к телу тотема-тигра, чтобы стать могучими. У носу еще лет сорок — пятьдесят назад старейшин рода после смерти обертывали в шкуру белого тигра и подвешивали на деревьях в священной каштановой роще. Белый тигр — тотем носу, покровитель и защитник рода.

Существует во многих вариантах легенда о том, как во времена династии Цинь — одной из первых династий Древнего Китая — белый тигр огромных размеров досаждал китайцам, нападал на их селения, губил людей и скотину. Император обещал награду в полцарства тому, кто одолеет тигра. Двое из южных варваров вызвались совершить подвиг и победили тигра. Однако циньский император не пожелал выполнить обещание, а только дал жалкую толику золота и на целый год освободил сородичей — победителей тигра от податей. Комментарий письменного китайского варианта легенды оправдывает поступок правителя

Цинь тем, что дело для южных варваров было нетрудным — белый тигр был сородичем варваров.

Тигр — один из сильнейших хищников джунглей Азии — постоянно встречается в народных сказаниях и как предок, и как покровитель, защитник рода. Животное-предок, растение-предок по мере социального развития общества приобретали особые функции покровителей и охранителей. При имущественной дифференциации, при возникновении классовых отношений тотемы стали делиться на главных и второстепенных, как делились племена или роды внутри разлагающихся уже племен по имущественному признаку, достатку. Отсюда в дальнейшем появятся знатные, родовитые фамилии, но первым движением к расслоению доклассового общества и его культуры является утверждение особого культа предков. Когда возникнет культ реального патриархального предка, он сметет тотемную традицию, сохранив память о ней либо в обществах, недалеко ушедших от родового строя, либо в развитых классовых в качестве пережитков в названиях, пищевых запретах или традиции обозначать годы именами животных из двенадцатиричного цикла.

Многие столетия, а то и тысячелетия традиции тотемизма охватывали все родственные коллективы человечества. Если были понятны выборы тех или иных животных в качестве тотема, то выбор, например, тыквы-горлянки кажется своего рода курьезом.

Тыква-горлянка и человечество

Н

икогда на свете не было так, чтобы люди, жившие за глухими стенами, ниче-

го не видевшие и не слышавшие, никого не знавшие, кроме самих себя, могли рассказать правду о своих соседях. Так было и с теми, кто появился раньше всех. Те из них, которые оказались на равнине, могли заметить где-нибудь вдали дым костра и потянуться к нему, и наткнуться на других людей. Те же, кто оказался в горах, не знал и не ведал, что за хребтом в соседней расщелине тоже живут люди. Вот почему в горах небольшая группа людей, живущих на одном склоне, и говорит, и живет иначе, чем другая — на другом склоне. В горах мало народу, но много языков и разных обычаев. В долине иначе.

Наша история случилась в долине. Там, где течет Желтая река, несущая воду, перемешанную с желтой землей, по соседству в одной деревне жили две семьи. Соседи почти не виделись друг с другом, глиняная стена отделяла их огороды, внешние стены домов были глухими, и стояли они, как бы повернувшись спиной друг к другу. Семья Мэн была бедной, соседняя Цзян — богатой, но и те и другие были бездетны. Старость уже стучала у обоих порогов, а кто согреет ее? Это неведомо даже небесному владыке. В расстройстве возвращались разными дорогами в свои дома Мэн и Цзян после посещения храмов в центре деревни. Мэн ходили в даосский, Цзян — в буддийский.

Однажды ранней весной хозяйка дома Мэн увидела на тропе у дома тыквенное семя, необыкновенно белое, как будто серебряное. Она подняла его и, так как была пора

сажать огород, ткнула семя в землю, которую взрылил муж.

— Зачем ты сажаешь тыкву, когда здесь я хочу посеять просо, — недовольно проворчал муж, но жена ему не ответила, только придавила лунку с семенем и плеснула в нее воду.

*Тыква как символ плодovitости.
Китайский народный лубок*

Прошло несколько недель, появившийся побег протянулся к стене, отделившей огород Мэн от двора Цзян. Еще через несколько недель побег перелез через стену и оказался на огороде Цзян, где и зацвел. К концу лета выросла тыква, увеличивавшаяся в размере день ото дня.

— Соседи, смотрите, смотрите, она уже стала величиной с телянка, — кричали Мэнам Цзяны, радушно распахивая перед соседями ворота своего дома.

Мэны заходили к богатым Цзянам медленно, с достоинством. Обе семьи любовались чудом, а тыква продолжала расти, и вскоре она стала размером с небольшого буйвола. Мужчины Мэн и Цзян разобрали часть стены, отделявшей их дворы, и решили по очереди караулить тыкву.

Тыква перестала расти, и утром после ночи полной луны, когда сторожем у тыквы был хозяин Мэн, внутри ее послышался шум. Мэн испугался и позвал хозяина семьи Цзян. Прибежали и их жены.

Солнце вставало над деревней, забиралось своими лучами во все дворы, добралось и до дворов Мэн и Цзян. Солнечный луч упал на огромную тыкву, и она с шумом треснула. Распались две огромные половины, и из тыквы вышла девушка необыкновенной красоты, в нарядном серебряном платье, белолицая, с высокой прической, которую держали серебряные узорчатые гребни, украшенные изумрудным пером зимородка.

— Кто ты? — одновременно спросили Мэны и Цзяны.

— Я ваша дочь! — спокойно ответила девушка и поклонилась хозяину и хозяйке семьи Мэн и семьи Цзян.

Так и стала девушка, родившаяся из тыквы, дочерью обеих семей, и назвали ее Мэн-Цзян Нюй — Девушка семей Мэн и Цзян.

В легенде о Мэн-Цзян Нюй также говорится о ее замужестве, о том, как забрали молодого мужа на строительство Великой китайской стены, где он и погиб. О горе и печали Мэн-Цзян Нюй, о ее поисках супруга, ее встрече с жестоким императором Циншихуанди и о ее гибели.

История Мэн-Цзян Нюй многие века была канвой произведений разных поэтов и писателей, художников и скульпторов. Нам важен факт чудесного рождения девушки из тыквы как отголосок многих древних китайских мифов, в частности мифа о великане Паньгу, родившемся в тыкве-

горлянке, когда еще сама земля зарождалась и не было на ней людей.

Почему тыква стала обителью рождения? Что же в ней есть такого, дающего жизнь людям? Мне кажется, ответ может дать еще одна китайская легенда. В ней речь идет о зарождении людей, разных по языку и культуре, народа ва, или кава.

Там, где южный Китай граничит с Бирмой и Лаосом, в приграничных джунглях обитает небольшой народ кава. Странная и страшная слава еще в 40-е годы XX века окружала этот народ. Близкие и дальние соседи говорили с испугом о том, как охотники кава отправляются в долгие походы за человеческими черепами, которые они устанавливают на шестах вокруг рисового поля. Еще говорили, что тропы сквозь джунгли к своим селениям кава напичкали самострелами, которые поражали каждого чужака смертельным ядом.

В такой славе была доля правды.

Горы здесь такие же неудобные, как и порожистые реки, которые несут мутные желтые воды, горы обнажают желтые склоны, редко покрытые кустарниками и деревьями.

Когда направляешься через горы резко на юг, пересекая приток Меконга, то попадаешь на широкую равнину, покрытую бурно и вечно цветущей и зеленеющей растительностью тропиков. В густых зарослях переплелись лианами восковые деревья падуба, магнолии, пальмы и араукарии. Даже с горы не видно в долине жилья — только зеленый океан, оттеснивший горы к дальнему горизонту.

Лесная тропическая чащоба начинается сразу от берега притока Меконга, и нигде нет какого-либо просвета или прохода в стене стволов и перехвативших их толстенными канатами лиан. Идешь вдоль притока или плывешь по нему и неожиданно натыкаешься на места водоемов слонов,

а то и буйволов. Должны же быть их тропы через лес и в лесу? А буйволы? Разве не к человеку привязаны они, разве их присутствие не выдает и присутствие человека.

Очень хочется разыскать охотничью тропу, которая от реки должна вести в лес, к селению. Найти такую тропу, такой проход — еще не значит найти дорогу к людям, тем более к тем, которые сами себя называют кава — «люди леса».

В тот год — тридцатый год со дня провозглашения Китайской Народной Республики, когда страна стала возрождаться после долгих лет разгула «культурной революции» и утрат, нанесенных «великим скачком», в пределах автономного уезда кава, в юго-западном углу провинции Юньнань, появились китайские этнографы. Их было всего шесть человек. Хотя двое, Чжэн Вэй и Ван Цзи, хорошо знали язык кава, сотрудники Куньминской академии общественных наук порекомендовали взять из местного института национальностей студента четвертого курса Булана. Булан оказался на редкость полезным членом экспедиции. Он первый нашел проход в чаще, хотя покинул эти края уже более шести лет назад.

Экспедиция отправилась от уездного центра на лодках с моторами. Вытащив лодки на берег и закрепив их, этнографы резво стали углубляться в чаще. Тропа вначале шла прямо, была широкой и хорошо утоптанной. Вдруг Булан поднял руку, отряд остановился и с удивлением обнаружил, что тропа исчезла, пропала в каких-то перепутанных ветвях деревьев, кустарников, лиан.

— Сейчас мы войдем в специальный ход, который ведет в нашу деревню. Будьте осторожны, ступайте только туда, куда я поставлю ногу, иначе сорвете насторожку-веревку, она сорвет с предохранителя тетиву и арбалет,

а то и огромный лук с копьём вместо стрелы сорвется, и тогда кто-то обязательно погибнет.

Булан высказал предупреждение и спокойно вошел в неширокий проход, напоминающий тропу-тоннель, закрытый сферической крышей из связанных ветвей. В таком тоннеле нельзя отклониться в сторону, и, если кава насторожила против чужеземцев оружие, оно неминуемо поранит идущего впереди.

Булан шел осторожно, напряженно, но достаточно уверенно, чтобы все успокоилось. Чжэн Вэй шла сзади, шла последней. Она подумала, что идущий последним вряд ли может быть поражен притаившейся стрелой, и неожиданно для самой себя сделала шаг в сторону, но тут же с испугу присела на корточки и пригнула голову — непонятно откуда вылетела стрела и прошелестела над ее головой.

— Идите в мой след, — тревожно напомнил Булан и добавил: — Еще немного, скоро придем.

И на самом деле тоннель кончился, и путники оказались на широкой поляне, где стояли свайные жилища кава, а справа и слева виднелись поля риса и огороды с ямсом и тыквой и по их краям — шести со зловещими трофеями охотников кава — белыми черепами людей и животных.

— А твои сородичи кровожадны, — не то с улыбкой, не то с испугом заметила Чжэн Вэй Булану, кивая на шести.

— Дорогая Чжэн, — мягко начал Булан и продолжил: — Эти трофеи давнишние, когда я был мальчишкой, мой дед говорил, что два черепа добыл его отец в юные годы. Значит, им не меньше шестидесяти лет, а уже перед войной с японцами наш народ перестал охотиться за человеческими головами и добывал только головы диковинных животных.

— А зачем нужна такая охота? — спросил Ван Цзи. Булан пожал плечами.

— Я боюсь что-нибудь не так сказать. Вы лучше спросите у моих старших сородичей. Вон, кстати, их дом, вон они сами в окружении моих сестер и братьев.

От легкого домика, стоявшего на массивных сваях, навстречу экспедиции шла пестрая толпа мужчин и женщин, мальчишек и девчонок, с копьями и луками, со связками бананов и плетеным блюдом с запеченной в золе тыквой. Сородичи Булана знали, что к ним идут гости, друзья Булана, и приготовили дары встречи — бананы и тыкву, но на случай ошибки мужчины не забыли захватить боевые копья и луки со стрелами.

Толпа встречающих резко остановилась, экспедиция продвинулась вперед так близко, чтобы можно было разглядеть сородичей Булана, и тоже остановилась. Булан вышел вперед, опустил на землю походный мешок, ружье, снял сапоги, куртку, рубаху и, оставшись в одних штанах, босиком, с радостным криком побежал к старому мужчине и старой женщине, стоявшим в центре.

Над поляной прокатилось бурное восторженное восклицание толпы: «Булан вернулся!», и тут же к этнографам подбежали девушки и юноши, протягивая дары леса и поля — бананы и тыкву.

Родственники Булана приняли этнографов как дорогих, желанных гостей.

На исходе первой недели, когда уже были заполнены многие страницы полевых дневников и отсняты десятки метров фото- и киноплёнки, отец Булана поведал о двух интереснейших сюжетах из истории культуры кава.

Первый имел отношение к черепам на шестах.

— Когда началось такое? Кто первый пошел в джунгли с копьём и самострелом за головой врага? — начал отец Булана и продолжал: — Не знаю, зато знаю, когда духи решили заменить человеческий череп звериным. Такое слу-

чилося целых сорок лун назад. До этого каждую весну, проведя борозду на земле, посадив семена на рассаду, наши отцы и деды отправлялись в дальний поход. Успеха и хорошей добычи желали им все остающиеся в деревне. Наша вера была такая. Урожай зависел от духа-охранителя, что сидит в черепахе на шесте.

— Погодите, деде,— сказала Чжэн Вэй,— расскажите все по порядку: зачем нужна была голова, что за дух-охранитель сидел в черепахе? Пожалуйста, деде, не торопитесь.

Отец Булана не все понял из речи на китаизированном языке кава, произнесенной Чжэн Вэй, но сын помог отцу, и тот закивал головой быстро, быстро, попыхивая деревянной трубкой с медной чашечкой.

— По нашей вере, поле, засеянное семенами тыквы и конопли, усаженное рисовой рассадой, может дать хороший урожай, если духу поля и воды будет принесена жертва — посажена на шест голова врага. Пройдет время — птицы и черви, дожди и солнце превратят голову в череп. Тогда сам череп будет как охранитель посевов до того дня, пока дух убитого не вернется в него.

Чжэн Вэй опять перебила отца Булана.

— Какой дух, откуда он должен вернуться?

Выслушав обстоятельное разъяснение сына, о чем его, старика, спрашивает эта странная женщина, говорящая на языке, похожем на родной язык кава, но непонятном, отец Булана обратился к нему:

— Сын мой, что она все время спрашивает и спрашивает, она что, ничего не знает?

— Отец, ты не сердись и рассказывай. Понимаешь, у них такая работа — спрашивать и спрашивать, а ты уж отвечай им и не сердись. Это важно, очень важно.

— Ну ладно, тогда слушайте. Вот у тебя твой дух,—

отец Булана протянул руку к груди Чжэн Вэй, — вот здесь, а у наших врагов — в голове. Когда голову врага насадишь на шест, то дух покидает ее и отправляется на родину убитого к могилам его предков. Если ты убил врага из дальних стран, то дух убитого долго навещает предков и долго возвращается из странствия — паломничества. И это очень хорошо. Чем дальше жил убитый, тем лучше для него, ведь когда дух вернется и поселится в своей голове, ставшей черепом, он станет вредить нам, и нужно добыть новые головы и выбросить старые.

— Теперь все понятно и тебе, и тебе, и всем вам? — спросил отец Булана, тыкая в грудь чубуком каждого члена экспедиции.

Чжэн Вэй ответила за всех, ответила отчетливо, покаваски:

— Понятно, деде, спасибо, деде.

Проще и понятней был рассказ о тыкве, в которой зародились все народы: и кава, и их соседи — мяо, тай, китайцы, и еще такие, которых никто не знал.

Расшевелив костер, подбросив в него сухие пальмовые листья, отец Булана с улыбкой поведал легенду о тыкве, тигре и воробье — трех существах, почитаемых кава. Да и тыква не плод земли, а живое существо и самоместилище жизни.

— Появились на небе звезды, солнце и луна, — изда-лека начал отец Булана, — из дальних небесных высей появились огромные птицы, в их когтях были земля и горы, реки и леса, травы и цветы. Покрутились птицы вокруг, полетали, а кроме звезд, солнца и луны ничего не было. Отлетели они далеко от солнца и близко от луны и разом бросили вниз землю и горы, реки и леса, травы и цветы. Брошенное зацепилось за край неба, и стала земля землей. Вскоре другие птицы принесли зверей и рыб, змей и бабо-

чек. Стало на земле много всякой всячины. Все было на земле, все росло на земле, но не было людей. Ни черных, ни белых, ни желтых, ни пестрых, никаких не было.

В укромном месте под высокой горой, рядом с ручьем, на толстой подушке черной земли вдруг неожиданно появился по весне росток. Рос росток, вытягивая свой стебель, который начал стелиться по берегу ручья, и однажды зацвел ярким желтым цветком. Прилетел воробей, подивился цветку, попрыгал около него и улетел, но каждый день затем стал прилетать вновь. Вышел из пещеры тигр — огромный, в ярких черных и красных полосах. Подошел к цветку, хотел было лизнуть его, но цветок закрылся и спрятался под стебель. Удивился тигр, но не стал трогать стебель и ушел в свою пещеру.

Шли дни, и однажды прилетел воробей и зачирикал удивленно, радостно. На месте отцветающего цветка появился зеленый плод. Выйдя из пещеры, тигр тоже увидел его.

— Пичужка,— рявкнул тигр,— ты знаешь, что это такое на стебле — круглое, зеленое.

— Тыква,— прочирикал воробей и улетел прочь.

— Тыква,— громко повторил тигр и ушел в пещеру.

А тыква росла, скоро она стала, как холм. Затем — как гора, затеняющая солнечные лучи, падавшие на долину, ручей и тигриную пещеру. Чтобы увидеть верхушку тыквы, тигр задрал морду, хотя сам был, как небольшая гора.

Воробей первым услышал шум, бурление в тыкве, как будто под крышкой кипит вода. Он стал облетывать тыкву. Тигр следил за его полетами и тоже прислушивался к шуму в тыкве.

А в тыкве происходило чудо. В тыкве копошились разные люди, разные народы. Там были тай и мяо, китайцы и носу, бирманцы и кава и еще какие-то совсем неизвестные люди.

Они карабкались снизу вверх, пробиваясь сквозь мякоть, ища выхода. Мяо и китайцы долбили тыкву мотыгами, кава и носу протыкали ее копиями, бирманцы и тай пробивались, размахивая заступами. Вот-вот не выдержит стенка, появится отверстие.

Первым заметил, как появилось в тыкве отверстие, тигр; он поднялся на лапы и, оскалив пасть, заглянул внутрь. Толпившиеся у выхода люди отпрянули со страхом в глубь тыквы. Каждый раз, когда кто-то приближался к выходу из тыквы, тигр готовился проглотить смельчака.

Приуныли разные народы. Появились они в тыкве, а выйти наружу не могут. Над тигром летает воробей, гневно чирикает, пытается клюнуть его в нос. Но что может сделать малая птаха с огромным зверем? Томятся народы в тыкве, все сгрудились у выхода, ждут момента, когда зверь отвернется или заснет. Но начеку тигр и не выпускает никого.

Тут воробей, крутившийся вокруг тыквы, подкрался к хвосту тигра, долго летал над ним, будто целился, и резко бросился вниз на кончик хвоста. Со всей воробьиной силой в самое больное место клюнул воробей тигра...

От неожиданности, от боли тигр отвернул морду от тыквенного отверстия, норовя схватить обидчика. Все народы как будто только того и ждали. Они выскочили наружу. Китайцы, тай, мяо, бирманцы — все с мотыгами и заступами побежали на равнины и в горные долины, носу с самострелами — в северные горы, а кава, шедшие последними, ухватили копия и спрятались тут же, в горах и лесных чащобах...

Отец Булана перевел дыхание, кашлянул и завершил рассказ так:

— С той поры на самых добрых землях — китайцы и тай, похуже, в горных долинах, — мяо и бирманцы, в горах

охотятся носу, ну а наши люди добывают пищу свою здесь же, где сидим мы, где под ближней горой и росла тыква — общий дом и общая жизнь всяких людей. Для нашего народа, наших сородичей, одинаково дороги и тыква и воробей. А наши соседи чтят тигра. Может быть, он был их предком, как ты думаешь, женщина со стекляшками на глазах?

Отец Булана обратился к Чжэн Вэй, та ничего не ответила, только пожала старику руку и улыбнулась — спасибо, мол, за рассказ.

Когда сопоставляешь историю появления девушки-красавицы Мэн-Цзян Нюй и всех народов в легенде кава, видишь много общего в восприятии тыквы, дыни, арбуза, огурца как вместилища многих жизней, каждое семя — это жизнь. Недаром есть русская загадка: «Без окон без дверей полна горница людей», отгадка — огурец.

Тыква — не животное, не существо — в народном представлении становилась живой, почиталась как тотем, как предок. В древнейшей китайской мифологии тыква участвует в сотворении мира, порождая в своем чреве титана — демиурга Пань-Гу, где Гу — это тыква-горлянка, а Пань — блюдо или просто имя.

Китайские историко-этнографические источники позволяют утверждать, что мифический Пань-Гу китайцев, сюжет этногенетического предка-прародителя, заимствован ими у древних южных соседей мань, бывших общими предками современных народов мяо, яо и шэ.

Пятицветная собака Паньху и лебедь

Неожиданно все перемешалось. Мифы о Пань-Гу — псе и человеке, демиурге, выросшем в тыкве-горлянке, легенды народов шэ и мяо о пятицветной собаке Паньху — предке всех мань Древнего Китая, запись в династической хронике «Хоу-ханьшу» о Паньху и императоре Гаосине, которая связана с теми же южными варварами мань и которая как бы объединила древний миф и устную легенду современных народов.

Что сначала, что потом? Сказать трудно. Зато есть возможность изложить историю достаточно полно, опираясь на обе традиции — устную и письменную.

Горы Улинь — сплошная гряда. Невысокая, заросшая деревьями и кустарниками, тянется она с запада на восток, постоянно понижаясь и исчезая совсем в приморской долине. В этих горах ущелья и пещеры, долины коротких и бурных рек и водопады. Некоторые из них обрушиваются вниз с большой высоты, другие падают плавно, словно по ступенькам. Одни вершины в горной гряде почти достигают облаков островерхими пиками. Другие предстают причудливым каменным лесом, поднявшимся над деревьями и кустарниками, усеявшими склоны.

В горных лесах поют птицы, плодятся изюбры и олени, растут разные плоды, ягоды, орехи. Все есть в горах Улинь для жизни и радостей — и ясное, прозрачное голубое небо, и солнце, дарящее тепло, и тень деревьев,

несущая прохладу, и хрустально-чистая вода родников, и даже укрытия пещер на случаи непогоды, ненастья. Все есть в горах Улинь для жизни и радостей, нет только тех, кто лучше, чем птицы и животные, может жить и радоваться, может понимать, что они живут и радуются, — нет людей. Нет их ни в горах Улинь, ни рядом: и там, где встает солнце и где оно заходит, и там, в той стороне, куда обычно с гор скатываются ручьи и реки. Что же там за горой, откуда иногда летит морозный ветер? Неизвестно. Там за горой такая даль, что туда не долететь птице, не добежать оленю.

Пусто без людей в горах, забытыми богами и духами кажутся сами горы. А солнце встает, а день приходит новый, как будто, он, этот день, ждет чего-то, ждет чуда.

А тем временем далеко за горами на земле, где после цветения деревьев и кустарников появляются на ветках плоды и ягоды, потом желтеют и опадают листья, приходит холод, а с ним снег покрывает землю, на той земле, где после холодов вновь наступает тепло и зеленеют опять деревья и кустарники, жили люди.

С утра до вечера одни трудились с мотыгами на полях, другие с вечера до утра охраняли сон уставших соплеменников от врагов, которых у племени вождя Гаосина было много. Всем хотелось прибрать к своим рукам земли Гаосина, особенно соседям справа и особенно тогда, когда к ним на подмогу пришли войска, предводительствуемые духом — воином Фань.

Известие о Фань встревожило и расстроило Гаосина. Не находил себе места вождь ни в доме, ни среди деревьев в священной роще. Хотя поселение Гаосина было окружено высокой стеной из стволов деревьев, она не могла защитить племя. В беспокойстве проходили дни и ночи, а мудрого решения не было. К духам обратился Гаосин, и те сказали

ему: «Изведи Фаня, убей Фаня, и враг сам покинет твою землю». Но как извести Фаня?

И громогласно объявил Гаосин, что тому, кто одолеет Фаня, кто доставит его голову, Гаосин отдаст в жены свою дочь. Дочь-красавица стояла рядом с отцом и согласно кивала головой.

К сказанному Гаосином прислушалась бежавшая через двор необычная собака — шерсть ее была окрашена в пять цветов, и кличка у пса была самая простая — Паньху, что значило «пестрый».

Люди обсуждали сказанное вождем, а Паньху бегал вокруг них и заглядывал им в глаза, прислушивался к их речам. От взгляда пса некоторые боязливо отворачивались, им казалось, что вот-вот собака заговорит. Паньху побегал, побродил среди людей, понял, что никто не рискует совершить подвиг, и перемахнул через стену.

Исчезновение пса никто не заметил. Паньху не было весь день и всю ночь. На следующий день рано утром через стену перелетело пестрое, пятицветное существо с головой Фаня в зубах.

Бывшие во дворе испуганно шарахнулись от пса, крича: «Голова Фаня! Голова Фаня!» Гаосин и его дочь вышли во двор. Пес подбежал к вождю и положил у его ног голову Фаня, а сам отбежал к дочери Гаосина и стал тереться у ее ног. Гаосин, радостный, разглядывал голову врага и улыбался. Он был доволен: и враг побежден, и дочь не покинет отца — ведь нельзя же женить пса и девушку.

— Хорошо накормить Паньху! — приказал Гаосин и собрался уйти к себе. Пес отбежал от девушки и преградил вождю путь.

— Ты что, Паньху? — вождь собрался было погладить пса, но пес — о небо! — раскрыл пасть и произнес по-человечьи:

— Ты что же, вождь, не хочешь выполнить обещания? Гаосин невольно оглянулся: кто, мол, это говорит?

— Это говорю я — Паньху! Ты обещал, так исполни свое обещание!

— Но это невозможно, — вскрикнул Гаосин и тут же замер с открытым ртом.

Пока разговор шел между отцом и Паньху, дочь вождя подошла к ним, положила руку на спину пса, и пес начал быстро расти. Когда Гаосин сказал, что «это невозможно», пес уже был ростом с теленка. Через мгновение он стал со слона.

Дочь Гаосина вскочила к нему на спину. Паньху присел, с силой оттолкнулся, перелетел через стену и унесся в небо.

Паньху с дочерью Гаосина опустился в горах Улинь. Здесь в большой пещере устроила жилище дочь Гаосина, став женой Паньху.

Пес оберегал молодую женщину, снабжал ее всем необходимым, ласкался к ней, и жили они двое в мире и согласии. Двенадцать детей родила дочь Гаосина — шесть мальчиков и шесть девочек.

Их дети поженились друг с другом, и пошел от них древний народ мань — общий предок мяо, яо и шэ.

Зазвучали людские голоса в горах Улинь, ожили леса, ущелья, пещеры. Дети Паньху схоронили пса-прародителя, а затем и дочь Гаосина, которая после смерти чудесного супруга все чаще поднималась на горы Улинь и смотрела в сторону страны холода — не идет ли посольство от ее отца, но так и не дождалась.

Дети Паньху в честь пса-предка приказали женщинам мань отныне и вовеки веков носить такую прическу или головной платок, чтобы их очертания напоминали собачью голову.

Прошло много лет и столетий, но и по сей день потомки древних мань чтят память Паньху и женщины, укладывают головной платок так, чтобы по бокам торчали «собачьи уши».

Женщины мань носят прически и головные уборы, похожие по очертанию на голову собаки

Паньху — не единственный пес, который стал тотемом народов. У киргизов почитают как тотем некую красную собаку, у некоторых австралийских племен тотем — дикая собака динго.

Животные-тотемы обычны и практически встречаются всюду, на разных континентах. Делятся животные-тотемы на животных полезных, домашних и животных диких, хищников. Отношение к ним одинаково в культовом смысле и различно в практическом, рациональном.

Хищника боялись, и, признав его тотемом, люди надеялись на помощь «сородича», тем более «родителя». Домашнее животное было с человеком, и от него нередко зависела жизнь людей. Неудивительно, что у многих древних кочевников тотемом был конь. Монголы даже рукава своих халатов в память тотема вырезают, как конское копыто. Лошадь помогала кочевнику преодолевать огромные расстояния и шла в пищу. Поедание тела тотема означало и приобщение к нему, и почитание предка-охранителя. Еще считалось, что тотем-животное как охотничья добыча способно плодить несметное число себе подобных.

Тотемами были не только животные, но и птицы, и растения. Особенно много было птиц-тотемов. Например, у половцев в поэме «Слово о полку Игореве» среди одиннадцати тотемов было много птиц. Половецкие тотемы таковы — Лебедь, Волк, Орел, Лисица, Соловей, Ворона, Галка, Сорока, Гусь, Полоз, Дятел.

Лебедь не зря открывает половецкий тотемный ряд. Человек давным-давно обратил внимание на необычную красоту птицы, которая в отчаянии, в горе кричит или стонет по-человечьи.

Алтын-ой была прекрасна, с плавной походкой, мягким и нежным голосом. Отец ее весной ставил юрту на высоком угоре, чтобы хорошо можно было видеть пастбища, раскинувшиеся по приволью правобережья Большой реки. Кочевал со своим стадом мудрый Монгуш, как все в роду

звали отца Алтын-ой, хотя и особняком, но не очень отдаляясь от сородичей. Иначе кто же придет на помощь в случае беды? Далеко (за два дневных перехода) на севере обычно пасли скот сородичи мужа сестры Монгуша — Саят, которую Монгуш со дня ее свадьбы видел всего один раз и то уже давно, пожалуй лет десять-двенадцать назад.

Дни проходили в тревогах и заботах о скоте — главном источнике богатства и самой жизни. Если спросить Монгуша, когда начались в его жизни особенные беспокойства в семье, связанные с Алтын-ой, он наверняка сказал бы, что с той зимы, когда у его юрты остановился уездный писарь, прыщеватый и нагловатый парень, сменивший призванного на германскую войну известного всем хакасам Митрофана. Митрофан не то чтобы был добрым к кочевникам, но, как он сам говорил, «понимал душу инородца». Новый писарь, приехавший из Омска, был хром и кособок, да еще и нечист на руку. Он прибыл к юрте Монгуша сватать его дочь, но получил отказ и от отца, и от дочери. Затаил писарь злобу и искал только повод, чтобы отомстить отказчику. Писал много доносов на Монгуша и вообще на хакасов его рода, обвиняя их даже в царетоступничестве. Только события в России, в ее столице, — революция и отречение царя, — по сути, спасли Монгуша и его сородичей. Во всяком случае, писаря больше никто не видел в здешних степях.

Приезд и сватовство писаря напомнили Монгушу, что у него растет дочь, что ей нужна пара, что ей придется покинуть отчий дом. Ох, как не хотелось Монгушу расставаться с дочерью, которая вела хозяйство после неожиданной смерти матери! Не хотелось расставаться, надеялся, как-нибудь все обойдется, и Алтын-ой будет с ним всегда.

Прошло совсем немного дней. Лето пришло на стойбище Монгуша, и у его юрты осадил коня стройный хакасский

юноша. Он стукнул камчой в дверцу, распахнул ее и вошел внутрь. Сделал поклон и прошел на переднее место — напротив входа, где на ковре сидит Монгуш, а на женской половине хлопотала Алтын-ой.

Монгуш кивнул вошедшему, силясь вспомнить, кто перед ним?

— Дядя Монгуш, вы меня не узнаете?

— Нет, парень, не признаю.

— Да я же сын вашей сестры Саят.

— Сын Саят...

Монгуш протяжно вздохнул, припоминая, что по законам предков он, дядя пришедшего молодца, не может, не имеет права ни в чем отказать племяннику — сыну сестры.

— Так что тебе нужно, сын Саят? Зачем прибыл?

— Отдай за меня твою дочь...

Юноша встал и склонил голову, искоса смотря на Алтын-ой, замершую с тазиком в руке и внимательно слушающую его разговор с отцом.

— Нет, сын Саят, нет моего согласия, нет и согласия Алтын-ой. Я прав, моя дочь?

Алтын-ой ничего не ответила, бросила тазик в угол и выскочила из юрты.

Ни с чем уехал юноша — сын Саят — от родного дяди. Ни с чем вернулся в свою юрту и все рассказал отцу и матери.

— Саят, что-то твой брат поступает неправильно, — сердито буркнул отец юноши, — может быть, ему напомнить и подарить лебедя?

— Может быть, подарить, — грустно произнесла Саят и задумалась.

Редко, очень редко хакасы били лебедя. Гордая и красивая птица считалась родственником или прародителем

многих хакасских родов, как и соседей-алтайцев, имевших даже целое племя, именовавшееся «лебединцами».

По древним представлениям южносибирских тюрков и их соседей-бурят, лебеди породили людей.

В давние времена жил под небом богатырь, сын которого женился на лебеди, плававшей на Енисее. От их брака родилось одиннадцать сыновей, положивших начало первым одиннадцати родам бурят, родам тувинцев, алтайцев, хакасов.

Лебедь-праматерь, после того как ее сыновья выросли, вернулась на небо и завещала им и их потомкам чтить лебедей. Чтят лебедь разные народы по-разному. Буряты не убивают сами лебедей и не позволяют убивать другим, не едят мяса лебеда, как бы ни было голодно. Якуты считали лебеда покровителем женского рода, и якутки не могли ни есть, ни даже прикасаться к его мясу. Тувинцы и хакасы, подстрелив лебеда, спешили подарить его любому своему сородичу, который взамен такого дара давал оленя или что-нибудь иное, в чем нуждался добывший лебеда. Получив подарок за лебеда, охотник уходил, а хозяин юрты, где теперь находилась птица, собирал гостей, варил птицу и съедал ее мясо вместе со всей семьей и приглашенными родственниками.

— Тот, кто входит в юрту с убитым лебедем, тот не может получить отказа в своей просьбе,— сказала Саят и, подойдя к сыну, добавила: — Не печалься, сынок, отец добудет лебеда, и ты с лебедем пойдешь к моему брату, и он отдаст тебе Алтын-ой.

Только через двенадцать дней отец вернулся в юрту. В его руках был убитый лебедь. Большой лебедь — размахом крыльев доставал от пола до крыши юрты. Такого лебеда называли хакасы еще «лошадиным», за него полагалось отдарить конем. Чуть меньше назывался «коровь-

им». Еще меньше «овечьим». За «коровьего» лебеда давали корову, за «овечьего» — овцу. Но был еще особый лебедь — необычайных размеров, окраски, которого называли «человечьим»: за него полагалось отдарить девушкой.

Муж Саят добыл «лошадиного» лебеда.

— Ничего, сынок, — успокоила своего первенца Саят, — ты пойдешь к своему дяде — моему брату, а мы лебединого рода, и он не откажет тебе. И без лебеда женитьба на дочери дяди — брата своей матери — у нас, хакасов, была всегда правом и обязанностью. С лебедем дядя примет тебя и все сделает, ведь не забыл же он окончательно заветы древних!

Быстро, но не торопясь, собрали родители юношу вновь в дорогу на стойбище дяди Монгуша. Отец завязал на шее лебеда желтую шелковую ленту, мать положила в суму кожаную бутылку с аракой и туесок с мясом.

Отец помог сыну удобнее устроиться в седле и легко шлепнул коня по крупу.

Солнце село. В степи, где в августовский зной вечером дышится легко и привольно, юноша заснул. С первыми лучами солнца он вновь был в седле и продолжал свой путь. К середине дня показалось стойбище Монгуша.

Юноша видел далеко и легко различил перед юртой дядю и его дочь. Они стояли перед входом и о чем-то разговаривали. Дочь несколько раз показала рукой в сторону приближающегося к ним всадника.

Юноша придержал повод. Конь ступил в ложбинку и затем вынес седока наверх. Вот и юрта Монгуша, но уже никого нет перед ней. «Это и к лучшему!» — подумал юноша. Соскочил с седла, привязал коня к резной деревянной коновязи и, взяв лебеда, завернул его в большой

платок головой вперед, сунул под мышку, в одну руку прихватил суму с аракой и мясом, другой открыл дверь юрты и вошел вовнутрь.

— Дядя Монгуш,— юноша обратился к Монгушу, сидевшему, как и в первый раз, на ковре в переднем месте,— я привез тебе привет предков — «лошадиного» лебеда, араку и мясо марала. Я прошу за мой подарок твою дочь Алтын-ой. Неужели ты мне откажешь и нарушишь обычай народа?

Юноша положил дары к ногам Монгуша и огляделся. Алтын-ой не было в юрте. Монгуш молчал. Молчал и юноша. Так продолжалось довольно долго. Откинулась дверь входа, вошла Алтын-ой, подала отцу и юноше деревянные бокалы с кумысом.

— Племянник, сын моей сестры Саят,— прервал молчание Монгуш,— я уже вчера знал, что ты приедешь с лебедем. Тебя мои сородичи видели спящим в степи. Я не хочу расставаться с Алтын-ой, но я не могу отказать тебе и как племяннику, и как дарителю лебеда. Бери Алтын-ой, но обещай мне поселиться в моей юрте...

— Дядя Монгуш,— перебил юноша,— такое невозможно, как же мои родители без меня?

— А как же я без Алтын-ой? — в свою очередь сказал Монгуш. И оба замолчали. Юноша прервал молчание первым:

— Вы правы, дядя Монгуш, но давайте сделаем так. Если ваш род не будет в обиде, мои родители поставят юрту здесь же, а если будет против...

— Если сородичи будут против, мы поставим нашу юрту на стойбище твоих родителей! — включилась Алтын-ой в разговор, давая понять, что она согласна быть женой сына тети Саят.

Алтын-ой ощипала лебеда, бросила его в казан с водой,

Монгуш пошел звать сородичей на лебединую трапезу, а сын Саят зашел за юрту, чтобы наколоть дров.

Все сложилось, все устроилось на древней земле хакасов в канун новой жизни России. Дети дочери Монгуша и сына Саят уже родились при Советской власти и, став смышленными, с интересом слушали многократно повторенный рассказ о том, как лебедь помог их отцу сосватать мать себе в жены.

Лебедь был тотемом и южносибирских тюрков, и бурят, и якутов. Чтили эту птицу и другие сибирские народы, и многие из тех, кто жил в Европе и Передней Азии. Были другие тотемы-птицы, были и растения, особенно деревья.

У многих славянских народов и их соседей в Европе в качестве предка почитались разные деревья. Почитание имело разные проявления. Кто-то боялся рубить дерево, считая его живым, способным плакать от боли, брызгать кровью своей. Кто-то считал, что срубленное дерево плачет, взывая о мщении, и плач его падет на того, кто занес топор, и он или умрет или серьезно заболеет. Особенно мстительной белорусы считали рябину, тот, кто ее ломает, либо умрет сам, либо накличет смерть в свою семью. Русские некоторых районов считали, что если срубишь липу, то обязательно заблудишься в лесу и сгинешь.

Человек рубил лес, человек жег костры, он не мог обойтись без леса. Потребность в дереве была столь велика, что, казалось, и сам человек тесно связан с деревом. Давным-давно считалось, что человек может стать деревом, дерево — обернуться человеком. Недаром в ночном глухом лесу бурелом, ветвистые деревья часто воспринимаются как очертания людей или очеловеченных духов: разных там демонов, гномов, кикимор, леших и тому подобной «нечисти».

Боязнь повредить дереву имела изначально признание человеком своего родства с ним. Подобное родство явно проявлялось, например, у нивхов Сахалина, которые считали себя потомками лиственницы, айны — потомками ели, а ороки — березы. На вопрос, почему эти деревья выбраны в предки этим, а не иным народам, нивхи отвечали: «По совпадению внешнего вида людей с деревьями».

Особое место в жизни русских крестьян дореволюционной России занимала береза, которую в семикскую неделю (седьмая неделя по пасхе, когда устраивали поминовение усопших) выбирали в роще, нарекали «семикской» и специально обряжали в девичий костюм. Каждая девушка — участница обряда с березой брала ленту из своей косы и вешала ее на дерево. Сами девушки наряжаются под березу, на голове каждой из них — зеленый березовый венок.

Кто-то из девушек брал обряженную в девичий костюм березку, носил ее по деревне, заносил в дома, чтобы был укреплен, упрочен союз дерева и человека, как союз родственников. Девушки из ветвей березы вяжут венки. Чтобы связать свою судьбу с избранником и чтобы желаемое сбылось, каждая девушка должна хотя бы один венок на ветвях завязать.

По народным поверьям, если сплетенное кольцо на ветвях березы через три дня останется таким же свежим, как и несплетенные ветви, если кольцо не подточит червь, не сломает ветер, значит, мечты девушки сбудутся.

Завивать кольца из ветвей березы в роще девушки должны были одни, без парней. Вообще обряд с березой был девичьим, женским обрядом.

Пройдут с наряженной березкой девушки по селу и бросят ее в воду, чтобы вода в реке стала такой же сладкой, как березовый сок весной, или поставят в поле среди растущей ржи.

Береза, считалось, дарит счастье, богатство и даже покровительство. Береза — добрый и близкий «родственник» людей, ее почитающих.

Подобный обряд, совершаемый по весне с деревом, не поддающимся точению насекомых, — с можжевельником, встречается у таджиков. Существенное различие в том, что в Средней Азии его исполняют юноши. Ранней весной юноши, совершив обряд очищения, уходили в горы, брызгали на можжевельник вином и маслом, в его тени ели хлеб и фрукты, а затем срезали деревце и несли его в свое селение. Жители встречали их радостно, с музыкой. «Деревце, — пишет Дмитрий Зеленин, излагавший обряд, — ставили на камень близ реки, и тут же происходило веселое празднество — с плясками, с принесением в жертву козла, заканчивавшееся общим омовением в реке. После омовения каждый брал ветку обрядового дерева к себе домой. Запершаяся дома жена спрашивала пришедшего мужа у дверей: «Кто там?» И муж отвечал ей: «Если тебе нужны дети, я их принес; если пища, я ее принес; если скот, я его принес; все, что пожелаешь, я имею!» Жена часть листьев со священной ветки обливала вином и водою, после чего клала их на огонь, самую ветку посыпала мукой и вешала к потолку, где она висела целый год».

С тотемом березой ходили по селению русские, белорусские и украинские девушки, с можжевельником или малым кедром — тотемами — ходили по селению таджикские юноши. И те и другие видели в дереве прародителя: одни — материнского, другие — отцовского рода.

Тотемизм в разных ипостасях, в разных обличьях — то в виде животного, то птицы, насекомого, то дерева или травинки — существовал повсюду в начальной истории мыслящего человечества. До сих пор в нашей стране остались пережитки тотемизма: наиболее зримо они при-

существуют в медвежьем празднике сибирских народов, заставляют еще раз вернуться к образу человека, который приходит медведем.

В древней легенде кетов, когда появились земля и люди, рассказано и о первопредке кетских родов — Кайгусе.

Кайгусь был особенным. Он был и человеком, и медведем одновременно. Он думал, чувствовал, страдал и говорил как человек, но обликом он был медведь медведем. Косолапый, бурый, толстошкурый, с мощными клыками и когтями. Ходил Кайгусь, раскачиваясь на двух задних ногах-лапах.

Рожден был Кайгусь женщиной, которая вступила в брак с медведем, спасшим ее в своей берлоге в суровую зиму. Кайгусь любил близко подходить к человеческому стойбищу, вдыхать дым костров в чумах, прислушиваться к голосам людей. Пришло время, и Кайгусь сказал матери:

— Я больше не могу жить с вами, я пойду к людям сватать себе человеческую девушку.

— Не ходи, глупый, не ходи,— запрчитала мать,— люди тебя убьют, приняв за зверя. Не ходи.

— Я пойду, я не могу больше без людей. Пусть убьют, но я не могу больше.

Отец-медведь молча обнял лапами Кайгуся и легко подтолкнул его к выходу из пещеры: иди, мол, сын, иди, если решил.

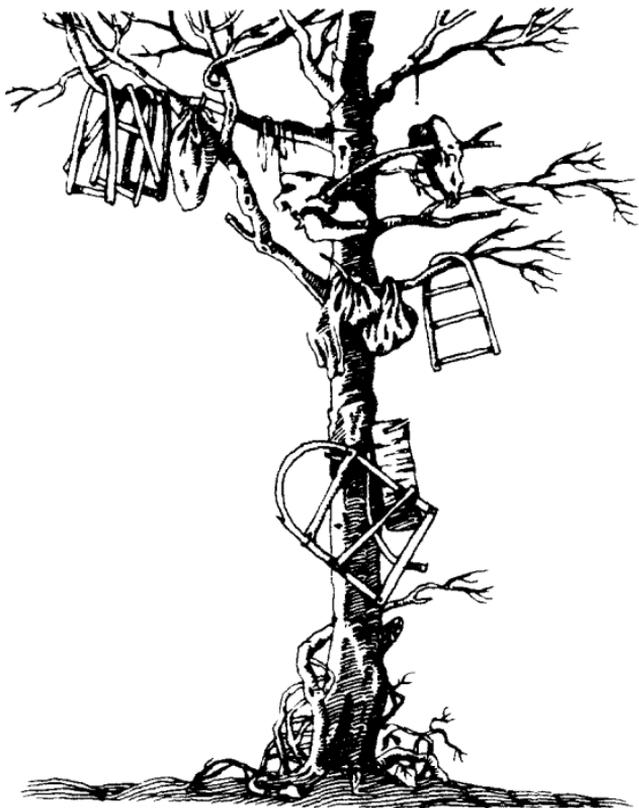
Кайгусь подошел к стойбищу людей. Собаки заворчали, увидев медведя. Кайгусь отошел подальше и затаился.

Из крайнего чума вышла девушка с берестяным туеском. Она прошла к реке мимо Кайгуся и тут же покорила его сердце. Девушка пошла обратно, и Кайгусь тихо позвал ее. Тихий зов был похож на слабый рык. Девушка встрепенулась испуганно. Огляделась и увидела медведя, увидела

Кайгуся. Девушка замерла, остолбенела. Кайгусь нежно зашептал:

— Не бойся меня, красавица, не бойся, девушка. Я не медведь, я человек. Будь моей женой. Не отвечай сейчас, подумай. Я приду. Я найду тебя.

Дерево на кетском медвежьем празднике

Кайгусь отполз в чашу и исчез. Девушка очнулась от испуга и вернулась в чум, но ничего никому не сказала. Всю ночь не спала, думала. Ждала утра. Ей хотелось, уже хотелось увидеть человека-медведя. Кайгусь не пришел, и девушка ночью думала о нем с тревогой.

Миф о Кайгусе включает в себя элементы медвежьего праздника

На следующий день Кайгусь вновь окликнул девушку, когда она шла по воду. Девушка остановилась, не испугалась, смотрела на медведя, слушала его, и ей казалось, что с ней говорит человек.

Люди, собаки на стойбище увидели их и закричали. Вдруг девушка крикнула:

— Бежим!

Кайгусь подхватил девушку и быстро убежал в тайгу. Тайга их укрыла. Они знали, что люди будут их искать, и Кайгусь стал собирать выкуп за невесту пушным зверем. Набрал кучку соболей, кучку лисиц.

Первой лай собак, человечесьего голоса услышала девушка.

— Бежим, друг, люди убьют тебя, если найдут.

Они побежали. По дороге Кайгусь оставил кучку лисьих шкур.

Люди, увидев их, остановились. Старик обратился к отцу девушки:

— Может быть, это не медведь. Он выкуп тебе оставил.

Молодые кричали:

— Медведь, медведь, вот его следы.

Побежали люди дальше. Видят — лежит кучка шкур бурундуков.

— Однако человек оставил выкуп тебе, — говорит отцу девушки старик.

Но молодые снова кричат:

— Медведь, медведь, следы медведя.

Бежали люди и встали как вкопанные. Большая куча черных соболиных шкурок лежит на пути беглецов.

— Остановись, отец девушки, — сказал старик, — смотри, человек дает за дочь твою большой выкуп.

Молодые закричали:

— Не слушай, это медведь, вон он за угор пошел. Мы его сейчас догоним.

Кайгусь видит, что люди и собаки близко, нет ему спасения, и говорит девушке:

— Люди меня убьют, но ты скажи им, что я человек, скажи отцу своему. Пусть он снимет шкуру, отрежет мордочку, мясо сварит с костями. Мордочку укрепит в берестяном домике на столике и кормит ее, когда все собравшиеся в чуме будут есть мое мясо. Накажи отцу не давать собакам мяса моего, кости все собрать и отнести в лес, поместить в мешке или туесе на дереве. Придет время, кости упадут на землю и соберутся, а затем нарастят мясо и жир, и снова я буду медведем, снова приду к людям и спасу их от голода. Прощай, моя несбывшаяся радость.

Первым выстрелил из лука отец девушки, поранил насмерть Кайгуся. Упала на него девушка и залилась слезами:

— Эх, отец, ты не медведя, ты человека убил. Ты должен сделать так, как он велел, иначе не будет ни нам, ни кому другому в нашем народе счастья.

Отец сделал так, как велел Кайгусь.

Угощал его мордочку, собрал кости, отнес их в лес, поместил на дерево. Только вернулся отец в чум, в лесу упали кости на землю, стали скелетом медведя, и пошел скелет, гремя костями. Встречавшиеся звери смеялись над ним, приговаривая:

— Тоже потянулся к людям. Ты же зверь, а не человек.

— Я человек,— упрямо отвечал Кайгусь, обрастая мясом.— Я человек.

Из анимизма древнего человека, из одушевления, очеловечивания природы, живой и неживой, родился тотемизм. Что же такое тотем?

Тотем стал предком, добрым, заботливым предком, а значит, и покровителем, который спасает людей — своих родственников — от голода, холода, болезней и смерти. Достаточно было принести жертву тотему, напомнить ему о своих нуждах, и они должны были быть услышаны, приняты во внимание.

Вначале тотем выступал как реальность — само животное, птица, насекомое, дерево, растение, затем достаточно было его реалистического изображения, а позже — рисованного или просто словесного изображения.

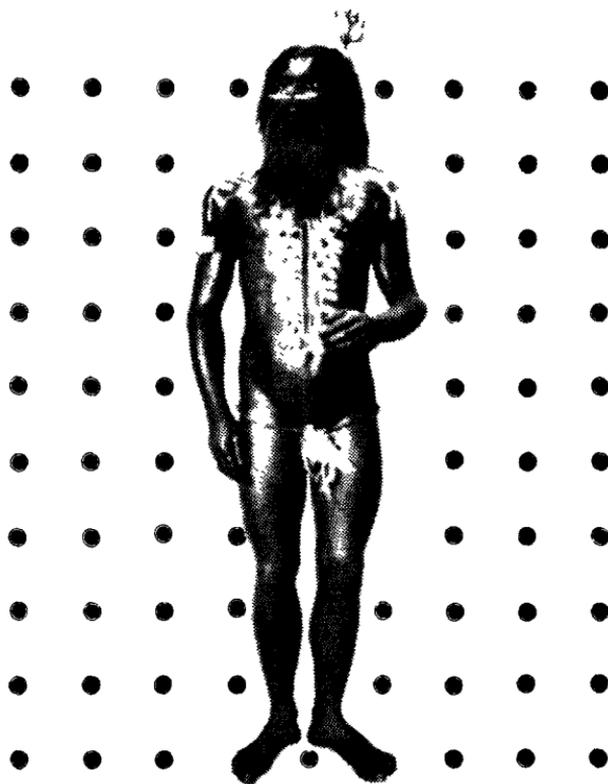
Позже появился фетишизм как специфическая форма обращения к предку, а потом и к любому духу — покровителю людей и населенного ими мира.

Чуринага – мое второе «Я»

Этюды о первобытных фетишах

ак только человек одушевил природу и стал считать своими предками представителей животного и растительного мира, он начал выделять или делать специально особые предметы, олицетворяющие живую природу, предков и т. п., чтобы поклоняться им, задобрить их, вымаливая помощь и благополучие самому себе и своему роду. Такие специально выделенные из природы или сделанные объекты поклонения называются фетишами. В XVI веке португальские мореходы, повстречавшиеся с отставшими в культурном развитии племенами, назвали специально изготавливаемые ими предметы культа словом «фэйтишо» — «деланный, сделанный», то есть фетиш.

Карлу Марксу принадлежит яркая характеристика этого явления, о котором им в 1842 году сказано следующее: «Фетишизм весьма далек от того, чтобы возвысить человека *над* его чувственными вожделениями,— он, напротив, является *«религией чувственных вожделений»*. Распаленная вожделением фантазия создает у фетишиста иллюзию, будто «бесчувственная вещь» может изменить свои естественные свойства для того только, чтобы удов-

летворить его прихоть». Продолжая исследование того же явления, Маркс отмечал, что фетишизация обыкновенного предмета начинается тогда, когда вместо его естественных свойств человек наделяет этот предмет ложными качествами и в голове человека подобная обыденность превращается в «чувственно-сверхчувственную вещь».

Приходится вновь повторить, что бессилие «дикаря» в борьбе с природой, а правильнее, его беспомощность перед ее силами (нередко убийственно могущественными) рождает веру в чудесные вещи, предметы, явления.

Фетиш в далеком прошлом мог быть частью чего-то большого, чему поклонялись, например камнем с той горы, которую почитали. Человек мог сделать подобие того объекта, который чтили, — деревянное изображение кита, тигра, птицы или змеи. Фетиш мог быть просто рисунком на камне, дереве или даже мог быть татуировкой на теле. Фетишем могли стать слова, воспринимавшиеся как заклинание, которые произносились с уверенностью, что их повторение принесет желаемый результат...

Человечество вступает в эпоху начавшегося классового расслоения, и тогда возникает культ предков, а их изображения становятся фетишами, которым поклоняются. Затем наступит время классовых религий, и фетишами станут иные атрибуты религиозного культа — иконы, мощи, иные объекты поклонения — вроде святыни мусульман — черного камня Кааба, лотоса у буддистов или «гроба господня» у христиан.

Так будет, а пока на огромных просторах Австралии, континента, который двести лет назад считался терра инкогнито — таинственной землей, особым объектом почитания пользуется деревянная или каменная чуринга...

Там, где хранятся тени живых

Мандарга рос, как ему казалось, чересчур медленно. Шли дни и ночи, шли как будто бесконечной чередой, а он все был маленьким ребенком. Ему постоянно говорили: «Подожди, подрастешь и тогда сам возьмешь копье и копьеметалку». — Когда же я подрасту-вырасту? — спрашивал Мандарга, обращаясь к высоченному эвкалипту, который стоял на солнечной стороне территории, принадлежащей роду Речного крокодила.

Мальчику чудилось, что шумевшие в вышине ветви дерева как будто отвечали ему, только он не понимал языка эвкалипта. Не понимал, как его мог понимать старик Гунанг-Ванга, живущий очень долго на земле. Все взрослые рода Речного крокодила рассказывали мальчику, что когда они были маленькими, то уже тогда Гунанг-Ванга был старым, с такой же растрепанной седой бородой и мохнатой, нечесаной седой шапкой волос на голове. Говорили еще, что Гунанг-Ванга был колдуном и знал прошлое и будущее людей племени риттарунго, в которое входил род Речного крокодила.

Мальчик бегал к эвкалипту еще и затем, чтобы по его стволу отмерить свой рост и узнать: а растет ли он сам?

— Сыплется, сыплется, — раздался из-за деревьев хриплый, старческий голос. Пронзительно-тревожный голос звал, и Мандарга побежал на него.

Он выбежал из эвкалиптовой рощи и увидел старика Гунанг-Ванга, который стоял перед причудливым большим термитником и, вскидывая руки, кричал:

— Сыплется, сыплется!

— Старик отец, — обратился мальчик, — что сыплется?

— Не разговаривай, Мандарга, не разговаривай. Я говорю, я хочу и говорю. Оно должно рассыпаться.

Мальчик понял, что старик колдует, что его слова хотят заставить термитник рассыпаться. Но зачем? Никто и никогда не посягал в племени на муравьев и на их жилище.

Они, как и люди племени риттарунго, бродили по одной и той же земле. От горы великого духа Нимбува, что стоит на ночной стороне земли, до этого эвкалипта и от Каменной страны, где ветры в сухой сезон, а дожди — в мокрый изуродовали песчаные скалы, до непроходимых кустарников, за которыми через шесть солнц начинается Большая вода, — такова территория и людей, и муравьев. «Зачем же старик хочет разрушить жилище муравьев?», — подумал мальчик, но боялся спросить, боялся обидеть старика колдуна, живущего на свете с самого начала. И все-таки спросил:

— Зачем, старик отец, ты хочешь разрушить жилище муравьев?

— Чтобы повредили или украли твою чурингу, — сердито и непонятно произнес старик, — негодный мальчишка, ты все испортил.

Гунанг-Ванга тряхнул ожерельем из зубов кенгуру и быстро исчез за стволами деревьев. Мандарга не понял слов старика, у него еще не было чуринги, он еще был маленьким, но что-то заставило его испугаться и заторопиться к своим, к матери, которую он скоро увидел у костра, горевшего перед ветряным заслоном из ветвей кустарника — обычным жилищем охотников на кенгуру и собирателей кореньев и насекомых, людей тотема Речного крокодила.

В золе костра мать пекла ямс. Значит, можно было рассчитывать получить и свою долю. Какой маленькой была эта доля? От углей клубень сморщивался, и им одним нельзя было даже ослабить чувство постоянного голода. Мандарга все равно ждал ямс и пугливо оглядывался, не идет ли старик колдун, не повторит ли он свои сердитые слова.

Мать почувствовала беспокойство сына и спросила его:

— Мандарга, что-нибудь случилось? Почему ты ерзаешь на земле, как змея в костре?

Мальчик, волнуясь, рассказал матери о встрече в экалиптовой роще.

— Плохо, очень плохо. Старик Гунанг-Ванга злой, но не все его слова сбываются. Будем надеяться, что не сбудутся и эти.

— Мам, а что такое чуринга? — спросил мальчик и услышал обычное:

— Подрастешь — узнаешь!

Земли племени Мандарга лежали в той части Австралии, куда белые, появившиеся по берегу Большой воды, боялись заходить. В сухой сезон их ждала неминуемая гибель от жажды, в пору дождей, когда пересохшие русла рек и пятна болот наполнялись и переполнялись водой, гибель в водкой пучине.

Когда появились белые, никто в племени точно не знал, даже старик колдун говорил, что еще при жизни его отца они уже были. О белых знали, но никто их из живущих сородичей и соплеменников Мандарга не видел. Белые были существами, похожими на людей, но не похожими ни на родителей Мандарга, ни на его самого, а значит, странными и непонятными. О них старались даже не говорить, считая, что сам разговор может привести

к беде, накликать ее, что означало несчастье и роду, и племени.

Мальчик торопился вырасти еще и потому, что взрослые сами могли управлять духами, а духи могли помочь не только при встрече со злом колдунов, но и с белыми. Так считалось в роде Речного крокодила.

Сменялась жара дождями, и вновь наступала жара. Мальчик рос, и однажды старший мужчина рода Речного крокодила во время очередного сухого сезона подошел к костру, где грелся холодными ночами Мандарга, и сказал его матери:

— Солнце сядет, пусть твой сын придет к горе Нимбува. Уже пора, он вырос.

Мандарга слушал сказанное и не верил. Его не пугала дорога к горе Нимбува, хотя, когда солнце сядет, очень скоро придется идти в сплошной темноте. Хорошо, что дорога известна и в небе светят звезды и луна.

Мать передала слова старшего мужчины отцу Мандарга и добавила:

— Ты пойдешь с сыном или так нельзя?

Отец Мандарга ничего не ответил, а только пожал плечами. Он помнил, что, когда он вырос и тоже должен был уйти к горе Нимбува, отец не шел с ним рядом, но он тогда шел не один. Тогда семь мальчиков сквозь ночь шли к горе вместе. Никто не запрещал отцам сопровождать выросших сыновей, но они должны стать мужчинами, пусть сами найдут свою дорогу, сами пройдут по ней от начала до конца.

Отец не пошел с Мандарга. Мальчик, как только солнце село, рванулся от шалаша в кустарник к горе Нимбува. Он торопился пройти какую-то часть пути, пока не исчезнет день, чтобы увидеть гору. Увидеть и идти к ней прямо, не сворачивая, и в темноте, и в свете луны.

Он вышел из кустарников и обнаружил, что справа и слева от него пять сверстников тоже торопятся выйти на дорогу к священной горе.

Он улыбнулся им и помахал рукой. Мальчики сбились в стайку и пошли молча вместе. Каждый думал о своем, и каждый знал, что рядом друг-сородич. Им вместе не страшно. Они не боялись ни наступившей тьмы, ни шорохов земли, ни птичьих криков в тени деревьев.

Мальчики шли всю ночь. Иногда казалось, что дорога ушла в сторону, но, посмотрев друг на друга, они шли дальше и дальше. Ночь, как всегда, была прохладной, но они не чувствовали холода, так же как и страха.

Появился луч солнца, озарил землю, разрушил ночь, и увидели мальчики, что долгожданная цель — гора Нимбува — еще далека.

В наступающем рассвете идти было легко и даже чуть весело. Весело потому, что они все шестеро были вместе и не просто шли, а бежали к горе; потому, что их ждало что-то необычное, непохожее на однообразии протекавших прежде дней, что-то такое, что должно отделить сегодня от завтра.

Гора приближалась, вырастала на глазах, и вдруг...

Ноги сами остановились. Перед горой стояли странные люди. Лица их разукрашены белой краской, белой краской расписано тело, выделены ребра, позвоночник. Волосы всклокочены, стянуты на висках стеблями травы. В руках каждого мужчины, а в ряд выстроились перед горой мужчины, щит и копьё.

Мальчики оторопели и остановили свой бег.

— Подойдите сюда, к подножию горы! — раздалось громко, откуда-то сверху, будто бы из самой горы.

Мальчики стояли в нерешительности, напуганные видом мужчин у подножия, голосом, несущимся сверху. Мандарга

первым двинулся вперед, за ним пошли другие. Медленно, очень медленно приближались мальчики к мужчинам. Вот они уже видят отчетливо друг друга. Подняли копьё мужчины, и вновь голос донесся сверху:

— Остерегайтесь, будущие мужчины, увертывайтесь, ловите копьё. А вы, мужчины, начинайте!

Полетели в мальчиков копьё. Мальчики прыгали в сторону, а кто-то пытался перехватить летевшее копьё, а кого-то оно сбивало с ног, рассекая тело до крови.

Мандарга легко увернулся от летевшего копьё, но не смог его перехватить, и оно пролетело дальше и упало на землю.

— Подними копьё, будущий мужчина! — донеслось от подножия горы властно, повелительно.

Мандарга огляделся, думая, что обращаются не к нему.

— Подними ты, Мандарга! — выкрикнул тот же голос.

Мандарга поднял копьё. Длинное, стертое временем древко заканчивалось острым каменным наконечником, привязанным корнями и стеблями.

— Иди к нам, будущий мужчина! Идите все к нам! Идите к горе Нимбува!

Даже потом, прожив в целом более двадцати сезонов дождей, Мандарга не мог бы ответить, откуда в день посвящения в мужчины шел голос.

Чей был этот голос?

Голос был необычным, идущим с небес. Он тревожил, пугал мальчиков.

Мандарга, а за ним и остальные мальчики робко двинулись на зов. Кто-то из шедших в этой странной цепочке утирал травой кровь, раненный копьём, кто-то прихрамывал.

Мальчики, подобрав пущенные в них копьё, сошлись с мужчинами у горы Нимбува.

Под воинственной раскраской лиц и тел Мандарга и его друзья с удивлением узнавали своих близких сородичей. И только присутствие старика колдуна Гунанг-Ванга заставило ощутить тревогу перед неизвестным! А мальчикам предстояло пройти два испытания, если не считать путь через кустарники ночью и летящие копыя, прежде чем их признают настоящими мужчинами.

Первое испытание: пойти на гору Нимбува или уйти за нее в пределы эвкалиптового леса и найти плоский камень или плоскую дощечку. Тот, кто найдет первым, получает шанс первым стать настоящим мужчиной. Второе испытание было сложнее. Колдун подаст знак, и мужчины с изображенными на груди тотемными знаками своего рода будут останавливаться на миг перед каждым мальчиком. Мальчик обязан запомнить рисунок тотема, выбрать близкий ему по духу и начертить его прутиком на специально разровненной земляной площадке.

Мандарга пошел в гору. Гора хотя и была невысоким холмом, но довольно крутым, где ни плоского камня, ни тем более дощечки не видно. Излезил все склоны мальчик и ничего не нашел. Собирался было спуститься в расщелину, заметив удобные уступы, но село солнце, и наступила ночь. В долине ночью в Австралии холодно даже у костра, греющего лишь ту часть тела, которая обращена к огню, а в горах еще холоднее. Мальчик почувствовал холод не сразу, а только когда раскаленные за день скалы отдали тепло ночи и стали такими же холодными, как сама ночь.

Мандарга обхватил себя руками, хлопал по спине, животу, ногам, чтобы согреться, и мысленно прикидывал, когда появится солнце и начнет согревать землю. Еще долго... Можно и не дожидаться утра — замерзнуть этой же ночью. Он, конечно, мог высечь или высверлить огонь, но где взять

сучья? В поисках плоского камня мальчик не подумал за-
пасть сучьями или хотя бы сухой травой.

Прыгая с ноги на ногу, Мандарга встречал полночь
и выскочившую на небосклон луну.

Мальчик явно замерзал, когда в пронзенном лунным
светом пространстве, где-то среди камней, блеснул огонь
костра. Кто-то сумел зажечь его. Мандарга решительно
направился на призывный огонь, дающий надежду
жизни.

В мерцающем блеске костра, в бледном сиянии луны
на каменной площадке перед пещерой извивались челове-
ческие тела, а их длинные тени карабкались по склонам.
Доносились хриплое, ритмичное пение и стук каменных
наконечников о каменные горы.

Наверное, подойти к костру было неразумно, но Ман-
дарга презрел страх и, гонимый холодом, зажмурил
глаза, вошел в круг пляшущих, сел близко к огню. Тут
же тело почувствовало живительное тепло, и ожили застыв-
шее сознание чувства... Было томительно-сладко каждой
точке уставшего тела, не хотелось открывать глаза, чтобы
видеть и действовать.

— Ты мешаешь нам, негодный полурожденный! —
раздался совсем рядом пронзительно-громкий голос ста-
рика колдуна.

Мандарга не шелохнулся. Ему казалось, что голос летит
мимо, можно не услышать, не понять его.

— А ну-ка, мужчины, — донеслось теперь издалека, но
не дошло до сознания мальчика, — потревожьте этого
полурожденного копиями! Живей, живей. Пусть почувст-
вует, пусть поймет, что танцу мужчин нельзя мешать.

Копья кололи тело мальчика, но он не чувствовал боли
и воспринимал уколы так же отрешенно, как и голос гнева
старика колдуна Гунанг-Ванга.

— Мужчины, да какие же вы охотники, если даже нарушивший наш танец не боится ваших копий.

— Остановитесь! — прогремело из пещеры, и мужчины, как бы очнувшись, опустили копья, а старик колдун присел за камнем, — остановись и ты, Гунанг-Ванга. Духи — хранители мальчика оказались сильнее вас всех. Значит, мальчик уже стал мужчиной. Поздравьте его, дайте ему кусок добытого кенгуру, посыпьте раны на его теле золой и протрите соком трав. Дайте подстилку, и пусть он спит у костра до утра.

Таинственные слова, идущие из пещеры, не доходили до сознания Мандарга. Он ничего не мог воспринимать. Тело его было во многих местах разорвано, надрезано наконечниками копий, кровь сочилась, и силы покидали мальчика.

Мужчины, так и не поняв, кто говорил из пещеры, поспешили выполнить сказанное. Сам Гунанг-Ванга помог уложить мальчика на подстилку из листьев эвкалипта, сам стер травами кровь и посыпал раны золой, смешанной с соком эвкалипта. Мандарга устроился на подстилке, подогнул под себя ноги, глубоко вздохнул, как всхлипнул, и заснул, не понимая, что он уже стал настоящим мужчиной.

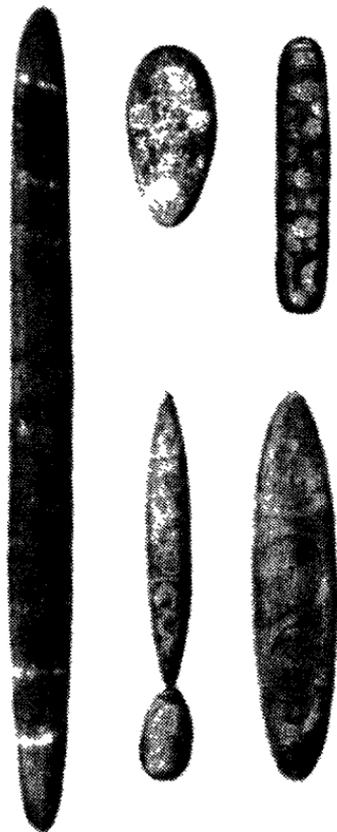
Мужчины рода Речного крокодила до утра продолжали пляски у костра, а с рассветом, положив завернутый в листья кусок кенгуру у изголовья посвященного, ушли на поиски остальных пятерых испытуемых. Когда мужчины исчезли, из пещеры вышел Кунги — самый лучший охотник племени, самый сильный из людей и самый умный. Он подошел к Мандарга, прислушался к его дыханию и положил рядом с куском мяса длинный, в размер руки, и широкий, в две ладони, плоский камень. Кунги улыбнулся и пошел от пещеры вниз той же дорогой, какой ушли танцевавшие ночью у костра мужчины.

Жаркий и яркий луч солнца выскочил из-за горы и резко ударил Мандарга по глазам. Мальчик, теперь уже юный мужчина, открыл их и удивленно огляделся. Дымилась зола костра, становилось жарко, лежал кусок мяса, а рядом с ним — плоский камень. Плоский камень! Пробуждение было чудом, и только память тревожно выхватывала видения прошедшей ночи — холод, костер, пляшущие мужчины, голос Гунанг-Ванга и чей-то еще, непонятный. И копыя, острые копыя, рвавшие тело. Мандарга оглядел себя, ощупал образовавшиеся рубцы — их было много, но странно: они не болели, не ныли.

Юный мужчина вскочил. Подхватил камень и побежал вниз к подножию.

На том же месте, где и вчера, стояли мужчины-сородичи, разрисованные тотемными узорами. Мандарга побежал к ним и понял, что он пришел первым, еще никого из мальчиков — его сверстников — не было. А вдруг они замерзли ночью? Ведь у костра был только он один.

Чуринги

Растерянно стоял Мандарга, прижимая к груди плоский камень.

— Подойди к нам, юный мужчина! — каким-то очень знакомым голосом произнес великий охотник Кунги. Он стоял рядом со стариком колдуном у большого камня, украшенного изображением ящерицы.

Мандарга, удивившись обращением к нему — его назвали мужчиной, быстро подбежал к охотнику и колдуну.

— Дай нам твой плоский камень и расскажи, где ты его нашел? — сказал Кунги и пристально посмотрел на Мандарга.

Мандарга рассказал, как он пошел на огонь костра, как увидел людей, танцующих вокруг, как сел у огня, закрыв глаза, как сидел и ничего не слышал, не понимал, а затем проснулся от луча солнца и увидел плоский камень.

— Там еще было мясо, — сказал Мандарга и, извиняясь, добавил: — Я его съел. Откуда мясо, откуда плоский камень, я не знаю. Может быть, их дал дух горы Нимбува?

— Наверное, это духи, раз они помогли тебе. Пройди теперь сам среди мужчин, посмотри на узоры и выбери свой, — сказал Гунанг-Ванга и легко подтолкнул мальчика к сородичам.

Мандарга шел, прижимая каменную дощечку, разглядывая узоры на телах сородичей. Одни изображали птиц, другие — мотыльков, третьи — каких-то странных животных, четвертые — людей в масках и колпаках.

Обойдя всех, Мандарга отдал свой плоский камень Кунги и взял прут. Он подошел к ровной земляной площадке. Он знал, что последним испытанием будет его рисунок, который должен отразить его дух, мысли, чувства, как тень отражает само тело, голову, руки, ноги. Мандарга задумался и затем быстро нарисовал — крупное тело,

широкий хвост, длинную шею с острой головой, четыре большие лапы. Посмотрел и добавил совсем соединенные друг с другом глаза на голове. Мандарга нарисовал нечто, похожее на ящерицу, головастика или даже черепаху, похожее сразу на то, другое и третье.

— Хорошо! — воскликнул Гуанг-Ванга, — пусть будет по-твоему. Запомни. Это твой знак, который великий охотник Кунги перенес на каменную дощечку — найденный тобою плоский камень. Она будет твоей чурингой, юный мужчина. Запомни свою чурингу — твоё второе «я», твою тень. Ты будешь иметь право приходить в пещеру горы Нимбува и смотреть на свою чурингу. Если её кто-то повредит — ты заболеешь, если её кто-то сломает или украдет — ты умрешь, ты исчезнешь.

Кунги взял плоский камень и отошел в сторону. Мандарга не пошел навстречу пятерым своим сверстникам, медленно бредущим из эвкалиптового леса к подножию горы Нимбува. Все пятеро были ночью вместе в лесу, они грелись у костра, каждый из них нашел деревянную дощечку или вырубил её каменным топором из ствола эвкалипта. Каждый выбрал свой рисунок, и каждому мужчины сделали чурингу, перенесли выбранный рисунок с земли на дощечку.

Кунги подошел к Мандарга и протянул ему чурингу с изображением существа, одновременно напоминающего ящерицу, головастика и черепаху.

— Запомни свою чурингу, мужчина Мандарга, — сказал Кунги и добавил: — Когда будешь класть её в пещеру, где хранятся тени всех живых — чуринги всего нашего рода Речного крокодила, спрячь её так, чтобы никто не нашел, чтобы ты, только ты, знал, где она.

Солнце достигло зенита. Оно опаляло землю, но новым мужчинам было хорошо. В их честь горел костер, в золе

жарилось мясо, и взрослые танцевали танцы охотников и воинов.

Под водительством Гунанг-Ванга новые мужчины поднялись в гору к той пещере, у которой спал прошлой ночью Мандарга.

Здесь, в пещере, хранились чуринги — тени живых сородичей Речного крокодила. Чуринги мертвых уничтожали. Но ведь никто не знал, где они...

Мандарга вошел в пещеру вместе со всеми — юными и взрослыми мужчинами. Пещера была большой. Дневной свет не проникал в дальние закоулки, куда направился Мандарга.

Юный мужчина оглянулся — никого нет. Сделал еще несколько шагов вглубь, увидел в темноте за скальным выступом кучу камней: здесь можно спрятать чурингу. Руки нащупали хорошую выемку, пристроили каменную чурингу и закрыли ее камнями. Мандарга, спрятав свою тень — чурингу, осмотрелся. Ему показалось, что сам Гунанг-Ванга мелькнул впереди, но он не придавал увиденному значения. Пройдет всего несколько сезонов дождей, и станет ясно, что не зря старик колдун проследил за Мандарга.

Чем провинился мальчик перед колдуном, никто из сородичей не знал, но все видели и понимали, что Гунанг-Ванга ненавидит Мандарга за то, что он смел, умен и ему покровительствуют духи. Мандарга чувствовал ненависть колдуна, но только открыто смеялся и ничего не боялся.

Прошло уже дважды по пять сезонов дождей с тех пор, когда Мандарга стал полноправным мужчиной.

У него прибавилось забот, так как у костра, что горел по ночам перед хижиной, грелись его жена и двое его детей, двое мальчиков. Нередко он покидал с другими охотниками стойбище на много дней в поисках кенгуру или эму. Мало,

очень мало становилось животных и птиц в лесах и пустынной степи рода Речного крокодила.

Каким бы трудным ни был поход за добычей, за пищей, как бы долго он ни продолжался, Мандарга, прежде чем присесть у родного костра, специально шел к горе Нимбува, в пещеру — хранилище теней живых, доставал свою чурингу и рассматривал ее. Он не видел на ней никаких трещин, сколов и не мог понять, почему же во время похода, во время преследования подраненного кенгуру ему дышалось трудно, болела грудь.

Так же он поступил и сегодня, когда после удачной охоты его друзья с добычей поспешили к родным очагам, он свернул влево и пошел к горе Нимбува. Солнце шло к закату и легко катилось по небосклону. Мандарга шел не торопясь, зная, что у его костра все будет нормально, что жене и сыновьям выдадут его долю и они успеют приготовить еду к его возвращению. Он знал, что никто не притронется к пище, пока он не вернется. Пока он не вернется. Мысль эта прошелестела в голове, и Мандарга прибавил шаг.

Вот он уже идет по склону. Обходит уступы и в задумчивости останавливается у входа в пещеру. Тишина. Изредка где-то вспорхнет птичка, и опять тихо. Но что это такое? Мандарга вздрогнул: из глубины пещеры долетели странные звуки — какое-то бормотание, всхлипывание, затем треск. Сердце сжалось от неосознанного страха. Мандарга решительно рванулся внутрь пещеры и в слабом луче заходящего солнца увидел трясущуюся от старости фигуру Гунанг-Ванга.

Старик колдун сидел на корточках перед каменной кучей, за которой была спрятана чуринга Мандарга, и, бормоча какие-то заклинания, шарил непослушными уже, старческими руками под камнями. Он явно что-то искал.

Мандарга был удивлен и взбешен. Гневные слова летели с его уст, но их никто не слышал: ни Гуанг-Ванга, ни сам молодой охотник. Оцепенение прошло, и в пещере раздался страшный по своей силе крик:

— Ты что тут делаешь, колдун!

Грому своего голоса удивился молодой мужчина, а старик колдун как будто ничего не слышал и продолжал шарить под камнями. Мандарга поднял палицу — деревянную плоскую боевую дубину — и двинулся на старика.

Колдун радостно вскрикнул, резко встал с пола. В руках у него была чуринга Мандарга.

— Я нашел ее, я уничтожу ее и ее хозяина! — закричал злобно старик и тут же замолк.

Тяжелая палица опустилась на его голову, старик упал и, падая, сильно ударил чурингу о камни. Чуринга развалилась.

Ужас охватил Мандарга — исчезла его тень, его второе «я», и смерть должна немедленно схватить его. Дыхание перехватило, сердце больно сжалось, с огромным трудом он выбрался из пещеры и рухнул у ее входа.

Здесь его нашли жена и сыновья, не дождавшиеся к трапезе хозяина. Они знали, что после охоты Мандарга всегда ходит в пещеру, где хранятся чуринги. Жена Мандарга знала, где эта пещера, в которой хранилась и ее чуринга, перенесенная из хранилища ее рода Ящерицы в хранилище Речного крокодила. Она знала, но она, как и все женщины племени, никогда не видела своей чуринги после обряда посвящения.

Жизнь еле теплилась в мощном теле охотника. Женщина и дети с трудом поволокли его к родным очагам. Их заметили в стойбище и помогли донести Мандарга до хижины. Мужчины бросились искать колдуна, чтобы получить целебные травы, но так и не нашли его. Старые жен-

щины сами собрали листья и корни, растолкли их, смешали с водой и поили Мандарга два дня и две ночи. На третий день очнулся охотник. Удивленно осмотрелся вокруг: казалось, он не понимал ни где он, ни что было с ним.

Когда наступил период дождей, Мандарга совсем оправился, но никому не рассказывал, что случилось тогда в пещере. Люди на стойбище поговаривали, что колдун, наверное, ушел под землю, и не вспоминали о нем больше.

В конце периода дождей, когда стало ясно, что уже завтра начнется сухой сезон и можно будет пойти на охоту, Мандарга рано утром незамеченным ушел к горе Нимбува. Крадучись и прячась за камни и выступы, он дошел до пещеры и долго стоял перед ней, не решаясь войти внутрь, хотя и пришел ради того, чтобы войти внутрь и увидеть, что же случилось тогда на самом деле и что ему почудилось, показалось.

Мандарга вошел в пещеру. На счастье, утреннее солнце хорошо освещало ее. Охотник подошел к груде камней и увидел растасканную собакой динго кучу костей — все, что осталось от Гуанг-Ванга. Рядом с костями лежали куски разбитой каменной чуринги.

Увидев их, Мандарга, как и тогда, содрогнулся, голова закружилась, еще мгновение — и он упадет на камни пещеры, но тут луч солнца полоснул по облакам и заставил уходящее сознание вернуться. «Это не мой знак, это не моя чуринга!» — отчаянно-удивленно прошептал Мандарга и присел на кучу камней. Проходило отчаяние, проходил испуг. Мандарга наклонился, сунул руки в привычное каменное ложе и нашел свою чурингу. Достал ее. Она была целой, и такими же, только потускневшими, были на ней очертания животного, напоминающего и головастика, и черепаху, и ящерицу. Дыхание вновь стало ровным, сердце стучало размеренно, и возрожденное сознание породило

любопытство. Мандарга собрал разбитые осколки чуринги, найденной Гуанг-Ванга, и вышел с ними наружу. На ярком солнце он сложил осколки и явно увидел стертый временем рисунок двух змей, извивающихся и обращенных мордами друг к другу. В роде тотема Речного крокодила все знали, что две змеи — это символ тотема-покровителя Гуанг-Ванга. Старик колдун в темноте принял свою чурингу за чурингу Мандарга, и духи покарали его за низость и злобу.

Мандарга подошел с обломками чуринги колдуна к обрыву и швырнул их в бездну. Бодрым шагом он спустился с горы и почти бегом направился к стойбищу, ему не хотелось, чтобы его отсутствие было замечено. Он довольно быстро оказался у своей хижины и весело разбудил спавших на подстилке из листьев и травы сыновей. Их мать, он успел заметить, пошла с другими женщинами в лес за сучьями. Жизнь в роде Речного крокодила продолжалась.

Вера в абсолютную связь чуринги с судьбой человека, в зависимость человека от той же чуринги постоянно подкреплялась общественным сознанием той эпохи, когда существовали подобные фетиши. Психологически человек воспринимал свою зависимость от фетиша-чуринги как очевидность. И когда фетиш-чуринга разрушался, то человеческое сознание ожидало аналога разрушенной чуринги в самом человеке. Подобная ситуация довольно часто находила свое подтверждение в окружающем реальном мире. Жизнь нашего далекого предка или нашего современника, отставшего в культурно-социальном развитии, живущего где-нибудь в джунглях Африки или Южной Индии, в сельве Амазонки или на затерянных островах Тихого океана, как правило, протекает в экстремальных условиях. Такие условия дают множество случайных совпадений,

которые воспринимаются невежественным сознанием как следствие проявления невидимых и всесильных «чар». Они порождают видимость большой вероятности связи происшедших с человеком несчастий с действиями над его фетишами или реальностью проклятий, заклинаний, колдовства. Если еще добавить сюда сам факт психологического ожидания беды: что-то случилось с твоей чурингой, с твоим фетишем и т. п., то количество совпадений или случайных связей несвязанных причин и следствий увеличится.

Фетишизация объектов живой и неживой природы была многотысячелетней практикой нашего далекого предка, она проявляла себя в разной степени и в недавнем прошлом народов земли, проявляет она себя и поныне.

Перенесемся на несколько мгновений в крайний юго-восточный район Азии, где уже в условиях развитого классового общества фетишизация явлений природы и природных объектов — священные горы Бирмы и Кампучии, Лаоса и Таиланда — переходит в культ предков. Изображение предка народов Юго-Восточной Азии иногда принимает видимость письменного знака или обозначения его имени, оно существует и в виде специально сделанного идола, нередко человекоподобного.

Своеобразными аналогами чурингохранилищ австралийских аборигенов выступают системы тайхо и локменг у горных народов тайской и мяоской групп Вьетнама и Лаоса, описанные советским исследователем религий Индокитая Г. Г. Стратановичем.

Под наблюдением старейшины члены одной родственной группы тайскоязычного этноса раз в пять лет устраивают обряд почитания. В этот день проверяется соответствие числа тайхо — наборов различных предметов-знаков, объединенных в одно целое (символ души), — числу живу-

щих родственников. Мужская тайхо состоит из миниатюрной корзины, веера, мешка, лука со стрелой и бесформенной деревянной игрушки для духов. Женская тайхо — из двух корзиночек, веера, лучка для отбивки хлопка, порции бетеля и иного типа игрушки для духов. Тайхо хранятся ныне в каждой семье, входящей в большую группу. Прежде они хранились в общинном доме-хранилище все вместе. За ними ухаживали, о них заботились, боясь потревожить, разрушить, так как и то и другое было равносильно болезни или смерти самого человека, чья тайхо пострадала. Если кто-либо умирал, его тайхо относили в чащу леса и бросали там или же сжигали на могиле.

У мяоязычных народов, равно как и у многих их соседей — тай, нун, вьетов и ханьцев (китайцев), роль тайхо выполнял личный «гороскоп» — локменг — деревянная дощечка или лист бумаги, куда записывали день, год рождения и имя каждого члена семьи.

Если тайхо — дух — защитник человека, то локменг — его судьба. Сохранность локменга отражается на здоровье того, чьи данные он несет. Давным-давно у многих народов Индокитая верили, что, похитив локменг врага и разрушив его, можно нанести врагу вред, соответствующий размеру порчи локменга, или даже погубить врага, уничтожив его «гороскоп».

Аналогами тайхо являются бурятские онгоны, локменгов — леканы, которые воспринимаются как предметы, где обитает дух человека.

Наиболее явной формой фетишизации специально сделанных предметов культа, появившихся задолго до культа предков (которые могут выступать и в антропоморфном виде, и в форме рисованного или письменного изображения имени предка), являются доси и алэлы кетов — аборигенов приенисейской тайги.

С обыденной точки зрения и доси и алэлы — типичные идолы, упоминаемые во всех дореволюционных описаниях верований сибирских народов.

Одеяние для деревянного человечка

Поезд Красноярск — Иркутск еще долго виднелся вдаль, и также долго мы не покидали перрона Красноярского вокзала, проводив дальше на восток, в «Тофаларию», нашего венгерского друга прекрасного этнографа и человека Вильмоша Диосеги.

Он с Евгенией Алексеенко прибыл в Красноярск за несколько дней до моего приезда и, поработав в местном музее с коллекциями по народным верованиям Западной Сибири, не мог выехать в Иркутск — не было билетов. Вынужденная задержка Диосеги дала нам возможность втроем провести вечер в обсуждении проблем и планов наших поездок. С Женей я выехал на инисейский Север, к кетам, Вильмош отбывал к тофаларам.

Во время затянувшейся за полночь беседы Вильмош сказал:

— Будете у кетов — обратите внимание на их идолы. Они очень интересны, судя по книге Анучина, которая должна у вас быть.

Алексееенко действительно взяла с собой книгу Анучина — исследователя, изучавшего в начале XX века кетов и их верования по заданию Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. Книга эта была неплохо иллюстрирована, и мы думали с помощью рисунков разговаривать стариков, у которых не могло не встретить сочувствия то обстоятельство, что в Ленинграде знают об их древней вере и обычаях.

В книге Анучина были изображены дось и алэл. Первый представлял собой тонкий столб, вкопанный в землю, с верхушкой, стесанной топором как остроконечная голова, с нанесенными на правый и левый скосы глазами и с обозначенными носом и ртом. Ниже с двух сторон столба шли семь затесов — семь ребер. Дось нередко был в рост человека.

Алэл — деревянная человекоподобная кукла, с большой головой, руками, ногами, с глазами из бусинок, пуговиц или бисера, облаченная в традиционную кетскую одежду из сукна и оленьей шкуры или какого-либо меха.

И то и другое у Анучина объяснялось невразумительно и обозначалось словом «идолы» или «кетские идолы».

— Мне кажется, — заметил тогда Вильмош, — что и дось и алэл — фетиши, но только разного смысла или назначения, мне трудно выразить это по-русски.

Вильмош Диосеги говорил по-русски довольно бегло. Кстати, это обстоятельство очень помогло ему собрать в «Тофаларии» интересный материал по сибирскому шаманству.

Проводив Диосеги, мы в тот же день, но только уже поздно вечером, на теплоходе тронулись вниз по Енисею и через четыре дня были в самом большом кетском поселении на реке Елогуй — в Келлоге, а где-то через месяц еще севернее — в Сургутихе.

Мы уже несколько дней в Сургутихе, уже все кетское население — наши друзья и помощники. Самый интересный наш собеседник — баба Вера Дорожкина, самая старая женщина из всех кетских женщин. Ей тогда было что-то около восьмидесяти лет, но память была поразительная, ум ясный, мысль четкая. Вот только обращение к нам, может быть, было чересчур своеобразным. Нам тогда было обоим вместе меньше лет, чем одной бабе Vere.

— Ну-ка, девка, покажь мне ту книжицу, что намедни сувала мне в глаза, — сказала как-то утром баба Вера, когда мы в очередной раз пришли в ее чум.

Баба Вера со своим стариком жила на окраине селения, и не в избушке, как все в центре, а в чуме. Объясняла она пристрастие к старинному крытому берестяной тиской островерхому жилью тем, что летом в нем прохладно и комара меньше, а зимой теплее от костра или печи, чем в доме. Главное, воздух здесь чище, повторяла баба Вера.

Холой, по представлениям кетов, хозяйка тайги

Мы сообразили, что баба Вера просит показать ей книгу Анучина. Женя достала ее из полевой сумки и отдала старухе.

Баба Вера, прищурив глаза, помусолив пальцы, медленно листала страницу за страницей. На одной из них она остановилась и ткнула пальцем в схематический рисунок остроконечного столба с вытесанными личиной и ребрами.

— Во,— протянула она и добавила: — Подь сюда, девка. Смотри. Это дось. Они обыкновенно тыкаются возле матки своей — Холой. Знаешь, что такое? Холой — хозяйка тайги, озера, дороги.

— А у вас они есть? — перебила Женя.

— А то как же. Всего верст пять, а то и шесть отсюда по солнцу. Большая излучина нашей реки. Место знатное, рыбное. Там Холой, тама же ее детки — доси.

Старуха замолчала, а затем добавила какую-то странную фразу:

— Они, бедные, голые, зимами мерзнут, трутся круг матки своей, а так-то стерегут ее.

Вера Дорожкина продолжала листать книгу и что-то шептала про себя. Затем остановилась и, вновь ткнув пальцем в рисунок, обратилась к Алексеенко:

— А это-то все алэлы. Они у всякого в чуме или доме быть могут. У всякого. Однако замаялась я с вами.

Баба Вера закончила и тут же откинулась на оленью постель и задремала.

На указанной странице были изображены деревянные широколицые куклы, одетые в меховые одежды. Тогда мы не могли спросить, а потом забыли, были ли алэлы в чуме бабы Веры?

Полученные сообщения заставили нас уговорить молодых кетов сходить с нами к Холой у большой излу-

чины, а также постараться разыскать алэлов в кетских семьях и наконец-то точно узнать, зачем они? Кто они? Кем сделаны и во что наряжены? Узнать, чтобы связать их или, напротив, не связывать с фетишами, с предметами культа, обладающими возможностью реализовать желаемое тех, кто создавал досей и алэлов, надеясь получить какую-то помощь, покровительство или выгоду.

Володя Дорожкин, один из юных членов клана Дорожкиных, пошел с нами к излучине реки. Мы шли широкой тропой по низкорослому лиственному лесу левобережья Енисея. Шли недолго, часа два.

Первой бросилась в глаза огромная лиственница. Мы уже знали, что именно на такие деревья, которые выделяются на всю округу, и наносят кеты изображения Холой — хозяйки местности. Значит, нам идти к лиственнице и там искать досей.

На уровне глаз нормального роста человека на шершавом стволе лиственницы был виден овал затеса с выделенными на нем глазами, ртом и носом. Это была сама Холой.

Дерево стояло в нескольких шагах от берега. С тыльной стороны дерева, если считать лицевой ту, где изображена Холой, был небольшой овражек. От края овражка сбегались к дереву посеревшие от времени остроконечные, похожие на длинноголовых людей без рук и без ног, но с обнаженными ребрами доси. Казалось, они берут дерево с Холой в полукольцо, защищая свою хозяйку с тыла.

Мы насчитали девять досей.

— Их бывает и больше, — сообщил Володя, обратив внимание, что мы считаем, и добавил: — Когда человек около них окажется зимой, он непременно оставит им либо кусок тряпки, либо кусок оленьей шкуры, чтобы они

могли прикрыть себя от холода. Наши старики считают их живыми. Они живые, но голые, и им холодно и голодно. Они дети Холой, так считают наши старики, и если их не подкармливать, не одаривать, то их matka рассердится на людей и перекроет пути в тайге и на реках, отпугнет рыбу и дичь от охотников.

Володя произносил слова несколько равнодушно и даже с улыбкой, как бы извиняясь за своих стариков, которые верили в подобную чепуху.

Тут я решил задать явно непростой вопрос:

— А когда тебе по пути попадают Холой и доси, ты их не кормишь, не одариваешь?

— Ну почему же. И кормлю, и одариваю, что мне жалко, что ли? Но я не верю, — понял смысл моего вопроса Володя и продолжил: — Необязательно верить, чтобы делать, как заведено у нас.

Дальше разговаривать на такую тему я счел мало-полезным, понимая что фетишизация объектов самой природы и созданных руками человека предметов слишком давняя традиция, чтобы покончить с ней в один момент. В общем-то такой ответ стоил больше, чем иногда встречающееся среди городской интеллигенции «приобщение к вечному» — крещение, отпевание близких и т. п. — по принципу: «на всякий случай... а вдруг там что-то есть?!»

— Володя, — решила Женя переменить тему разговора, — а в вашей семье есть алэлы?

— А то как же, — невозмутимо ответил Володя, — конечно, есть. Раньше, когда кто-то отделялся от семьи и заводил новую и оказывалось, что у него нет алэла, ему делали его старики. Как же без алэлов, без этих старушек, помогающих по хозяйству, берегущих добро и здоровье семьи.

И опять тон обычный, правда, уже не равнодушный, а скорее утвердительный.

Мы провели тогда, в 1958 году, в Туруханском районе Красноярского края почти полгода, посетили практически все кетские селения от Подкаменной Тунгуски на юге до Мундуйского озера и реки Курейки на севере. Мы узнали многое, но это была первая встреча с необычной культурой и бытом народа, чье происхождение и тайна самобытности языка до сих пор не разгаданы. После этой первой встречи мы еще трижды вместе были в «Кетии», как мы называли между собой просторы енисейской тайги и тундры, освоенные кетами. Я был в этих местах еще раз уже без Алексеенко, со студентами, а она — многократно самостоятельно или с другими спутниками. Кеты, их духовная культура, их жизнь, их судьба стали судьбой и жизнью Евгении Алексеевны Алексеенко, самого блестящего и талантливоего исследователя этого народа, его прошлого и настоящего.

Много алэлов прошло перед нами: алэлы и в доме Топкова, и в доме Бердникова, и Серкова, и, конечно, Харлампия Бальдина.

Однажды зимой где-то близ Келлога я столкнулся с Харлампием Петровичем Бальдиным, старым знакомым, подарившим нам много интересных рассказов о жизни кетов.

Был легкий морозец. Я пошел в тайгу на обыкновенных лыжах, на которых мы все бегаем по нашим пригородам зимой. В первые месяцы календарной зимы снега еще немного, и можно идти по тайге на узких лыжах. Цели у меня не было никакой, я решил просто отдохнуть и подумать на воздухе.

Мой путь пересек след широких камусных лыж. По очертанию кольца лыжного посоха с одной стороны широ-

кой лыжни я понял, что это след Харлампия Петровича. Ему тогда было уже под семьдесят, и невольно подумалось: «Зачем старик Бальдин пошел в тайгу?»

Я свернул на его лыжню и довольно скоро увидел его, прислонившегося к сосне. Он был одет в короткую оленью охотничью парку, на голове ситцевый платок, завязанный на старушечий манер. В руках у него было ружье «Белка» — двуствольное, стволы расположены один над другим: один ствол малокалиберной винтовки, второй — обычного охотничьего дробовика.

Харлампий Петрович целился в кого-то или во что-то. Не оборачиваясь ко мне, он поднял руку: «Тише, остановись!» Я встал. Раздался выстрел, и Бальдин радостно крикнул: «Наконец-то я добыл ее! Иди сюда, парень!»

Я пошел вслед за Харлампием, но он раньше на своих широких лыжах оказался у поваленного ствола и гордо потрясал телом убитого бурундука. Пуля попала зверьку в голову. Зверек был небольшой. Зачем он?

— Зачем вам бурундук, Харлампий Петрович?

— Ой как надо, у алэла совсем прохудилась одежонка, а она была из бурундучьего меха. Я уж месяц как хожу за бурундуком. Теперь добыл, теперь алэл — самая старая из старушек-помощниц будет рада. Сегодня же разделаю шкуру и завтра сам сошью ей сокуй, чтобы было тепло.

Информации было неожиданно много. Оставалось только тактично задать вопросы: и о смысле алэлов, и почему они всегда женщины, и почему старухи, и зачем им одеяния?

Женя также собирала подобный материал. И расспросы Харлампия Петровича, и постоянные наблюдения — все это позволило узнать основное: алэлы непременно, обя-

зательные спутники и, по сути древних представлений, члены каждой кетской семьи.

Не может быть кетской семьи без алэлов. Алэл — женского рода. Из целого куска дерева искусно вырезано

Алэлы, духи — помощники по дому

широкое лицо, руки, ноги, грудь. Обязательно старушка должна быть одета: и потому, что ей голой будет холодно, и потому, что быть голой неприлично. Как правило, их в семье бывает одна или две, а то и несколько. Эти старухи — помощницы семьи во всех ее делах: они охраняют жизнь

и богатства семьи, помогают по дому, следят за детьми и скотиной — оленями, собаками. Алэлы, которых мы видели, все были очень старыми, потемневшими от времени, прокопченными в дыму чумного костра.

Часто украшают одежду алэла вышивкой бисером. Делают на лбу бисерную повязку, пропускают бисерную нить по подолу суконного халата или по голенищам унтов. Хранятся алэлы в специальном берестяном туеске в укромном месте в чуме или доме, при перекочевках их возят с собой в санках-ящиках с домашним скарбом.

По понятиям кетов, алэлы чувствуют все, как люди. Им доступны жалость, обида, они знают горе и беды, а также и радость. Нередко их кормят, смазывают рот рыбьим жиром, оленьей кровью. Если человек не будет заботиться об алэлах, то семья останется без постоянных безропотных помощников и погибнет.

Харлампий Петрович вскинул руку с острым ножом, провел несколько раз по распластанной шкуре бурундука и сделал выкройку маленькой длинной парки. Он достал широкоскулую, большеголовую, черную от времени деревянную куклу-старушку, примерил выкройку и быстро стал кидать стежки иглой с оленьей жилой. Вскоре самая старая помощница была одета в новую парку и новые унты из меха бурундука.

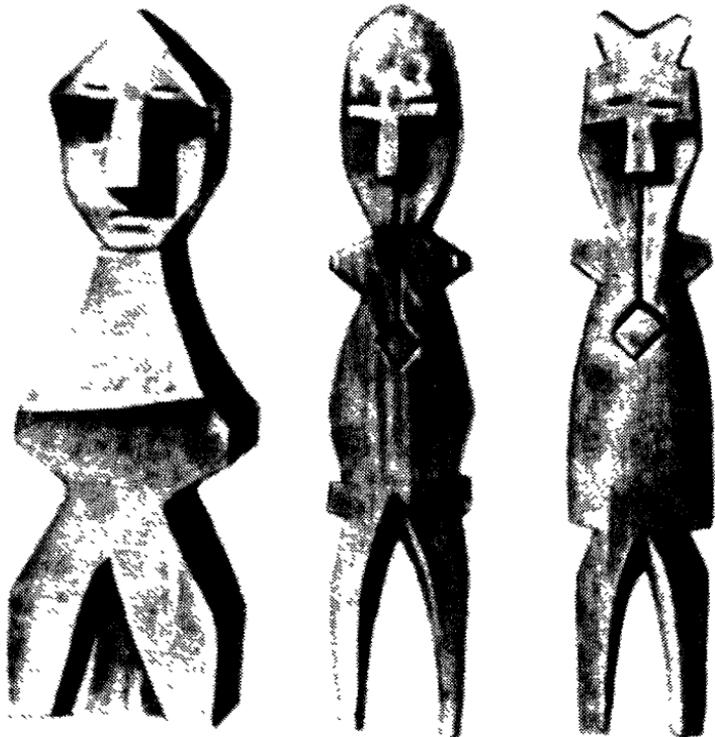
— Вот и славно. Вот и хорошо, — разглядывал, приговаривая, свою работу Бальдин, — будет теперь старуха довольна, и нам хорошо всем будет.

Мы узнали об алэлах многое, не узнали только, когда, кто из кетов и зачем сделал первую куклу. В каждой семье они были «давнишними», так говорили и старики, и молодые.

— А это что такое? — я показал Харлампию на плоского железного человечка со стрелой, привязанного к шести чума.

— О-о,— протянул Харламий Петрович,— это моя ульвэй. По-вашему, болезнь, она не должна быть во мне, она не должна болтаться где попало. Ее нужно крепко

*Пупыги — мансийские
духи-хранители*

привязывать. А это, — он показал на комочек из ткани, тоже привязанный, но к другому шесту, — ульвэй моей хозяйки. Когда мы умрем, то мою ульвэй нужно выбросить далеко-далеко, а ее — распустить или, еще лучше, сжечь. За ульвэй мы не ухаживаем, только глядим, крепко ли они привязаны к шестам чума.

Есть еще своеобразное изображение фетиша, которое доживает и до наших дней в преобразованном виде.

На обширных просторах евразийских степей путник часто встречается с каменными изваяниями, которые называются «каменными бабами». «Каменная баба» — название точное только для материала изваяния, но обычно изображен в камне некий усатый степняк, кочевник. Стоит он посреди степи, виден издалека, достигает нередко более двух метров в высоту. На некоторых изваяниях точно очерчены не только лицо с широким приплюснутым носом, усами и узкими глазами, но и руки, скрестившиеся на поясе, пояс с подвешенным кинжалом, халат, у которого правая пола заходит на левую, как это принято у тюркских народов.

Изваяние чаще всего принадлежит древним хозяевам степей — тюркам. Идет уже многолетняя дискуссия — изображен ли в «каменной бабе» предок, который должен заботиться о живых потомках, или враг (обычно сильный побежденный враг), образ которого должен отпугивать новых врагов? Вот о чем идет спор в науке.

Для нас же важно одно, что древние в поминальном цикле предусматривали создание специального изображения умершего, наделяя такое изображение чудодейственной силой влияния на жизнь живых.

«Каменные бабы» по смыслу близки к ульвэй и алэл и даже чуринге.

Пронзенный стрелой, заговоренный СЛОВОМ

Этюд о первобытной магии

Река, извиваясь, бежала через тайгу, поражая своей прозрачностью и каким-то сладковатым привкусом холодной воды. Было удивительно тихо в самом окружающем мире — на высоком угоре, обозначавшем правый берег; в сбегających по нему исполинских соснах и кедрах; в тальнике левобережья; в пропитанном солнцем и покоем воздухе июльского жаркого дня.

Лодка-долбленка из сосны в два обхвата скользила по течению, довольно быстрому, когда не нужно работать веслом, а только опускать его за корму и спокойно, бесшумно поворачивать, направляя легкое и достаточно верткое суденышко по руслу.

Нас в лодке было трое: я, замечательный кетский охотник Дагай и его пес Кун, что означает «росомаха». Кун был еще молод, всего один год, но когда он садился рядом со мной, то голова его была выше моей. «Большой будет, сильный будет ездовой пес», — любил приговаривать Дагай, подчеркивая главную роль сильных, больших сибирских лаек у кетов — быть ездовыми собаками. Кеты народ почти безолений, особенно те, что живут в Пакулихе и Сургутихе.

Живущие на севере у Курейки — олени кеты. Особенно много оленей исторически было у Серковых, водивших дружбу и породнившихся с эвенками Кильмагирами. У эвенков всегда было много оленей — в тайге даже верховых, а в тундре — ездовых.

Я сидел на носу: у моих ног лежал Кун, а Дагай — на корме, с веслом, которым он правил, а иногда и подгробал. Мы выехали, чтобы поставить в Дагайской виске — речной протоке, где можно соорудить загородку на рыбу, обычную сеть. Сеть лежала дальше от меня, за Куном. На сети лежали два ружья — обычное двустольное охотничье и двустольная «Белка». Лежали они, обращенные дулами к Дагаю, чтобы легко можно было ухватить их при появлении гуся, а то и глухаря.

Из-за поворота нам навстречу против течения появилась стая уток. Дагай схватил «Белку», снял с предохранителя, но тут же положил на место и взял другое ружье.

— Пригнись, парень,— это ко мне. Я пригнулся, прогремел выстрел.— Теперь подбирай!

Я достал из воды пять уток. Вот и будет у нас хороший обед. Дикая таежная утка небольшая, нежирная. Трех мы, пристав к берегу, насадили на рожень — березовую палку, что-то вроде шампура для шашлыков; двух бросили в котел, конечно, предварительно ощипав и выпотрошив. Разожгли костер. Поставили рожни, воткнув их в землю вокруг огня, поместили котелок на воткнутую наклонно к огню длинную жердь.

Кун, приученный больше к рыбе, причем даже сырой, нехотя покинул нас, углубившись в тайгу.

— Может быть, позовем Куна? — предложил я Дагаю, когда мы насытились, а на одном рожне еще оставалась жареная утка.

— Зови,— ответил Дагай.

Я поднялся на верх угора, а сидели мы у самой воды, и остановился пораженный золотистым светом, который источали стволы сосен и кедров, бронзовая хвоя, устлавшая землю. В этом таежном царстве было просторно, безветренно. Тайга просматривалась далеко-далеко. Казалось, что еще нужно человеку? Если отдыхать, то тут есть все: сосны, дающие целебный воздух; река с кристально чистой водой; песчаный берег; тепло и тишина сибирского июля. Я от умиления скинул накомарник с широкополой шляпой и перчатки. Я не сразу понял, что случилось, только посмотрел на руки и удивился: они в перчатках? Как же так? Я их снял, да вот они у ног, на толстой хвое! А что же у меня на руках?

Руки мои были темно-серыми. Их моментально облепили комары. Комары — и исчезла тишина, померкло солнечное сияние, лившееся в прозрачной тайге, окутал монотонно-нудный комариный писк, сливающийся в равномерный гул винтов вертолета. Вот тебе и благодатный край для отдыха!

Вновь руки в перчатках, вновь на голове шляпа с накомарником. Я тороплюсь вниз, неистово крича: «Кун, Кун!!» Рядом раздался знакомый лай. Спешу на него и вижу — лабаз на высоких сваях.

Лабазы — деревянные рубленые сарайчики на сваях, чтобы в них не забралась россомаха, — кеты ставят повсюду на своих охотничьих тропах. В лабазе обязательны запас муки, соли, боеприпасов, нередко в них шкуры оленей и пушнины, а также предметы культа. Бывало в лабазе хранили различные детские вещи, принадлежавшие детям, выросшим здоровыми и умными. Считалось, например, очень важным вынянчить мальчика или девочку в колыбели, в которой спал тот, кто вырос и не болел, и был удачлив

во всех делах. Такая колыбель считалась в семье почетной, через нее здоровье и ум должны были перейти и на других юных родственников. Ее никогда не выбрасывали и часто хранили либо в чуме, либо в лабазе.

Рядом с лабазом сидел Кун и, задрав голову, лял. К лабазу была приставлена лестница, дверца приоткрыта.

Кун кого-то чуял. Я подошел, обнял пса и крикнул:

— Есть, что ли, кто?

— Есть, есть, поднимайся ко мне, парень, я что-то покажу! — донесся голос из лабаза, затем появился сам Матвей Бердников, о котором на Елогуе говорили как о потомке могущественных прежде шаманов.

Я удивился. Только сегодня, когда мы сели с Дагаем в лодку-долбленку, Матвей был на берегу.

— А как ты, старик Матвей, уже здесь?

— Вы водой, водой, а я посуху, посуху. Оно быстрее получается. Я ваши выстрелы слушал, уверен был, недалеко остановитесь, ну а Куна увидел, сразу смекнул — скоро покажетесь. Поднимайся.

Я поднялся, и Матвей потащил меня внутрь не очень просторного, но и не маленького сарайчика. Он усадил меня у порога, а сам шмыгнул в угол и выполз оттуда с берестяной коробкой.

— Вона смотри. От деда моего отца осталось.

Матвей показал крохотную, вылитую из свинца лодку, на ней гребцы и фигура с бубном. Потом показал свинцового человека с отверстием у сердца и маленькую свинцовую пальму — тип копыя с ножевидным наконечником.

— Прежние люди, — пояснил дед Матвей, — веровали, что, стоит назвать имя врага, трижды повторить его, сказать: «Вот свинцовый человек с таким-то именем», ткнуть в дырку пальмой — и человек настоящий умрет.

Матвей Бердников задумался и потом добавил:

— Я спрятал вещи дедов наших от ребятишек. А то они вдруг пошуткуют, назовут чье-то имя, ткнут пальмой маленькой в дырку, и сгинет настоящий человек. Что, не веришь, что ли? Думаешь, я пустое болтаю? Зря ты, парень, верь мне, так не раз бывало. Еще лет пятьдесят назад, когда Советская власть была только у вас, а у нас еще не было, мой отец таким способом извел бывшего царского приказчика, прятавшегося вона в том тальнике.

Матвей показал рукой на проглядывавший с вышины лабаза низкий левый берег реки.

Я ничего не ответил, молча пожал руку старику, спустился на землю, сфотографировал лабаз, позвал Куна, и мы пошли к Дагаю, оставшемуся у костра.

Дагай дремал, закрыв лицо курткой.

Я рассказал Дагаю о встрече в тайге, он усмехнулся и как-то равнодушно произнес:

— Старик Матвей не любит меня, а то бы обязательно напросился с тобой.

Я не придавал значения словам Дагая, как не придавал значения рассказу Матвея о логическом воздействии свинцового человека и свинцовой пальмы на судьбу реальных людей. Все вспомнилось потом, когда несчастье произошло, о нем стали толковать всяк по-своему...

Наша лодка вновь шла по течению. Мы сидели как прежде — я на носу, у моих ног Кун, а на корме Дагай с веслом. Перед ним на сетях — два ружья стволами, направленными ему в грудь.

Глухарь пересек наш путь и уселся на невысоком тальнике. Он был очень хорошо виден. Черный, гордо вскинувший голову, спокойный.

Дагай торопливо дернул за ствол «Белки», ложе ее запуталось, видимо, в сетях, что-то щелкнуло, раздался выстрел.

Я ничего не понял. Оглянулся, глухарь медленно улетал прочь, Кун вдруг завизжал, Дагай охнул и схватил себя за левое плечо. Долбленка, называемая по-кетски «ветка», потеряла устойчивость.

Если бы не песчаный мыс на нашем пути, мы наверняка перевернулись бы, тем более что весло Дагай уронил. Оно первым уткнулось в мыс, а затем и наша «ветка».

Кун бросился к Дагаю и стал лизать его лицо. Я помог Дагаю выбраться на берег. Из раны в левом плече сочилась кровь. Разорвав рубаху, кое-как ее удалось остановить. Дагай, побледневший, сказал, показывая на ружье:

— Вот как запуталось в сетях!

Когда Дагай резко дернул за ствол, а предохранитель был спущен еще тогда, когда появилась стая уток, сеть натянула курок малокалиберного ствола, и, видимо, от вторичного рывка курок ударил. Пуля врезалась в левое плечо, к счастью, в самую мякоть, и, к счастью, пуля... А если бы зацепился курок охотничьего? Кто знает, куда бы разнесло выстрелом дробь?

Пока я возился с Дагаем, пристраивая его поудобнее, с угора ко мне спустился дед Матвей.

— Я, парень, выстрел услышал, собаку услышал. Беда, подумал. Ай, ай, Дагай. Неосторожный ты, бедовый человек. Побудьте тут. Я мигом.

Мигом не мигом, но где-то через час раздался на реке шум мотора.

Дагая и меня с Куном подхватили в большую лодку-казанку с двумя моторами, прицепили на длинную веревку «ветку» и быстро доставили на станок. Оттуда Дагая уже на самолете отправили в Туруханск. Пулю вынули хирурги больницы, сделали вливание крови, и через три месяца Дагай был совсем здоров, но увиделись мы с ним снова только через год.

Из Сургутихи я уехал на север, и здесь, когда собирал материал о народных верованиях кетов, в которых, как обычно, переплетены фантастика и будничные реалии, услы-

Козлы. Гравюра, палеолит

шал довольно любопытную интерпретацию случившегося с Дагаем, чему я сам был свидетелем.

Рассказчик, человек средних лет, сообщил следующее:

— У нас много, страсть как много разных былей и небылиц знают старики и старухи. Чему верить, чему нет, я-то не знаю, но вот то, что знаю, скажу. Начну с примет

разных. Вот как раз к месту будет. Ты сидишь в чуме, ноги вытянув, вместе их сложив. Никакой бабе нельзя перешагивать через них, а то порча для нее будет али замуж за

Реконструкция рисунка колдуна. Палеолит

тебя ей идти надобно будет. Или еще того хуже. Нельзя бабе сеть латать или вязать, когда мужики в лес-тайгу пошли на охоту или на рыбалку. Баба здесь, в чуме, сеть трогает,

а мужик тама, в тайге или на воде, запутается, со следа сойдет, а то и сгинуть может. Вот недавно так и было. Слыхивал, у сургутихинских есть славный охотник Дагай. Поехал он на рыбалку, а баба по глупости решила, от безделья, что ли, сеть одну перебрать, где дыры затянуть, где прорехи довязать. Она возится с сетью, соседи ей говорят: «Не ладно это, муж твой, чай, на промысле, а ты ему мешаешь!» Она и ухом не повела. А там на реке, в тайге, Дагай ружье дернул, сеть его запутала и выстрелила ружьем-то в Дагая. Вот и сгинул охотник славный и человек хороший.

— Да не сгинул он, подраненный только был, а сейчас уже на поправке.

— Соврали, значит, люди, но это хорошо, что он живой, а все остальное так и было. Если бы баба не мешалась с сетью, если бы, как еще говорят, кто-то не наслал из тамошних на него порчу, ничего бы не было.

Какую еще порчу? Уже не то ли, что говорил дед Матвей, рассказывая о свинцовом человечке? Так мне и не удалось это выяснить. Ясно было одно, что и сейчас, во второй половине XX века, люди часто намерены связать события, никак не связанные, дабы получить простой ответ о причине случившегося. Вот и рождается суеверие о возможностях на расстоянии влиять на судьбу людей то ли действием на какой-то предмет, то ли словом.

В том далеком от нас по времени мире, где все происходившее вокруг воспринималось как проявление силы и могущества неведомых духов, человек должен был найти возможность либо влиять на них, управляя духами, либо защищать себя и близких своих от тех сил, которые он не понимал, не осознавал. В том мире, представлявшем не-

реальность реальностью, фантастику — былью, формы влияния на духов и защиты от них также выступали в фантастических образах, в фантастическом обличье.

Вся совокупность таких фантастических влияний на духов и есть магические представления и магические действия, проявившие себя прежде всего в двух ипостасях: в магии заразной и магии охранительной. От этих двух типов отпочковались со временем конкретные виды магических представлений и действий, имеющих целью возжелать и получить желаемое или предупредить и обезопасить себя, свой род, свое племя от подобных же поползновений и желаний противной стороны. Появились магия охотничья и вообще промысловая; магия любовная и особо свадебно-обрядовая; магия лечебная и специально-родильная; магия вредоносная и как вариант колдовская; магия аграрная и внутри ее — магия посевная; магия половая и как частный случай магия плодородия, желаемый результат которой — увеличение мужского потомства.

Случилось так, что все многообразие человеческого бытия, все явления общества и окружающей природы могли попасть, с точки зрения нашего далекого наблюдательного предка, под сверхъестественное воздействие магических действий. Как бы мы ни называли магию, любовной или аграрной, лечебной или охотничьей и так далее, мы должны согласиться с тем, что генеральными назначениями воображаемого сверхъестественного приема являются всего два: активное — заразное действие и пассивное — охранительное.

Давно не было дождя в Шуэр

ысокий и толстостволь-
ный кактус, оцетинив-
шийся своими отростка-

ми с твердыми иглами, стоял на небольшом холмике в песчано-каменистой долине. От него начиналась тропа к селению индейцев-хопи Шуэр, расположенному на склонах видневшейся вдали горной гряды. На языке хопи Шуэр означало «Красные глаза». По местному преданию, первопоселенцы пришли сюда ведомые Кумпой — военным вождем.

Место для селения было выбрано удачно. Невысокая горная гряда вставала над долиной в междуречье. Обе реки, которые индейцы называли Большой и Быстрой, в весеннее половодье разливались, затопляя долину, насыщая поля влагой и илом. Близость рек позволяла быстро строить отводные каналы и даже в засушливый период рассчитывать на орошение полей. Но довольно часто в знойное лето, когда само небо жгло, как жжет солнце, реки мелели, и только дождь мог напоить их, а они — отдать влагу полям кукурузы, бобов и тыквы.

Казалось, вода, неукротимая весной, сметающая все на своем пути, сшибающаяся из двух источников в один сплошной, широко распластаный поток, летом уходила на долгий отдых или залегала в спячку. Люди молили о дожде, люди зывали к воде, но трудно было добудиться, достучаться до куда-то исчезнувших бурных потоков. В раскаленной долине весенний паводок вспоминался как невероятная сказка о славных и добрых днях.

Вот и сейчас Нафа остановился на холмике с высоким кактусом и, озираясь вокруг, вспоминал, как всего несколько лун назад именно здесь застал врасплох его весенний поток, понес к горной гряде и по счастливой случайности, а вернее, по воле духа — хозяина обеих рек выбросил бездыханным у подножия, рядом с первой террасой селения Шуэр. Так было совсем недавно, но уже много дней свет сменяется тьмой, а небо пышет жаром, по его побелевшим от жары просторам не катится ни единого облачка.

Давно нет дождя в селении Шуэр. Сохнет кукуруза, желтеют длинные плети тыквы, вянут листья бобов. Давно нет дождя в селении Шуэр, и Нафа — один из десяти мужчин, назначенных касиком Пачири, старейшиной селения, в помощники его делам, — должен найти дождь, должен дать воду полям.

Четыре дня назад, будучи не в состоянии видеть просящие взгляды сородичей, ждущих от него чуда, Нафа покинул селение и пошел через долину к соседям — индейцам племени зуни. Их также жгло солнце, их поля также были без воды. Может быть, соседи что-то придумали?

Нафа возвращался домой не торопясь. Не торопился он и потому, что не узнал, не увидел ничего нового, и потому, что было очень жарко и быстрый шаг перехватывал дыхание. Свои длинные волосы, обычно стянутые на макушке в тугий узел, перевязанные кожаной тесьмой, он распустил, рубаху скинул и шел в одном кожаном переднике да в разбитых камнями и временем мокасилах, чтобы не жечь ступни.

Нафа стоял у кактуса, смотрел на свое селение. Его не было видно отсюда, его можно было угадать по изломанной линии в сплошной серо-бурой окраске гряды. Хопи, как и зуни, сооружали свои жилища из кирпича или глины, сме-

шанной с соломой или стеблями кукурузы и бобов, и красили известкой в белый цвет.

Селение Шуэр расположилось довольно удобно. Горная грядка, на которой разместилось селение, в половодье возвышалась над потоком, склоны были податливы для устройства искусственных террас-площадок, где индейцы сооружали свои одноэтажные дома с плоскими крышами. Дом стоял над домом, нередко плоская крыша нижнего ряда домов использовалась как площадка для игр и отдыха живущих выше.

Нафа смотрел на дальние горы и думал о том, что же он скажет касику Пачири, что скажет всем сородичам? Они ждут от него одного — простого и ясного ответа, когда будет дождь в селении Шуэр и на полях, принадлежащих его жителям?

Нафа смотрел на горы, медленно оглядывая небосклон, пытаясь найти в его безбрежной белесой синеве ответ. Но нет ответа, и нет желания торопиться домой. Нет желания, но идти нужно, но надежду вселить нужно. Нафа вздохнул, откинул упавшие на лицо волосы, перекинул рубашку через плечо, поправил мокасины и тронулся в путь.

Сколько Нафа помнит, в родном селении всегда главной заботой была вода, даже не урожай кукурузы, хотя духу — хозяину поля, духу — хозяину кукурузы устраивали жители специальные кормления, делали подношения на алтарях, принадлежащих этим духам.

Воде поклонялись по-особому. Весной молили ее утихомириться, войти в русла рек, а летом низвергнуться с небес на землю, заполнить реки и каналы. Маленький Нафа не понимал, как так можно — сначала просить об одном, потом о другом. Дух воды мог и рассердиться. Повзрослевший Нафа понял, что вода бывает разная — одна течет по земле в реках и каналах, другая — по небу. Земная вода, счи-

тал Нафа, отбушевав на земле, уходит в небо, и если очень просить небо, то оно отпустит ее на землю, и будет вода уже небесной. Было непонятно, то ли это земная вода, ушедшая на небо, то ли это небесная вода, идущая к земле; непонятно также, почему весной часто потоки земной воды смешиваются с небесной, когда в половодье сверкают молнии и хлещут упругие струи дождя.

Нафа посетил селение Шифун, что на языке зуни, как и на языке хопи, означает «Черные глаза». Предводитель первооселенцев был черноглазый, как все нормальные люди. В селение Шифун Нафа ходил не случайно, там среди помощников Кумпа был его хороший друг Паепалоа, который вернул ему дыхание жизни, когда весенний поток выбросил Нафа у подножия родного селения. Как Паепалоа в такое время оказался в доме касика Пачири, Нафа так и не узнал, но об оказанной услуге довольно часто вспоминал. Отчаявшись найти выход, найти ответ на мольбы сородичей, Нафа пошел четыре дня назад в Шифун к Паепалоа. Нафа даже прихватил безмерно ценный подарок — обсидиановый нож, вставленный в костяную рукоять. Подарок, доставшийся ему в наследство от дяди матери Кабевириде по имени Шипуло — помощника касика.

Паепалоа принял Нафа сердечно. Усадил в своем доме на возвышение, приказав постелить самую лучшую циновку, на которой был изображен танец, посвященный солнцу — хэлеле.

— Какие дороги привели тебя, Нафа, сын Белого початка кукурузы? Правда ли, что ты назначен Кумпа одним из тех, кому доверено общение с богами и духами? Расскажи мне о своей дороге, — вопросы Паепалоа звучали размеренно и заинтересованно.

У Нафа спеклись губы, томимые жаждой, так как в середине пути кончились скудные запасы воды, а тыквенная

посудина, болтавшаяся на тесьме передника, была пустой. Просить воды было крайне невежливо и даже стыдно. Мужчина обязан терпеть, и, даже если хозяин предложит воды, нужно трижды отказаться от нее. Вода для всех — слишком дорогой дар неба и земли.

— Прости, мой юный друг, — Паепалоа был много старше, — я, обрадовавшись твоему приходу, забыл предложить тебе воды. Возьми, и не надо трижды отказываться. Я знаю обычаи, но я, в отличие от других людей, знаю тебя даже лучше, чем ты сам. Возьми, — хозяин протянул гостю красиво расписанную глиняную чашу.

Нафа взял ее, спокойно проглотил несколько глотков. Живительная влага растеклась по дальним и скрытым каналам тела, придала бодрость и уверенность.

— Давно нет дождя в селении Шуэр, — начал Нафа, но хозяин остановил его.

— Можешь не продолжать. Я знаю, что ты скажешь. Поля усыхают — сохнут листья бобов, тугие плети тыкв, желтеют кукурузные стебли. Тебя преследуют молящие глаза детей рода Белого початка кукурузы. Когда будет дождь, спрашивают они у тебя. Ты не знаешь. Ты пришел ко мне, чтобы я помог тебе? Правильно?

Нафа сидел, ошеломленный прозорливостью хозяина, который не вождем Кумпой селения Шифун, а самим касиком, прозванным Солнечная Стрела, был назначен на должность прорицателя и ведуна.

— Я вижу у тебя под передником сверток. Ты принес мне подарок? Он слишком дорог, я узнал его по темному срезу костяной рукояти! Это нож твоего дяди по матери, нож Шипуло. Он пригодится тебе самому, мне ничего не нужно. Я помогу тебе и без подарка. Точнее, помог бы...

Нафа насторожился, уже ничему не удивляясь, ведун Паепалоа обязан все видеть и все знать.

— Помог бы, — продолжил Паепалоа, — я и сам не знаю. И меня преследуют молящие глаза моих сородичей, детей Черного початка кукурузы. Меня с рассветом об одном и том же вопрошает касик Солнечная Стрела: «Когда будет дождь?» А я не знаю. Я думаю, что, когда мы праздновали день солнца, когда устраивали в начале весны танцы хэтеле в его честь, мы что-то сделали не так, и солнце нас не поняло. Мы просили его быть разумным — весной быстро высушить землю, обогреть ростки, а летом уступить место на небе тучам и молниям, чтобы шел дождь. Весной мы слишком радовались приходу тепла и солнца, и оно решило расставаться с нами только на короткую летнюю ночь. Уже вечер. Отдохни, а в полночь ты и я пойдем тропой зверей к усыхающей реке Быстрой. Может быть, в воде и ночью небе мы найдем ответ.

Удивленный всем сказанным, обрадованный тем, что пойдет вместе со знаменитым прорицателем, Нафа подложил руку под голову и задремал. Не хотелось ни есть, ни пить, а только спать.

Проснулся Нафа мгновенно от прикосновения руки хозяина.

— Пора, мой юный друг, — сказал Паепалоа и подал Нафа кукурузную лепешку, смазанную острым соусом, чашу с какой-то вкусно пахнувшей желтой жидкостью, напоминавшей сок апельсина, смешанный с бодрящим соком агавы.

Еда и питье были сытные и бодрящие.

Гость и хозяин поели, поднялись с циновок, появившиеся бесшумно женщины прибрали посуду и тут же исчезли в соседнем помещении.

За стенами дома, в котором горели жировики-светильники, стояла беспросветная чернота ночи. В безбрежной темноте бархатного, остывающего от жары, а потому прояс-

нящегося неба проступали далекие звезды. Они слабо мерцали, грудились в звездные пути, узоры, неповторимый орнамент ночной стихии.

— Нафа, ищи нашу звезду, которая в ночи видится редко, а на краю неба — отчетливо на рассвете или закате. Ищи ее на небе, а я постараюсь приманить ее отражение в речную воду.

Они стояли уже на берегу реки. Глаза привыкли к тьме, и можно было различить берег, почти недвижную гладь реки Быстрой и в ней отражение звездного неба.

Нафа мучительно вспоминал рассказы своего дяди Шипуло о звездном небе, о расположении звезд в полночь, на рассвете и на закате. Он нашел Вечернюю звезду, которую испанские завоеватели земель индейцев-пуэбло называют Венерой. Почему-то Нафа сейчас вспомнил об испанцах, о тех далеких временах, когда из-за океана пришли большие лодки, воины в латах с ружьями, да еще верхом на конях. Было это очень давно — лет четыреста назад, если считать так, как считают потомки тех первых испанцев и индейцев, живших в этих местах, — мексиканцы. У племен хопи и зуни мало общего с мексиканцами. У них разные боги, разные даже названия рек и гор, светил и звезд.

Нафа вспомнил давнишних испанцев, потому что именно они называли Вечернюю звезду индейцев-пуэбло Венерой.

— Мудрый Паепалоа, я нашел нашу звезду, — воскликнул Нафа, показывая раскрытой ладонью в небо, в его левую половину.

— Где? — подошел Паепалоа к Нафа, проследил за движением руки. — Правильно! И я вижу. Не спускай с нее глаз, запоминай все, что вокруг нее.

Вокруг нее Нафа ничего не видел, кроме слабо различного ореола и безмерной тьмы.

— Вот она здесь, в воде,— радостно воскликнул прорицатель племени зуну,— иди ко мне, Нафа.

Нафа подошел и тоже увидел в воде отражение краешка неба, звезд и среди них — Вечернюю звезду, по которой индейцы отсчитывали годы своей жизни.

Паепалоа опустился на колени, подав знак Нафа сделать то же самое, достал из-под передника круглую толстую кукурузную лепешку и медленно опустил ее в воду, в то место, где виделось отражение Вечерней звезды. Лепешка какое-то мгновение задержалась на поверхности, затем рванулась по течению, опустилась ниже и вдруг затрепетала в водовороте. Казалось, ее кромсают, рвут на части сами звезды, прыгающие по образовавшимся волнам. Прошло совсем немного времени, лепешки не было видно, вода вновь стала гладким зеркалом, в котором также отражались звезды, правда, Вечерняя чуть сместилась влево.

— Нафа, посмотри на небо: что-нибудь изменилось у Вечерней звезды и вокруг нас?

Нафа посмотрел, быстро нашел звезду и удивленно сказал:

— Какое-то мерцание появилось в ее ореоле.

— Прекрасно,— воскликнул прорицатель племени зуну,— она приняла нашу жертву. Она попросит у неба дождя!

— Но когда же? — торопливо спросил Нафа.

— Об этом мы узнаем с тобой через пять ночей. Каждый у себя на шестую ночь от этой должен будет вечером найти нашу звезду и обратиться к ней с вопросом: «Когда будет дождь?» — а затем подбросить у реки, где начинается главный отводной канал, зерна кукурузы, целую горсть, а в полночь, когда уже выйдет луна, в ее свете посмотреть на зерна. В луче луны будет ясно, сколько зерен легло к самому краю берега, ближе к воде,— столько дней останется до

дождя, который накануне нужно будет вызвать на землю племени, на его поля и огороды.

Больше Нафа ничего не спрашивал у мудрого прорицателя племени зуни, побыл еще немного у него в гостях и пошел домой.

Вот он вернулся в родное селение. Он прошел к своему дому, поднялся по лестнице на крышу и через отверстие в ней спустился в свое жилище. Дома были лишь мать и сестры, они ни о чем его не спросили, а только молча подали есть и пить. Не принято было и у хопи, и у зуни расспрашивать вернувшегося домой, нужно было ждать, когда он сам начнет рассказывать.

Нафа отставил чашу, и в этот момент через входное отверстие спустился касик Пачири.

— Что скажешь, прорицатель рода Белого початка кукурузы? Будет дождь в селении Шуэр?

— Будет, — решительно ответил Нафа и, увидев, как радостно заблестели глаза матери, сестер и касика, добавил: — Когда будет, скажу через три дня.

Прошло пять ночей с той ночи, когда Нафа с прорицателем племени зуни искал Вечернюю звезду на небе и в реке.

Наступил вечер шестой ночи. Стараясь быть незамеченным, Нафа выбрался из своего дома и быстро покинул селение Шуэр, устремившись к главному отводному каналу реки Большой. Плоская площадка в том месте, где канал соприкасался с рекой, плавно спускалась по ее правому берегу к воде.

Нафа посмотрел на небо, нашел Вечернюю звезду, схватил горсть зерен кукурузы и, обращаясь к звезде, воскликнул: «Когда будет дождь?» С возгласом Нафа подбросил вверх зерна.

Ночь была, как и все ночи лета. Темная, звездная.

В полночь поднялась луна, уже нарождался новый месяц. Нафа дождался ее восхода и сидел на берегу реки Большой, где отводной канал берет свое начало. Лунный свет разогнал тьму кромешную, озарил бледным сиянием горы, реку, речной берег у канала. У самой кромки спуска площадки, у края берега, за которым начиналась река, Нафа увидел два зерна кукурузы. Только два. Они легли отдельно от основной кучки, разбросанной в центре площадки. Два зерна! Значит, через два дня должен быть дождь в селении Шуэр, на полях и огородах его жителей.

— Два дня! Через два дня будет дождь, значит, завтра его нужно вызвать на нашу землю! — произнес Нафа и сам испугался своего голоса, прозвучавшего чересчур громко.

Нафа готовил себя к церемонии вызова дождя, являющегося обычно частью большого ежегодного праздника Пинту — осеннего праздника урожая, когда в танце качина люди благодарят дождь и духа воды.

Нафа пришел в дом касика. Его жилище было значительно больше, чем у рядовых сородичей, и стояло на самой верхней террасе. Спаянные друг с другом и соединенные поперек параллельные ряды одноэтажных сооружений — жилых комнат — были жилищем касика и ограждением внутреннего двора. Во дворе стояло отдельное большое строение со световыми отверстиями под крышей — общественный дом — кива.

— Правитель Пачири, прикажи обкурить киву, очистить его. Я сегодня буду вызывать дождь. Дождь должен пойти завтра!

Касик дал указания, а Нафа сходил на реку, нашел глубокую заводь, омыл себя, помыл волосы. Солнце быстро их высушило. Он надел белую рубаху, чистый передник, мексиканские штаны, когда-то приобретенные у белых его матерью, подвязал волосы разноцветной кожаной тесьмой,

раскрасил лицо красной и черной краской. Закрыв себя покрывалом из хлопчатой ткани, Нафа прошел в дом — киву.

Вызывание дождя. Пуэбло

В общественном доме никого не было. Никто не должен присутствовать при общении избранника духов с духами! Нафа обошел дом, состоящий из одной большой залы. На-

шел в углу глиняные чаши с разноцветной землей: черная — смесь земли и сажы, серая — с пеплом, желтая — с песком, синяя — с краской индиго.

Подошел Нафа к углу, где стояли деревянные изображения священных птиц — покровителей людей и прорицателей. Положил около них куски кукурузной лепешки и вышел на середину помещения. Земляной пол был ровно разглажен, убраны камни и мусор.

Нафа присел на корточки, держа в руках горсть черной земли. Так он сидел долго, не решаясь начать вызов дождя. Вызывать дождь ему никогда еще не приходилось. Где-то очень глубоко, под самым сердцем, билась тревога, а вдруг что-то напутал прорицатель племени зуни. Ведь ошибись он с хэлеле, с танцем в честь солнца, — и вдруг не выйдет, не получится? «Нечего делать, — сказал сам себе Нафа, — сородичи ждут, поля ждут, земля ждет». Губы сами собой стали бормотать призыв к правителю земли и людей Викуну послать дождь на иссохшие земли Шуэр.

Черной землей очертил Нафа ровный квадрат, шириной в два локтя, длиной — в три. Утрамбовал землю в квадрате, взял синюю землю и под той чертой, которая закрывала квадрат по длине, ближе к западной стене, насыпал волнистые завитки облаков. Встал Нафа, посмотрел на рисунок, взял в одну руку горсть серой земли, в другую — желтой и изобразил зигзаги стрел, вырвавшиеся из облаков и ударившие в противоположную сторону квадрата. Теперь это уже был не квадрат, а картина неба и земли. Взял Нафа еще две горсти земли: одну — желтую, другую — синюю, и еще две молнии вылетели из небесных облаков и ударили в землю. Еще взял Нафа две горсти земли: теперь — одну черную, другую — желтую, и еще две молнии зигзагами вылетели из облаков и упали на землю. Шесть молний-стрел заполнили квадрат — картину неба и земли. Нафа поднял-

ся, поднял чашу с водой и, воскликнув: «Викун-владыка, дай нам дождя, дождя селению и людям Шуэр», брызнул на рисунок, на тучи и молнии, на землю. И в тот же миг где-то далеко от общественного дома кива прогремел гром.

Нафа не ошибся, это был гром. Он выскочил через входное отверстие на крышу и оглянулся. Издали, с восточной стороны, шла туча, она была далеко, но ветер гнал ее сюда. Уже чувствовалось прохладное дуновение, виднелись молнии, грохотал гром.

Нафа не верил своим глазам — он вызвал дождь! Он сумел, он уговорил духов. Нарисованные в кива разноцветной землей молнии ожили и заиграли между небом и полями селения Шуэр. Вот и хлынул долгожданный дождь, хлынул бурно, потоком наполняя реки и каналы. Возвращалась жизнь стеблям кукурузы, тыквы, бобов. Кто-то выскочил из дома, кто-то из мужчин семьи касика сунул в рот песчаную змею и пустился в танце змеем, танце благодарения духу — хозяину воды и дождя.

Магический вызов дождя у пуэбло — большого этнического массива индейцев, обитающих в засушливых районах современного юга США и Северной Мексики, — один из ярких примеров глубокой веры людей в возможности повлиять на силы природы через магическое изображение их действий, которые желанны в конкретном случае. Пуэблский прорицатель, в данном случае прорицатель племени хопи, убежден, что, изобразив на полу общественного дома кива молнии, несущиеся к земле с небес, он дал сигнал настоящим молниям низвергнуться с небесных высот вместе с дождем, с живительной влагой. Обычно индейские прорицатели не устраивали магического вызова, не будучи в какой-то мере уверенными в том, что многолетний опыт

наблюдений над природой дает основание по видимым для прорицателя приметам провести такой сеанс вызова дождя. Бывают ошибки, но обычно народная астрономия не подводила того, кто обращался с призывом, с просьбой к природе. Так и здесь, у селения Шуэр, Нафа строго следовал указаниям старшего «коллеги» — прорицателя племени зуну, а тот в очертании ореола Венеры, в мерцании ее заметил резкие климатические перемены, уже связанные между собой давними наблюдениями. Говорят же кеты, завидя вокруг луны в ясную морозную ночь сильный ореол: «Однако через два дня холод придет еще пуше, луна чум ставит». И на самом деле через два-три дня мороз усиливается.

Магии вызова дождя помогла народная астрономия, ну а успех охотничьей, любовной и части лечебной магии, если они не сочетаются с каким-либо употреблением специальных снадобий, обычно простые совпадения, случайности, возводимые нашим давним предком в закономерности.

Собирались на охоту на кенгуру все мужчины какой-либо локальной группы австралийских аборигенов. Чертил их колдун на земле рисунок, изображающий контуры кенгуру: его тело, голову, шею, ноги. Каждый охотник либо бросал, либо просто втыкал копьё в нарисованное тело. Куда впивалось копьё, туда, считали австралийцы, и поранит охотник настоящего кенгуру. Копья брошены, исполнен воинственный танец вокруг изображения кенгуру, и охотники вышли на охотничью тропу. Много дней пройдет, прежде чем они добудут животное, и будет оно непременно поражено чьим-либо копьём, а то и несколькими. Нередко в то самое место, куда попало копьё, пущенное или воткнутое в изображение. В такой случайной связи увидит охотник причинную связь, поверит в необходимость, в обязательность магического обряда перед охотой, как усло-

вие ее успеха. Хотя условием успеха были на самом деле охотничья смекалка, зоркий глаз охотника и его твердая рука, пустившая копье.

Заразительная магия — магия, направленная на что-то и на кого-то, — должна была и породила охранительную, защитительную — против чего-то или против кого-то. Самой классической охранительной формой стала лечебная магия, когда против возможных болезней подвешивают на одежду, в доме, в жилище и на колыбели младенца, как это делают и сегодня тувинцы, разного рода обереги: клыки хищников, куски кожи или шкуры, деревянные или металлические фигурки птиц, людей, зверей. Считалось, что удар болезни принимают на себя обереги и тем защищают самого человека. У кетов и у многих других народов Старого и Нового Света при долгой болезни кого-то по указанию шамана, колдуна, прорицателя делали человекоподобную куклу — заместителя больного. Делали ее чаще всего из простых материалов — травы, соломы. Призывали болезнь покинуть тело больного и переселиться в данное изображение. Затем куклу уносили в тайгу и бросали ее подальше от глаз людских.

В системе лечебной магии как магии предохранительной существовали своеобразные профилактические магические приемы. Призванием их было не лечить, а предупредить возможную болезнь, бесплодие и даже гибель самого человека и его потомства. Такие приемы достаточно ясно выражены в основных обрядах семейно-брачного цикла и касаются как проявления самой половой (любовной) магии, так и родильной, свадебной и похоронной обрядности.

Этнографической науке, как и всему обществоведению, известно классическое положение Фридриха Энгельса о том, что человечество знает два вида производства —

производство средств существования и производство себе подобных, причем на ранних стадиях общественного развития второй вид нередко имеет преимущественное значение. Практика, опыт многовекового развития этнографических знаний и более чем полуторавековой истории этнографии как науки подтверждают теоретическое заключение Энгельса и выделяют семейно-брачную обрядность, равно и связанные с ней социальные отношения и религиозные воззрения, в особую группу культурно-исторических явлений.

Человечество заботилось не только о пище, но и о необходимости продолжения рода. Как трудно было в экстремальных условиях физико-географической среды добывать продукты жизнеобеспечения родо-племенного коллектива, так в тех же условиях трудно было обеспечить себя жизнестойким потомством. Многие народы, будь то древние кочевники, как, например, предки тюрков Средней Азии или арабов Ближнего Востока, или земледельцы долин Хуанхэ и Ганги, или охотники и собиратели горных районов Амазонки и Притибетья, все традиционно желали чадоплодородия, считали многодетность великим благом. Только многодетность могла породить надежду на выживание кого-то из родившихся. У горного народа мяо Южного Китая была страшная по смыслу поговорка: «Мать видит, как родится ребенок, но никогда не видит, как он идет своими ногами». Детская смертность у мяо еще в начале XX века была колоссальной — на тысячу родившихся до года доживало не более ста детей.

Оберечь родившихся, роженицу, вступающих в брак «от порчи, сглаза», а значит, от будущих несчастий с их потомством было важной заботой наших предков, и они, не имея других возможностей, обращались за помощью к магии.

В этой связи хочется процитировать интересного исследователя карельской этнографии Ю. Ю. Сурхаско.

Касаясь характеристики предохранительной магии у карелов, он пишет: «Одной из главных функций религиозно-магических элементов карельской семейной обрядности оставалась предохранительно-оберегательная. Причина такого положения крылась в тяжелых условиях жизни карельского крестьянства, способствовавших возникновению разнообразных заболеваний и высокой смертности, особенно детской. Это в свою очередь служило питательной почвой для сохранения в народном сознании суеверных представлений, будто человеку постоянно грозит опасность вредоносного воздействия как со стороны всевозможных злых духов, так и со стороны недоброжелателей. Причем наиболее восприимчивым к воздействию зла и «дурного глаза» человек оказывался якобы в такие ответственные моменты жизни, как рождение, вступление в брак и даже, хотя в меньшей степени, смерть. Достаточно четко, ясно высказаны и причины появления и даже сохранения магических приемов в наши дни (книга Ю. Ю. Сурхаско «Семейные обряды и верования карел» издана в 1985 году на материалах, собранных в 60—70-е годы XX века).

Важно подметить то обстоятельство, что и во второй половине XX века, века социального и научно-технического прогресса, в разных частях света не только сохраняются представления о силе магии, ее воздействии, но и реально соблюдаются магические приемы и действия.

Прежде чем привести соответствующие примеры, обратимся к описанию элементов половой, любовной магии в той же книге Ю. Сурхаско. В практике карельской свадебной обрядности исстари придавалось особенное значение языческому культу «лемби» девушки. В данное понятие включалось и женское обаяние, и привлека-

тельность девушки, и ее честь. Считалось, что не все девушки в равной мере одарены «лемби», а одаренная раньше всех выходит замуж. Приобрести «лемби» можно было простым магическим путем — совместным хождением девушек в «невестину баню» (раз девушка стала невестой, значит, у нее есть «лемби»), пользоваться ее же венником, обливаться ее водой. Приобрести или повесить свое «лемби» можно было расплетанием невестинной косы и вплетением в нее своих лент. Важно было также до самой свадьбы быть вместе с нею, перенимая у нее «лемби». Вышедшая замуж уже не заботится о своем «лемби» — она же стала замужней и раздает его незамужним сестрам и подругам.

Приведенные примеры свидетельствуют о возможностях достичь желаемого без особой затраты усилий, полагаясь лишь на чудесное действие магического приема.

Можно было видеть, что магия в своем конкретном выражении не только была пассивной, но и требовала определенной деятельности. Однако элемент относительной легкости «достижения» желаемого воздействием на предмет или простым повторением «священных, сакральных» слов очевиден.

К магии слов необходимо отнести и целую систему заговоров, которыми широко пользовались и знахари, и народные врачеватели. Да и в современном мире, когда перед болезнью отступает официальная медицина, в отчаянии близкие больного обращаются к знахарям как к последней инстанции. Знахарство, а значит, и заговоры живут среди нас как яркая демонстрация бессилия разума конца XX века.

Почему все-таки исторически выделилась магия слова? Почему чем непонятней, а чаще бессмысленней звучат в устах ворожей слова заговора, тем они больше впечатляют? Не таится ли разгадка в том, что магическое слово должно

было предупредить зло или напасть, идущие от чужеродца, а тот говорил не «по-нашему» и не понимал «наших» слов. Чтобы противодействовать ему, нужно было и слова произносить чужеземные. Ну а чужеземец, как известно, говорит «по-тарабарски», и любая словесная абракадабра сходит за магический заговор.

Подобное почтение к непонятному слову похоже на отношение неграмотного китайца к иероглифическому знаку. В старом Китае к любому обрывку книги или газеты, так как для китайца иероглифы имели магическое значение, относились с мистическим почтением. Не так ли относились и к «каббалистическим» знакам, появляющимся на сосудах, панцирях черепах после их нагрева в огне и быстрого охлаждения холодной водой. Ведь из сочетаний прямых и прерывистых линий родилась древняя книга китайских гадателей «Ицзин», которая давала простор толкованиям различных вариантов значений этих простых начертаний.

Магия слова, магия действия, как уже говорилось, всегда имела два важнейших направления — защитительное, предохранительное, и агрессивное, наступательное. И все же человеческий опыт больше склонялся к магии предохранительной, хотя наступательная магия в ее любовной, половой разновидности тоже имела большое распространение, но согласимся, что такой тип магии тоже несет позитивные моменты — речь ведь идет о продолжении рода человеческого.

Магия агрессивного действия, когда предполагалось нанесение повреждения или призывание смерти на противника, не имела большого распространения, видимо, из-за традиций врожденного самосохранения. Однако магия слова с агрессивным содержанием, особенно когда речь идет о ругательствах, о брани, достаточно разнообразна у народов мира.

Духи и боги Поднебесной и их земные служители

Этюды о культе местности и неба,
о шаманах и жрецах

История человечества набирала темп. Люди заселяли все новые и новые

пространства, расходились по континентам и где-то 30—40 тысяч лет назад заселили Американский континент и Австралию. Уже в будущем миллионолетии бродячие охотники, собиратели и рыболовы должны были остановить свой бег перед первой делянкой посеянного хлеба, проса, маиса, задержаться перед тучным пастбищем.

Природа — когда щедро, когда весьма скудно — одаривала первобытного охотника, рыболова и собирателя своими дарами — дичью, рыбой, кореньями и плодами. Вся система его представлений и верований была связана с природой. Отныне же прибавились духи-хозяева и духи — покровители зерна и скота, поля и луга, воды и солнца. Солнце не только как высшая сила, дарящая жизнь самому человеку, но и жизнь растениям, поднимающимся из земли под его лучами. Расширились масштабы деятельности человека, его возможности, а значит, и его умения, и знания. Но все в те же привычные формы он облекает свои верования, давая лишь новым явлениям своей жизни, своей связи с природой новые названия и новых духов.

В это время рождаются новые формы коллективного труда, владения и потребления. Появляется необходимость

более строгой организации коллективов, большей их стабильности. Родственные связи от века спланивали коллективы древнего человечества, в условиях нового общественного, а не только естественного разделения труда появилась потребность в большей, чем прежде, регуляции внутриродовых отношений и возрастании самой роли регуляторов этих отношений — лиц, наделенных правами старейшин и вождей родов, племен и иных близких им образований, как временных, так и долговременных. Организация жизни человеческих коллективов на земле, имевшая ту же миллионлетнюю историю, что и само человечество, была с очевидной логичностью перенесена на мир и сообщество духов, богов — хозяев, покровителей человека. Среди тех, кого породил человек по своему подобию, наделив своими способностями страдать и желать, гневаться и радоваться, быть злым и быть милостивым, были не только наделенные жизнью и разумом предметы природы и явления ее, но и очеловеченные духи и боги. Среди таких духов и богов неизбежно должна была появиться специализация в их деятельности, направленной на исполнение воли создателя — человека, а также регулирующая весь сонм духов сила. Подобно коллективам людей, духи получили своих старейшин и вождей. Как не было принципиальных различий между сородичами, старейшинами и соплеменниками, так не было различий между духами, но коль скоро в человеческом коллективе выделились люди способные лучше других пасти скот или сеять зерно, то и духи стали заниматься разными делами.

Духи и боги в сознании древнего человека делились довольно четко на тех, которые могут причинить вред, и на тех, которые могут и обязаны принести пользу.

Причинить вред человеку могло практически все, что его окружало, что составляло пространство и устройство его

обитания, климатическое и топографическое. Трудные перевалы были опасны, речные броды — тоже, лесная чаща — а как же! Гром и молния — конечно, засуха и наводнения — несомненно, хищные звери и непрошенные соседи — тем более! В одних случаях человек молил о помощи духа реки или духа перевала, духа леса или духа царя зверей — где тигра, где льва. В других — обращался с мольбой к огромному, как оно само, духу неба, в иных — просто прибегал к магическим заклинаниям и действиям.

Принести пользу могли силы, которые влияли на расположение поля, на обеспеченность полей и пастбищ водой, солнечным теплом, на сам урожай, его созревание и сохранение, как и на приплод скота и его выживание. Силы эти тоже становились духами, воспринимались как духи. Они получали свое название, за ними закреплялись в сознании людей те функции, которые каждый дух должен был исполнять. Среди них появились духи — личности, конкретные исполнители воли людей.

Чэнхуан не изгоняет бесов

На большом листе рисовой бумаги был изображен генерал со свирепым выражением лица. Под шлемом спрятаны длинные волосы, глаза, продолговатые и большие, возведены кверху, усы торчат в разные стороны. В правой руке у генерала серпообразный широкий меч, в левой — стопка книг. На

первой иероглифическая надпись: «Бесы и черти, уходите прочь, убирайтесь!».

Юй Фан, приобретший картину по сходной цене на городском рынке, куда ездил всего три дня назад, был горд покупкой. Он уже два дня не может выбрать в доме места, куда повесить изображение Чэнхуана. Юй Фан был уверен, что приобрел образ хозяина местности, где находится и город, и родное село Дашуйтун. Юй Фан не умел читать и писать, но много знал разных историй, был достаточно богат, чтобы платить за вход на представление бродячей театральной труппы или заезжего шошуды — человека, рассказывающего книги.

К нему в большой мере относились слова распространенного в ту пору в Китае анекдота о богатом крестьянине, пожелавшем прослыть ученым, грамотеем. Жил-был богатый крестьянин, у него было много денег, но он был неграмотным. Решил крестьянин научить грамоте сына и нашел учителя. В первый день учитель научил сына, как писать цифру один, а изображается она одной чертой. На второй день учитель научил писать цифру два, она обозначается двумя чертами; на третий — цифру три, она изображается тремя чертами. Хотя цифра четыре имеет сложное начертание квадрата с двумя горизонтальными черточками внутри, сын не пожелал учиться дальше, прибежал к отцу со словами: «Папа, я все уже знаю, гони учителя». Богач, довольный тем, что не надо платить учителю, с радостью расстался с ним. Прошло несколько дней, и пожелал богач пригласить своего давнего друга в гости и удивить грамотностью своего сына. Он вызвал его к себе и сказал:

— Сын, возьми кисти, тушь, бумагу и пошли приглашение на праздник Фонарей моему другу Вань Цзюну.

— Хорошо, — смиренно сказал сын и отправился к себе.

Дело было утром. Прошел час, другой. Сын не вышел к

обеду, только вбежал на кухню и схватил пампушки и убежал. Он не появлялся до ночи. Утром следующего дня отец зашел к сыну.

— Готово ли мое приглашение к другу Вань Цзюну?

— А ты дружи с такими людьми, у которых фамилия Вань, то есть 10 000! Я успел написать всего 500 строчек.

Сын стоял, измазанный тушью, с кистью в руке, на столе был свиток с черточками, которыми сын старался обозначить фамилию друга, хотя фамилия пишется просто одним иероглифом.

Юй Фан тоже не знал иероглифов, не умел их читать и писать. Он не мог понять, что написано на книге, которую на картине держал воинственный генерал.

Наконец он нашел место для картины на правой от входа стене и аккуратно пристроил ее. Отошел, посмотрел, полюбовался. Картина оказалась рядом с алтарем предков, и Юй Фан умиrotворенно вздохнул.

Шел третий год войны с японцами, когда правительство Чан Кайши эвакуировалось в Чунцин. Родная деревня Юй Фана была далеко и от Чунцина, и от Яньаня, и от линии фронта антияпонской войны. В Дашуйтуне казалось, что события в стране происходят сами по себе, а жители в деревне как будто и ни при чем.

Во всяком случае, Юй Фана беспокоили мелкие семейные заботы, связанные с ушедшим в новую столицу сыном. Ему предстоял дальний путь, и кто знает, какие злые силы поджидают его. Вот и купил Юй Фан портрет, как он считал, Чэнхуана, духа — хозяина, покровителя Дашуйтуна, надеясь на его заступничество и помощь на долгой дороге сына.

Обычное представление религиозных китайцев той поры складывалось из двух обязательных моментов — по-

клонения предкам и поклонения хозяину — духу местности Чэнхуану.

Духи предков, всех предков по отцовской линии, по представлениям китайцев, постоянно проявляют заботу о своих живущих потомках, если те проявляют заботу о них — символически кормят их, возжигают благовония перед табличками с именами на алтаре предков. Чэнхуан был особым духом. Он был главным и единственным покровителем не кого-то одного, не какой-то одной семьи, а всех живущих в данной местности. К нему как к уездному правителю обращались с мольбой и просьбой.

У Западных ворот, обозначавших вход в деревню Дашуйтун, стояла кумирня. Каменное сооружение, напоминавшее нишу в скале с полукруглым входом. В нише стояло деревянное изображение Чэнхуана. Был он одет в военную форму, в шлеме с крыльями, с мечом и копьем в руках. На каменном возвышении у его ног ставили свечи, чаши с едой и питьем. По всякому поводу обращались деревенские к нему. Кто просил помочь роженице, кто — заболевшему, кто — умершему, кто — обедневшему, кто — осиротевшему. Просили успокоить воду при наводнении, дать дождь при засухе, отогнать птиц с рисового поля, обеспечить хороший урожай. Да мало ли просьб было у каждого из 10 тысяч жителей деревни! Как только справлялся со всеми просьбами Чэнхуан? Лучше иметь в своем доме изображение Чэнхуана, кормить его, окуривать благовониями и просить о своих нуждах. «В своем доме он уж постарается для нас, хозяев», — думал Юй Фан, еще раз посмотрев на изображение генерала с мечом и книгой.

Хотелось с кем-то поделиться радостью от приобретения «собственного Чэнхуана», но сосед с утра ушел в горы за хворостом, а местного учителя, жившего напротив, беспочинить было боязно. И так учитель нередко подшучивал

над Юй Фаном, удивляясь его безграмотности и нежеланию учиться. Юй Фан походил по улице туда-сюда, подолгу стоял у учительского дома, осторожно заглядывая через щель в калитке во внутренний двор, куда выходили окна дома и крытая веранда. Однажды ему показалось, что учитель появился на веранде, спустился во двор и как будто направился к выходу. Никто не появился, а калитку изнутри захлопнули плотнее.

«Нет,— подумал Юй Фан,— не дело стоять под глухой стеной чужого дома. Да и Чэнхуан у меня на стенке, а стенку не перенесешь через дорогу. Подожду, когда учитель выйдет, и позову его». Желание похвастать перебороло опасение быть смешным.

— Лу Сяньшэн,— громко крикнул Юй Фан, увидев учителя, появившегося на улице.— Лу Сяньшэн, не потратите ли вы чуточку своего драгоценного времени на меня?

— Пожалуйста, господин Юй Фан, я к вашим услугам,— ответил учитель, направляясь к Юй Фану.

— Соизвольте, Лу Сяньшэн, переступить презренный порог моего скверного жилища.

— Что вы, господин Юй Фан, ваш дом прекрасен, такие я встречал только на самых красивых улицах столицы.

— Поднимите ваши изящные ноги, переступите порог. Пожалуйста, войдите сюда. Здесь не очень хорошо, зато прохладно.

— Что вы, здесь чудесно, здесь прохладно. А что это у вас?

Учитель остановился, разглядывая изображение генерала с мечом и книгой.

— С вашего позволения, мудрый Лу Сяньшэн, это Чэнхуан. Я приобрел его в городе, чтобы иметь своего покровителя духа местности.

— Кто вам сказал, высокочтимый господин, что это Чэнхуан? Уж не торговец ли?

— Вы угадали, мудрый Лу Сяньшэн, торговец!

С лица учителя слетела учтивость, он подошел к картине ближе, рассмотрел надпись на книге и рассмеялся.

Юй Фан испуганно смотрел то на картину, то на учителя.

— Простите, дорогой Юй Фан, вас обманули. На книге написано: «Бесы и черти, уходите прочь, убирайтесь!», а Чэнхуан не изгоняет бесов и чертей, дорогой Юй Фан, — быстро проговорил, смеясь, учитель и добавил: — Если бы вы учились читать, вы бы прочитали иероглифы и сами бы поняли, что это не Чэнхуан, а Чжун Куй — гонитель чертей и вообще всякой злой силы.

Юй Фан резко подскочил к картине, потянулся, чтобы сорвать ее, но учитель остановил его:

— Дорогой Юй Фан, оставьте Чжун Куя на месте, ему, именно ему, а не Чэнхуану место в доме. Он будет оберегать вашу семью от злых оборотней и разной чертовщины.

Последние слова учитель произнес как-то с улыбкой, и нельзя было понять, то ли он на самом деле считал, что такой Чжун Куй может изгонять бесов и что вообще бесы или другие вредоносные силы существуют на самом деле, то ли смеялся над неграмотным крестьянином, верившим в духов, богов и козни чертей.

Юй Фану показалось, что учитель даже не верует в Чэнхуана, хотя вместе со всеми ходит к нему на поклонение к Западным воротам. «Не верует, — ужаснувшись, подумал Юй Фан и добавил про себя: — А как же бог богатства Цайшэнь и его свита с близнецами Хэ-Хэ и Люхаром на жабе? А как же бог или дух долголетия Шоусин с посохом, у которого рукоять в форме головы оленя — символа

продвижения по служебной лестнице — в одной руке и персиком — в другой, с тем персиком бессмертия, что растет в персиковом саду матери — царицы Запада Сиванму?

Как же бог очага Цзюван, которого рисуют на бумаге и сжигают в Новый год, чтобы он отправился на небо и доложил о поступках семьи, а чтобы он говорил сладкие речи, ему мажут губы медом? Наконец, как же сам великий Яшмовый император — владыка Неба, и всех богов и духов, и людей Поднебесной?»

Нет, Юй Фан не пришел в отчаяние, поняв, что учитель не верит в то, во что верят отцы его учеников, вообще все старики, мужчины и женщины деревни. Рассудив так, Юй Фан про себя решил, что, видимо, у учителя, который может не только читать, но и писать иероглифы, есть свои тайные духи-покровители. Недаром в почти сплошь безграмотном Китае каждый

Чжун Куй — в поздней китайской мифологии повелитель демонов

лист с иероглифами воспринимался как чудодейственное средство от зла и несчастий. Недаром само написание иероглифов было искусством и выражением мира души и духов.

*Бог долголетия Шоусин выходит из персика.
Китайская гравюра*

Юй Фан предложил учителю чашку чая, тот не отказался. И, сидя за низким столиком на прекрасно расписанных циновках, они беседовали как будто ни о чем, перескакивая с темы на тему, и вдруг учитель спросил весьма учтиво:

— Господин Юй Фан, не придет ли вам счастливая мысль послать сына в мою школу. Я ведь беру недорого, а учу хорошо читать и писать. Мир наш неспокоен, в нем рассчитывать надо на собственные знания и силы, а не только на богов и духов.

«Не только,— отметил Юй Фан про себя,— значит, на богов и духов тоже надо рассчитывать?» — и громко сказал знаменитое изречение древних:

— Знать, что знание есть знание, а незнание есть незнание,— в этом и есть знание!

— Bravo, господин Юй Фан, раз вы помните заповедь мудрецов древности, вы пошлете своего сына ко мне. Пусть он тоже научится различать знание и незнание.

Учитель поблагодарил Юй Фана за чай, поднялся, посмотрел на Чжун Куя, изгоняющего бесов, и вышел на улицу.

Духи — хозяйева местности или, как прежде, конкретной реки, горы, дерева — получили дополнительные обязанности быть покровителями земледельца, скотовода, а затем и различных ремесел и различных профессий, когда таковые появились в самом обществе.

В народе стали говорить о духах — покровителях горшечников и кузнецов, портных и плотников, колесников и бондарей, парикмахеров и певцов. Число духов росло, как росло число профессий и видов занятий среди людей. Расчет на помощь духов вызывался не только тем, что не всякая деятельность была успешна, но и полным непониманием стихии производства и рынка труда, товаров, услуг. Беспомощность перед непонятной силой общества в целом, неравноправие становились обычными, это порождало новый комплекс суеверий, имевших все ту же принципиальную основу, что и верования первобытных людей: уровень знаний реальностей природы и общества в условиях нарождающегося классового общества был не столь уж отличным от доклассового. Возникла лишь новая ситуация, когда на место выборных старейшин пришли военные вожди, утверждавшие право сильного, и сделали это право наследственным, а в мире духов появились боги, выстроившиеся по ранжиру от самых сильных, главных до их помощников, обладавших меньшей властью.

Богов и духов, призванных облегчить жизнь и борьбу людей за существование в мире, раздираемом новыми для человечества классовыми противоречиями, было много у тех народов, которые создали античную цивилизацию Европы, Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, и у тех, которые основали доколумбовые империи в Центральной и Южной Америке. Если первоначально каждый род и каждое племя имели своего духа-покровителя, на помощь которого не могли рассчитывать чужеродцы, то с появлением классовых отношений и новых территориальных связей, заменивших кровнородственные, у каждого территориального объединения — поселения, города, полиса — появился свой бог-покровитель, безразличный к судьбе чужеземца.

Люди в своих верованиях обособливались, как пчелы в ячейках сот, отгораживаясь друг от друга стеной неприязни чужих богов и духов, чужих обрядов и обычаев, чужого языка и культуры.

Многообразие духов и богов, огромная дифференциация их «полезных» и «вредных» для людей функций потребовали строгого расселения их в видимом пространстве, а также жесткой регламентации системы обращения к ним, жертвоприношений в их честь, связанных с мольбой о помощи и защите.

В мире, имевшем в реальности только три измерения — мир небесный, мир земной и мир подземный, — духи и боги были расселены на небе, по земной поверхности и под землей.

Беспредельность неба, его вездесущность предопределили ему роль наивысшей силы (что сохранилось в народных традиционных верованиях китайцев), а затем и места поселения могучих, всесильных богов-небожителей. Духи и боги, разместившиеся по земной поверхности в непосредственной близости от людей, поселялись в горных пещерах и

ущельях, в лесных чащах и водоемах, а то и просто среди людей, приняв их облик и даже вступая с ними в браки. Подземное царство, дышавшее в пору землетрясений и извержений пеплом, огнем, удушливыми газами, должно было стать и стало обиталищем смерти, миром, откуда нет возврата. В подземном царстве человек поселил богов и духов, способных пресечь жизнь, отнять здоровье, отнять радость. Первоначально люди плохо различали сами понятия «дух» и «бог»: что было духом, что было богом? Затем как-то само собой обозначилось, что бог — это могущественное существо, способное чаще быть доброжелательным к человеку, ну а духи делились на добрых помощников добрых же намерений богов и на помогающих богам карать, наказывать людей. Но жизнь людская сложна, в ней хорошее могло стать плохим, в ней бывало и наоборот; и в жизни богов и духов, считали, например, в ранней античности, происходило все так же, как у людей. Да и не могло быть иных представлений — человечество не имело иного опыта, кроме своего, и иных образов, кроме своих собственных. Нет ничего удивительного в очеловечении самих богов и духов, их дел и поступков.

Пришла пора кому-то разобраться в этом скоплении покровителей и вершителей людских судеб, пора было кому-то четко определить, что и когда нужно такому-то духу, такому-то богу, чтобы от них была польза. Человеческие коллективы выделяют из своей среды специальных людей, призванных осуществлять от имени коллектива и каждого его члена связь с богами и духами. Родилось особое сословие шаманов и жрецов.

Последние как-то более известны по их особой роли даже в государственных делах Древнего Египта, древних майя и ацтеков. В роли гадателей и прорицателей, своеобразных жрецов-оракулов они занимали видное место в

Древней Греции и Древнем Риме, древних Иране и Индии. Много известно и о шаманах как особом явлении в духовной жизни народов дореволюционной Сибири. Но ученые еще продолжают дискуссию о том, было ли шаманство повсеместным явлением при переходе от доклассового общества к классовому, или оно было сугубо локальным, сибирским. Слово «шаман» образовалось от тунгусо-маньчжурского «самань», что означало «человек, способный общаться с духами».

Не будем вдаваться в дискуссию, отметим лишь то, что шаманы и шаманки известны в ранней истории Китая, у южных соседей китайцев мяо и яо, а в маньчжурской империи Цин шаманизм даже был господствующей религией, со своими храмами и канонами песнопений; традиционно же шаман выступает даже в обычном чуме или юрте, и его песни — результат импровизации.

Шаманы были и у тлинкитов Северо-Западного побережья Америки, у эскимосов и алеутов в Но-

Изображение нишаньской шаманки. Конец XIX — начало XX в.

вом Свете, у тюрков Южной Сибири и Средней Азии.

Если у горного народа мяо были шаманы патэ, а у их северо-западных соседей ицзу (лоло, носу) целое жреческое сословие — каста биму, то их социальные функции очень трудно различать. Можно сказать, что живой пример бытования в непосредственной близости шаманов-патэ и жрецов-биму в середине XX века дает основание видеть и в шаманах, и в жрецах похожие группы выделившихся лиц, признанных способными общаться с богами и духами.

У таких лиц деятельность была многосторонняя. Они были и оракулами, и знахарями, и врачевателями, и организаторами охоты или военной экспедиции, и воспитателями подрастающего поколения как носители и передатчики родовых традиций.

Примечательно вошедшее в историю Древнего Китая исполнение шаманом функций оракула перед битвой, решившей в начале XI века до нашей эры исход борьбы между Чжоу и Шан-Инь в пользу Чжоу.

Панцирь черепахи и баранья лопатка

Десять дней идет густой снег, и в лагере чжоусцев вспоминают, как начинался поход. У шатра У-вана собрались восемьсот предводителей. Их созвал наследник, чтобы отдать послед-

ние почести и выполнить свой долг перед отцом — ваном, правителем Чжоу.

Многим странными показались действия У-вана, который видел свой сыновний долг в выполнении цели жизни Вэнь-вана — сокрушении Инь. Не предав тело отца земле, а приказав посадить Вэнь-вана на боевую колесницу, сын созвал предводителей, чтобы начать поход на Инь.

Все собрались у шатра У-вана. На боевой колеснице предводителя войск возвышалось тело Вэнь-вана. У-ван отдал приказ придворному оракулу начать гадание о походе. Оракул собрал траву, бросил на жертвенник, зажег и устремил взгляд на очертания переплетенных сгоревших стеблей. В волнении все молчали, а оракул бесстрастно произнес: «Идете против воли Неба!»

Собравшиеся опасливо переглянулись. У-ван побледнел и дал приказ гадать на панцире черепахи. Оракул покорно разжег костер и бросил в него панцирь. Раздался сухой треск. Панцирь выхватили из костра и положили на жертвенный стол. Остывая, панцирь продолжал трещать. Оракул коснулся его кончиками пальцев: остыл. Он внимательно разглядывал трещины, напоминающие иероглифы.

Все вновь насторожились. У-ван даже привстал на своем возвышении. Оракул взглянул на него и громко произнес: «Свершится большое зло!»

У-ван упал на сиденье. Собравшиеся подняли глаза к нему. Вдруг наставник Цзян выбежал вперед, смахнул рукавом с жертвенного стола панцирь черепахи и гадательную траву и гневно стал топтать их ногами:

— Мертвая кость, сухая трава! Как могут они знать, что добро, а что зло? В поход! Что может помешать успеху нашего правого дела?!

Голос Цзяна гремел как гром и возвращал людям уверенность. В поход, выполнить волю умершего и желание народа!

У-ван отдал приказ выступать немедленно. Начался поход. В рядах чжоусцев шли воины многих племен и областей, страдавших от притеснения Инь.

Воины достигли Лои и готовились к переправе через реку, когда тучи закрыли солнце, налетел ветер, пошел дождь со снегом. Дальше двигаться было нельзя. Сплошная пелена закрывала горизонт. Казалось, на пути Чжоу встало Небо, оно берет под защиту Инь.

Многие вспоминали гадание, однако ж спали у стен Лои нормально.

Иным был сон У-вана в эту ночь. Из памяти не выходило гадание накануне похода.

У-ван лег спать рано, когда пробила восьмая стража. Он впал в забытие, и ему приснился сон, который потомки будут передавать из поколения в поколение и который поутру все восемьсот предводителей воспримут как милость Неба. Снилось У-вану, что кончилась ночь и наступило утро дня под циклическими знаками Цзя-цзы. Глубокий снег, шедший десять дней, покрыл всю землю, все подходы к ставке чжоусцев в Лои.

Перед воротами временного дворца У-вана оказались неизвестно откуда прибывшие пять сановников в колесницах и два всадника. Они сообщили страже, что хотят видеть вождя чжоусцев. У-ван решил было отказать им в приеме, но вдруг Цзян обратил его внимание на то, что на снегу, толстым слоем покрывавшем землю, нет никаких следов от колесниц или копыт коней: это не обычные просители, это духи. Но как узнать, кто они такие? Наставник предложил вынести приезжим горячего рису — ведь погода холодная — и спросить, в какой последовательности потчевать их, кто из них старший. Всадники ответили: «Сперва поднесите чашу владыке — духу Южного моря, потом духу Восточного моря, потом духу Западного моря, после

него владыке — духу Северного моря, а затем — духу Желтой реки и нам — богу дождя и богу ветра».

Так У-ван узнал, кто его гости, и в указанном порядке, называя каждого по имени, пригласил к себе. Духи были довольны. И тогда чжоуский правитель сказал: «День сегодня пасмурный, вы прибыли издалека, что побудило вас?» Духи ответствовали: «Небо решило покарать Инь и утвердить Чжоу. И мы прибыли, чтобы исполнить это. Пусть по твоему приказу бог ветра и бог дождя займут достойные для них должности и будут в рядах твоих войск».

Цзян прервал сон У-вана и вывел его во двор. Была еще ночь. Но снег прекратился, и в небе появились звезды.

— Небо за нас! — воскликнул У-ван, вспомнив свой сон, и приказал войскам начать переправу через Желтую реку.

Сам У-ван сел в переднюю лодку, и, когда она достигла середины реки, тысячи пчел, похожих на красных птиц, опустились по ее краям и помогали лететь ей над волнами. Волны пели...

В совершенно особой роли выступил весной 1959 года бывший кетский шаман Федор Агафонович Серков.

Песня навстречу весне

Озеро Мундуйка — самое большое заполярное озеро в Сибири. В длину оно больше 50 километров, в ширину чуть больше 30. Мундуйка — главный промысловый водоем рыбаков курей-

ского кетского колхоза, но зимой и ранней весной здесь стоят всего два жилища на противоположных берегах. Бревенчатые избышки с плоской крышей, без сеней, с одной комнатой и железной печкой посередине. В одной, которая стоит на ближнем к поселку берегу озера, живет восьмидесятилетний кет Федор Агафонович Серков с женой, сыном и племянницей, в другой, на дальнем берегу, — шестидесятилетний кет Николай Михайлович Ламбин с женой. В избышке у Ламбина поселились и мы — двое этнографов из Ленинграда.

Мы второй раз прибыли на Мундуйку. В прошлом году познакомились и с Серковым, и с Ламбиным. Тогда наш отряд пробыл у курейских кетов больше трех месяцев. Было это летом. Вместе с ними рыбачили, многое узнали, но не сумели записать на магнитофонные ленты неповторимые легенды и сказки этого загадочного народа. Тогда подвела техника: у нас не было портативного магнитофона, а стационарный — сетевой — на стойбищах бесполезен. И в прошлом году мы встречались с Федором Агафоновичем, этим крепким, здоровым и мудрым стариком, с густыми, чуть подернутыми сединой волосами.

Федор Агафонович пользовался непререкаемым авторитетом среди курейских кетов как самый старый и опытный рыбак-охотник, как заслуженный колхозник и как человек, наделенный, по представлениям его сородичей, знаниями шаманских действий, способных привлечь добычу для охотника и вылечить больных. Было ясно самое главное: Федор Агафонович знает самые сокровенные страницы устного поэтического творчества своего народа. Но невозможно было заставить или уговорить его исполнить что-нибудь для записи. Нам было известно, как прогневался старик, когда один заезжий лингвист попытался купить его песни, предлагая деньги или охотничьи товары. Назой-

ливость лингвиста заставила Серкова быть настороже и с нами, но мы держали себя вполне прилично, не приставали с расспросами. В прошлом году краткие беседы с ним носили сугубо дипломатический характер. Мы спрашивали лишь то, что старик непременно знал и что мог сказать, не опасаясь, что мы станем влезать в душу с расспросами о шаманстве.

И вот через несколько месяцев, в марте, когда еще всю царствует зима, мы вновь на Мундуйке. Озеро сковано льдом. От поселка нас на оленях доставили к Ламбину, с которым мы хорошо поработали в прошлый сезон и у которого мы теперь собирались записать (портативный магнитофон был с нами) кетские тексты для изучения языка. По дороге в избушку Ламбина мы заехали и к Федору Агафоновичу. Нас приняли очень радушно, тем более что мы выполнили просьбу хозяйки и привезли бисер, а также фотографии, отснятые в прошлый приезд. Нас напоили чаем, и мы поехали через озеро.

У Ламбина мы прожили больше месяца. Как-то ранним утром (хотя уже наступал полярный день, и разобрат, когда раннее утро, а когда поздняя ночь, было трудно) я проснулся от четкого скрипа оленьих санок. Накинув полушубок, я выглянул наружу. К избушке приближались две олени упряжки. Вскоре вошел сын Федора Агафоновича и сообщил, что отец ждет нас в гости. Просил собраться тотчас. Приглашение было, несомненно, приятно, и мы через пару минут были готовы в путь.

— Отец сказал, чтобы ты машинку взял тоже, — Герман показал на магнитофон.

Такая просьба была совсем неожиданной. Неужели придется пожалеть, что осталось всего две кассеты?

В избушке Федора Агафоновича, куда мы добрались только к полудню, оказалось почти все взрослое население

поселка, принадлежащее, как мы уже знали, к одной родовой группе с хозяином. Огромная кастрюля стояла на печке. В ней варилось мясо лося. Кипел чай в чайнике. Нашего приезда ждали. Хозяин сердечно приветствовал нас и усадил на шкуру рядом с собой.

— Ну что, парень, настроишь свою машинку, а я петь буду. Через два дня начнется перелет птиц с юга на север. Я петь буду, чтобы они сели и на нашем озере. Весна идет. Голодное это время. Реки и озера подо льдом. Рыбы нет. В тайгу не уйдешь: наст не держит. А оленей у нас мало, их забивать грешно. Одна надежда на перелетную птицу, пока рыбы нет,— сказал хозяин и, хитро улыбаясь, похлопал меня по плечу.

Собравшиеся отведали мяса, выпили густого черного чая и расселись в круг, в центре которого — печка, хозяин и я с магнитофоном.

Медленно прекращались разговоры, и, когда наступила тишина, старик посмотрел на меня и кивнул головой. Мол, начали. Я включил магнитофон.

Федор Агафонович запел. Мне никогда не передать волнение, охватившее нас, приезжих, впервые слушавших песни поистине седой древности. Среди еще заснеженной тайги, на берегу заполярного озера, за тысячи километров от городов и привычного быта, нам довелось услышать песню, напоминающую своей мелодией гимны древних инков. Как и у Имы Сумак, голос Федора Агафоновича то взлетал вверх, то шелестел по земле, то становился звонким, то глухим. Так продолжалось много часов. Давно кончились пленки, а старик пел самозабвенно, обращаясь к небу, звездам, солнцу и спешащим на север птицам. Нам был сделан редкий подарок: нас пригласили быть соучастниками церемонии, открывающей весеннюю охоту.

Даже сейчас, когда я слушаю эти записи в Ленинграде, голос мудрого старца вновь вызывает странное ощущение какого-то вневременного события, будто отдаленного от наших дней многими веками...

Шаманы и жрецы явились предтечей будущих священнослужителей: монахов, лам, попов, ксендзов, мулл, которые появятся спустя столетия при формировании и распространении мировых религий. Это еще произойдет, а пока шаманы и жрецы составляют когорту земных посредников между людьми и придуманными ими самими духами и богами.

Наиболее ярко роль жрецов и их беспредельное влияние на судьбы людей выявляются в индийской кастовой системе. Хотя кастовая разделенность индийского общества неконституционна, осуждается и обществом и властью, но она — реальность и сегодняшней Республики Индии. Брахманы — высшая каста — продолжают оказывать большое воздействие на принципы жизни индийцев, их этику и мораль, всю систему духовных ценностей, пользуясь тем, что крестьянское большинство населения Индии все еще остается неграмотным, невежественным, приверженным традиции как единственно известному им способу выживания в сложном и противоречивом мире.

Если по древнейшей системе кастовых соответствий, изложенных в Ригведе (I тысячелетие до н. э.), у индийцев брахманы как «духовные отцы» занимали высшую ступеньку на иерархической лестнице, то у ицзу биму (жреческое сословие) составляли низший слой касты правителей — носу. Носу считались чистокровными «чернокостными» (у ицзу высшее сословие — люди черной кости), а биму — «желтокостными», потомками тех, кто некогда нарушил кастовую эндогамию, вступив в связь с лицами из низшей касты цюйно и даже ацзя. Обычно у ицзу подобное наруше-

ние каралось смертью, но, видимо, особые возможности биму общаться с духами и вести ритуалы почитания богов спасли их и положили начало системе особых, презрительно боязливых отношений носу с биму — правителей и жрецов.

Много существовало в истории вариантов того, как становился человек шаманом, жрецом и одновременно колдуном, знахарем, врачевателем, оракулом. Жреца или шамана нередко принимали за колдуна и потому, что в практике их обрядовых действий бывали магические приемы, демонстрация чудес — в виде глотания огня, протыкания тела ножом или стрелой. Таким образом, чтобы стать шаманом или жрецом, требовались определенные умения, наличие определенных способностей, которыми обладали лишь отдельные лица, получившие «шаманский дар». Получить такой дар можно было неожиданно: например, от «встретившихся» духов, которые сами выбрали тебя для контактов; с рождения от самой природы — особая способность чувствовать собеседника, его мысли, как бы читать их; можно обрести такой дар искусственно: съесть обладающие дурманящим свойством грибы или коренья и впасть в транс; наконец, шаманский дар мог передаваться по наследству.

Видный тувинский писатель и ученый Монгуш Кенин-Лопсан многие годы собирал материал о тувинских шаманах и тувинском шаманстве — традиционном явлении в духовной жизни тюрков Южной Сибири, обитателей самого Центра Азии, знавших до народной революции ламаизм как официальную религию. Его материалы дали возможность живо представить тувинскую традиционную систему верований.

Шаманский «дар» и плащ со «змеями»

Б ыла середина августа, когда в Туве уже появляется желтизна на травах и на деревьях черного хвойного леса. Скоро, очень скоро перемахнет через Саяны, через Тоджу северное дыхание, придет сюда — в Центр Азии — зима. Полетит снег по перевалам в долины, завалив сначала сами проходы в горах. Отрежет снег горные стойбища от долинных, прервет связи между центром и окраиной республики. Снова будет трудно подниматься над горами, спрятавшимися в тумане и метели, маленьким «аннушкам», и снова возродятся в юртах, удаленных от школ, шаманские песнопения, долгой зимой вновь будут звучать песни без слов, горловые песни тувинцев, иногда прерываемые голосами из репродукторов и транзисторов из какого-то «другого» для арата мира больших городов.

— Не так мрачно, — перебил ход моих мыслей, как будто угадал их, мой старинный друг Монгуш Кенин-Лопсан, — конечно, скоро осень, на стойбищах останутся только взрослые, старики и грудные дети, а школьников отберут и развезут по школам. Их родители тоже были школьниками, и они знают мир, знают и помнят о том, что за Саянами.

Продолжалась наша затянувшаяся беседа на самом берегу Улуг-Хема — Великой реки, как называют Енисей тувинцы, в центре столицы Тувы — Кызыле, на скамейке уobelиска — земного шара, поставленного на постамент

и увенчанного остроконечной пикой. На постаменте надпись по-английски и по-русски: «Центр Азии». Да, здесь географический центр великого Азиатского континента!

Мы беседовали, чуточку споря и как бы проверяя себя, о том, что же такое современная духовная жизнь, как в ней отражается традиция, включая традиционные верования — и шаманские и ламаистские. Причину живучести шаманских представлений я стремился найти в самом образе жизни арата, ставящего его в зависимость от сезона. Монгуш уловил мое настроение и повторил:

— Не надо так мрачно. А не думаешь ли ты, что жизнестойкость шаманства зависит от его необходимости арату. Этим, видимо, можно объяснить, почему шаманы пережили лам, хотя последние были в чести у феодальных владык, и даже не считали шаманов конкурентами.

— Решил оседлать своего конька,— вставил я в торопливую речь Монгуша, который о тувинских шаманах мог говорить много и интересно.— Оставим окончательные суждения на будущее, когда мы или наши ученики проведут сплошное обследование и у нас будут реальные данные. Согласись, что в зимние дни, пожалуй, никто на стойбищах не видит ни ленинградских, ни тувинских этнографов. Откуда же быть верным данным?

— Насчет зимней экспедиционной тропы ты прав. Жаль, что прав,— грустно произнес Монгуш,— пропадет ценный материал. Чего только не услышишь от стариков в долгие зимы у печурки, горячей в середине юрты!

— Монгуш, я уже спрашивал тебя о так называемой шаманской болезни?

— Это когда эпилептик или вообще душевнобольной обладает якобы признаками шаманского дара? Не спрашивал, но знай, у нас, в Туве, так не считают, я вообще

думаю, что такое представление о появлении шаманов придумано европейскими исследователями.

— Насчет европейских исследователей ты, наверное, прав. В Париже в Институте Арктики к изучению шаманства привлекают даже врачей-психиатров.

Монгуш помолчал. Спустился к реке. Бросил камень в воду. Я подошел к нему.

— Смотри, как все осмысленно в природе,— Кенин-Лопсан показал на гору, разделяющую два потока, две реки — Пий-Хэм и Каа-Хэм, из которых складывается Енисей,— гора разделяет истоки Улуг-Хэма, чтобы обозначить его начало. Так и нам, прежде чем понять явление, нужно знать его начало. Во всяком случае, у тувинцев шаманы не были душевнобольными.

Возникший было диспут завершился так же внезапно, как и начался.

Очень интересен был фактический материал по тувинскому шаманству и его происхождению, шаманскому костюму и шаманскому фольклору. Хотелось узнать о них и не хотелось спорить просто так, ради спора. Тувинские шаманы, по народным поверьям, происходили от шаманов-предков, духов земли и воды, небожителей, злых духов албысов, злых духов аза. Сильнейшими были шаманы, ведущие происхождение от шаманов-предков. Причем, чем глубже уходили корни шаманов-предков, тем сильнее был шаман, опиравшийся на силу всех прежних шаманов.

Шаман из Барун-Хемчинского района Шокар в песнопении сообщал:

Я — шаман, я — царь всех шаманов,
я — наследник шамана Каралбая,
я живу в середине царского моря,
я слышу царем всех шаманов.

В другом случае камлание начиналось с упоминания главного первопредка, а затем всех последующих шаманов данной семьи. Когда же камлали шаманы, происшедшие от духов — хозяев земли и воды, они обязательно говорили о своем родстве с духами этих стихий:

Хозяйки земли и воды,

Это вы, мои медно-желтые сестры.

— Что же это за медно-желтые сестры, — спросил я у Монгуша, услышав текст камлания.

— Я считаю, — мудро решил Кенин-Лопсан, — что речь идет о высоких горах, бурных реках с животными и рыбами. Но если тебе нравятся такие тексты, то поверь мне, что песенный зачин шаманов, ведущих родословную от небожителей, еще загадочней и значительней. Таких шаманов у нас считали способными встречаться с «железными небесными сыновьями» — азарларами, которым подвластно все земное. Послушай зачин песни таких шаманов:

О вы, сыновья с небес, где азар!

Вы, которые день и ночь пригнали на землю,

Вы, которые тысячу звезд сторожили,

Вы, для которых белое облако стало платком,

Вы, для которых синее облако стало пологом,

Вы, для которых черная туча стала безрукавкой,

О вы, сыновья владыки неба!

О мой, родитель, Небо, владыко!

Еще раз, о владыко!

О мать моя земля! Помилуй меня!

Я шаман, могущий умереть и упасть в беспмятстве!

Я вслушивался в песню шамана, повторенную Монгушем, мелодия захватывала меня, но мне не хотелось говорить, хотелось молчать и слушать. Кенин-Лопсан вошел во вкус, а так как он знал и помнил многие напевы, шаманские песни сменились тут же на берегу Енисея песнями аратов,

пересекающих степь и поющих о том, что видят глаза и слышат уши.

На другой день Монгуш дал мне свои записи шаманских биографий. Среди них были подробные и короткие, эмоционально возвышенные и сугубо прозаические. Один из знаменитых шаманов, считавший себя происходящим от небожителей, стал шаманом, будучи пораженным молнией. Старший брат пять дней искал его, а когда нашел, то увидел, что он еле дышит, изо рта и носа течет кровь. Он пришел в себя не сразу, а когда совсем очнулся, выздоровел, то почувствовал свою силу. Вскоре на берегу реки он сошелся в борьбе с сильным шаманом из Алаша, который признался: «Силен шаман Кайгал, родом из небожителей. Когда я совершаю нападение на него сверху, он превращается в пылинки и проваливается сквозь землю. Когда на него нападаю снизу, он превращается в сизый дым и поднимается в небеса. Никак не мог поймать я шамана Кайгала. Мне пришлось добраться до его аала и убить выстрелом его маралуху с мараленком. Итак, я вернулся домой».

Особой была история тех шаманов, которые считали свое происхождение от злых духов албысов или аза. Албыс — ведьма, легко превращавшаяся при встрече с мужчиной в женщину, при встрече с женщиной — в мужчину. У нее была, по поверьям тувинцев, отличительная черта — верхняя губа заячья, нижняя — с рубцами, а нос провалившийся. При встрече с человеком албыс тщательно закрывала нос и губы.

Монгуш, передав мне свои записи, рассказал, с его точки зрения, самую примечательную легенду, записанную о Куулар Тогдугаше.

— Мой отец, — рассказывал Кенин-Лопсан, — поведал мне легенду о шамане из рода албысов Куулар Тогдугаше, который говорил о себе: «Я — шаман из рода албысов.

Я ходил по гальке, где было старое русло. Ко мне навстречу вдруг вышли две красавицы, и вмиг я оказался меж ними. Я почувствовал, что лежу в объятиях красавиц, крепко спящих. Так мы втроем спали на песчаной косе. Проснувшись, красавицы повели меня к высокому яру Чуг-Баэкы. Там стояло большое селение — аал, в котором жили албысы. Они сварили чай очень желтого цвета. Каждая албыс подоила в чай из своей груди, а грудь можно было перекинуть через плечо, и мы пили этот чай. Затем обе красавицы повели меня на высокий песчаный берег Элезин-Чарык. Тут тоже каждая албыс подоила молоко из своей груди в горячий чай, и такой чай мы дружно выпили. Потом обе красавицы привели меня на крутой берег Улуг-Узук. Здесь сделали мы остановку, они подоили молока из груди, которую можно было перекинуть через плечо. Тут же сварили чай, и мы втроем его выпили. Простившись с обеими красавицами, я вернулся домой. Потом иногда они приходили в наш аал, видели их только мои глаза — простые смертные не могли увидеть их появления. Я взял шаманские вещи и начал камлать. Меня никто не учил слагать шаманские песни, потому что я вышел из племени албысов».

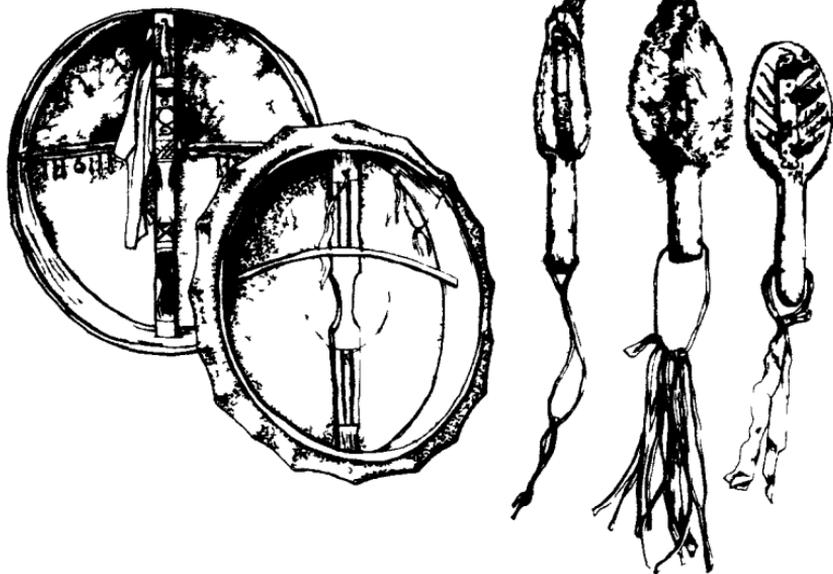
Окончил рассказывать эту легенду Монгуш и тут же добавил, что шаманы, которые считают себя родом из аза — духов, вызывающих болезни, по народным представлениям, способны были победить аза и вернуть душу больного. Никакой другой шаман не мог так хорошо обнаружить аза, как шаман, рожденный аза.

Все события прошлого и сегодняшней день смешались в нечто единое, когда Монгуш повел меня в Кызыльский музей имени 60 богатырей и показал еще добротный шаманский костюм.

Шаманский костюм (плащ и головной убор — своеобразная корона) у самых «сильных» шаманов дополнялся

бубном и колотушкой. Костюм представлял собой визитную карточку традиций миропонимания, мировосприятия тувинцев — древних скотоводов-кочевников. Украшенный деревянными и металлическими символами, специальными

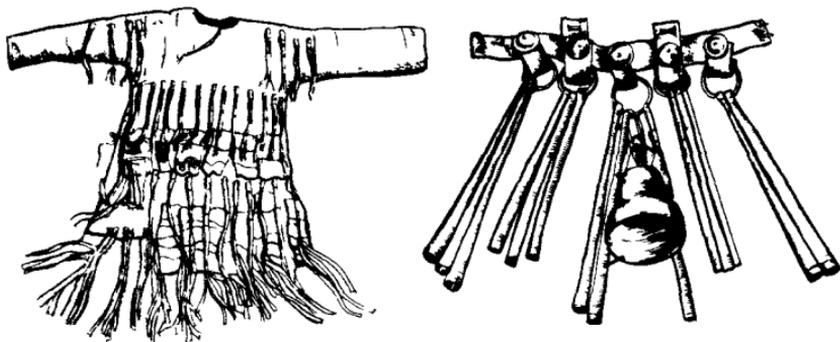
Принадлежности шамана: 1) шаманские бубны и колотушки;

подвесками и некогда бывшими боевыми наконечниками стрел, шаманский плащ сам по себе выступал помощником шамана в его общении с духами.

Плащ был сшит из шкуры домашней козы, на плечах — два черных ворона, повернувшиеся клювами друг к другу, вырезанные из дерева. Черные вороны — разведчики, они помогают отыскать пропавшую душу и распознать злых

духов. По длине рукавов пришиты ленты рысьей шкуры, снятой с ноги зверя. Сзади на плечах — два кольца. Сюда привязывали «змей» — главных помощников шамана в отыскании болезни и в ее отпугивании. Змеи сами по себе были

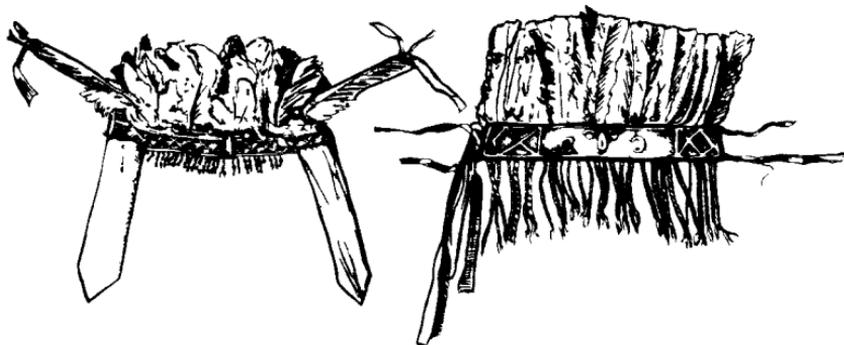
2) плащ для камлания и дудки-свирели — подвески на плаще;

страшны, и, чем больше их было на шаманском плаще, тем свирепей был вид самого шамана, приводивший в трепет и духов болезней — аза, и духов смерти — четкеров. На кольцах подвешивали за головы по десять змей, из шкуры зверья — хвост, голова — из красной ткани.

У каждого шамана на плаще было по две сыр-чылан — «стреляющие змеи». Сделанная из скрепленных звеньями металлических полосок «стреляющая змея» проходила по всему плащу — от подола к вороту. В местах соединения звеньев с каждой стороны привешивали по два наконечника стрелы, по тринадцать наконечников на каждой «змее». «Стреляющая змея» была оружием шамана в его борьбе со злыми духами и с другими шаманами.

— Плащ,— поднимая шаманское одеяние, сказал Монгуш,— был подобен крыльям, а головной убор, к тому же сделанный из перьев орла и филина, с острыми металлическими рогами для поражения врага, защиты от

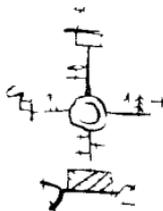
3) головные уборы шаманов;

врагов, был головой. Шаман в своих камланиях «парил» в небе. Камлание часто происходило ночью, поэтому перья филина делали «летающего» шамана таким же, как филин, который видит ночью, видит далеко и абсолютно все.

— Дорогой Монгуш, ты так рассказываешь, как будто все сам видел и пережил? — иронически заметил я и понял, что обидел друга. Монгуш как-то помрачнел, положил костюм на место и, не говоря ни слова, вышел из музея во двор. Я догнал его.

— Прости, Монгуш, я не хотел тебя обижать.

— Я, конечно, немного обиделся, ты сказал, как и другие, не понимая, что я собирал материал о тувинских шаманах на близких и дальних стойбищах, в горах и долинах. Собирал больше тридцати лет, и для меня все соб-

4) солнце — Пейве. Солярные
знаки на саамских шаманских
бубнах;

ранное ценно, и оно мной изучено, понято. А ты смеешься!

Мне ничего не оставалось, как еще раз сказать «прости», обнять моего уже поседевшего друга юности и переменить разговор.

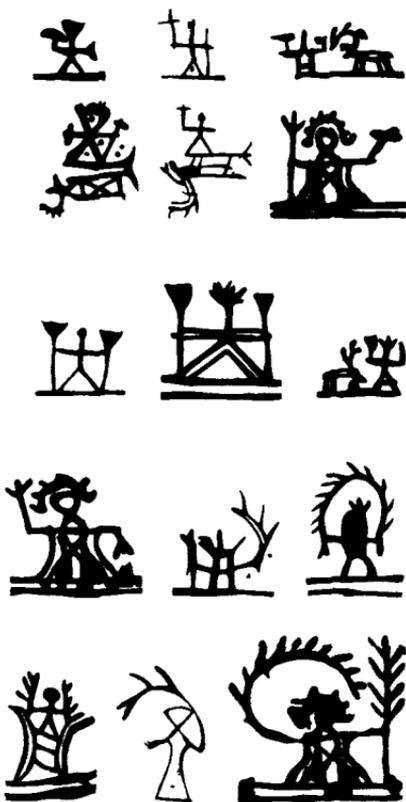
— По-моему, костюмы шамана, как и одеяния древних жрецов, по смыслу, по значению были предшественниками специальных одежд и ламаистских монахов, и мусульманских, и христианских священников?

— Вот-вот, ты верно подметил, — оживленно подхватил Монгуш, — я тоже так думал, считая шаманство вообще предшественником полисных и мировых религий. Я ведь изучал наше шаманство, потому что песнопения в период камлания — богатейший фольклорный источник, потому что вместе с шаманами и отсталым мировоззрением из жизни народа уходит целый пласт явлений культуры, прежде всего шедевры его устного поэтического творчества.

Появление духов и богов, а вместе с ними их земных представлений — жрецов и шаманов в традиционных верованиях народов мира открывали новую страницу в истории культуры: начали складываться более или менее завершённые религиозные системы. Преобразования в духовной жизни людей, какая-то кодификация этико-моральных норм человеческого общежития налагали религиозный оттенок на практику естественного воспитания подрастающего поколения, проходившего в традиционных рамках обучения и просвещения старшими младших в каждом родовом коллективе под присмотром и ведунов, и знахарей, и оракулов.

В известной единовременности оказалось появление не только специализированных по своим функциям воздействий на жизнь и судьбу людей духов и богов и их земных представителей — ша-

5) саамские божества
Изображения на бубнах

манов и жрецов, но и невиданных прежде культов вождей и предков, почитание культурных богов-героев (демиургов), появление тайных союзов как особой формы новообразованной внеэтнической системы верований, самого понятия племенного бога. События эти падали на эпоху зарождающегося классового общества и все больше высвечивали пути перенесения устанавливавшихся земных социальных связей на небо.

Пройдя многовековой путь от одушевления, оживления природы, человечество подходило в духовной сфере своей культуры к идее бога как высшего покровителя и охранителя вновь созданных на территориально-генетической основе этнических общностей. Это был новый этап в религиозном уже сознании, несущий весь груз древнейших представлений человека об окружающем его мире.

В представлениях древних китайцев над всей Землей возвышается, как бы наблюдая за всеми и днем и ночью, только Небо. Небо без конца и края само по себе стало в их верованиях вершителем людских судеб. Гадатели и прорицатели обращались именно к Небу с вопросами: «Делать ли это?», «Делать ли так?» Все существующее под Небом — земля, горы, реки, моря, люди и животные — все было лишь Поднебесьем. Огромное, беспредельное Небо, проникающее всюду, не имело первоначально ни облика, ни формы, а было просто Небом — таким, как мы его видим, но оно уже издревле называлось у предков китайцев «Шанди» — «Нечто высшее над нами». Позже Небо превратится в Юйши-хуанди — Яшмового императора, окруженного свитой сановников, исполнителей его воли, слуг и телохранителей. Такой переход совершится прежде всего в сознании простолюдинов, которые не могут оценить и философски осмыслить нечто, не оформленное в Шанди — привычные для них образы.

Как в жизни на социальной лестнице были высшие и низшие, так и среди богов и духов появились высшие и низшие. Высшие обладали большей властью над людь-

ми и даже властью над богами и духами, стоявшими ниже. Кто кого поставил на ту или иную ступень? Почему? Что было основанием или хотя бы поводом для этого?

На первый вопрос ответить очень просто — люди. Да, сами люди, разделив в сознании богов, дали им разные позиции и права. А вот почему, на каком основании — еще остается вопросом. Выдающийся советский этнограф, исследователь религий народов мира Сергей Александрович Токарев в одной из своих последних работ писал: «Хотя в происхождении сложного пантеона греческих (олимпийских и других) богов разобраться сугубо трудно, но и в нем можно наряду с образами разного происхождения обнаружить образы местных покровителей, вначале, вероятно, племенных... Из огромного количества древнеримских богов (римляне олицетворяли и обожествляли чуть ли не каждое отдельное человеческое действие и каждое явление природы) выделяются несколько глубоко древних образов, вероятно, племенных богов: Марс был вначале, видимо, богом сабинян (племена марсиев), Квири́н — покровителем первоначальной римской общины, Диана — местная богиня Ариции».

Разные племена «сбивались» в народности, и первоначальные боги каждого вошедшего в объединение племени образовывали требовательную «толпу», «спорившую о своих правах». Совершенно очевидно, что бог племени, ставшего во главе сложившегося единства, претендовал на первенство. Если с этим соглашались объединившиеся сограждане, то возникала новая система, где появлялся и первый бог среди всех богов. Если не было согласия в духовной сфере, то объективное требование такого единства приводило к длительному противоречию, которое кончалось чаще всего появлением нового общего божества, вставшего над всеми богами и духами.

Битва в долине Желтой реки

Поскольку события, связанные с битвой богов в долине Желтой реки,

случились так давно, что о них нет и не может быть ни одного реального письменного свидетельства, нам, жителям XX века, придется довольствоваться, так же как и жителям XX века до нашей эры, устными рассказами, поражающими фантастичностью случившегося.

Желтая река недаром так называется. Чистейший родник в дальних поднебесных горах на западе пополняется чистыми водами горных речушек и вырывается на равнину в хрустально-прозрачных брызгах бурным потоком. Преодолев труднодоступные, незаселенные и никем не измеренные расстояния, поток разливается в долине, прорезая толщу желто-бурого лёсса. С каждой излучиной вода насыщается желтым лёссом и сама становится желтой. Река несет живительную влагу в засуху, превращается в артерию жизни.

На просторах, напоенных Желтой рекой, жили люди. Они растили просо, строили жилища, сооружая углубления в податливой почве лёсса, куда входили через крышу по лестнице. У тех людей Желтой реки был вождь и покровитель,— Желтый хозяин — Хуанди. Своим привычным словом «хуан», что означало «желто-золотой», они называли реку Хуанхэ, где «хэ» — река, лёссовую землю — хуан-гу, где «гу» — «земля, местность» и духа-хозяина Хуанди.

К югу от людей Хуанди жили люди, которым покровительствовал дух-хозяин Яньди, где слово «янь» значило на языке жителей долины Желтой реки «огонь», «пожар», а что оно значило на языке их южных соседей, никто не знал; может быть, и ничего не значило, а было

Божество реки Хуанхэ — Хэ-бо

просто именем. Люди Яньди сеяли гречиху, но сеяли ее на поля, освобожденные от кустарника и выжженные после их рубки. Об этих людях говорили, что они «пахут ножом, а сеют огнем». Еще люди Яньди были хорошими охотниками и понимали язык зверей.

Те, кем правил Хуанди, жили в вечном мире и благодати, у них всего было вдоволь, и им казалось, что на их богатства зарятся южные соседи. Дух-хозяин Хуанди по велению Неба решил навести порядок в Поднебесной, он

пошел войной на людей Яньди, он сверг Яньди, и ему казалось, что замирилась Поднебесная навечно. Хуанди стали величать не только духом-хозяином, но и богом — существом выше духа-хозяина, существом, способным повелевать людьми и природой. Неужели подвластные Хуанди стремились поставить своего духа-хозяина рядом с Небом? Неужели сам Хуанди стремился стать рядом с Небом? Или нашло затмение, или удачи вскружили голову Хуанди, что он не понял притворного смирения потомка Яньди — Чию, поклявшегося отомстить за предка?

— Я повелеваю людям, которых принял от Яньди Чию, ему самому и его братьям, которых, я слышал, семьдесят два человека, — объявил Хуанди глашатаям перед поездкой на ставшие подвластными ему южные земли к югу от Желтой реки, — идти впереди нас, расчищать нам дорогу в непроходимой чаще и в труднодоступных горах!

Глашатаи донесли повеление Хуанди до людей Чию, до самого духа — хозяина земель к югу от Желтой реки.

Чию выслушал молча повеление победителя своего предка, ничем не выдал своего волнения, только росший на голове крепкий и острый рог налился кровью, а волосы за ушами встали торчком, напоминая мечи и трезубцы. Посланцы Хуанди в страхе бежали на север, передали Хуанди о согласии Чию, хотя им никто ничего не говорил, и умолчали о виденном, боясь гнева духа, пытающегося сравняться с Небом.

Наступил день, когда Хуанди с пышной свитой появился в северных пределах земель Чию. Горы и леса стояли стеной. Прибывшие остановились в недоумении.

— Где же мои подневольные, где Чию и его братья? — гневно воскликнул Хуанди и не обратил внимание, что Небо как-то нахмурилось.

Тут же раздался треск падающих деревьев, расступающихся гор. На образовавшейся широкой тропе появились какие-то огромные существа с медными головами, железными лбами, с телами зверей и ногами буйволов. Их было семьдесят два — это были братья Чию. У каждого по четыре глаза, по шесть рук. Отплювываясь песком, камнями и железом, которые составляли их пищу, страшные великаны склонились перед Хуанди, который единственный не дрогнул, когда его свита, завидя выходящих из леса и гор, бежала через реку Желтую. Из-за горы вышел Чию.

— Мой господин,— спокойно сказал он, обращаясь к Хуанди,— путь открыт.

Бежавшая свита возвратилась, но Хуанди уже не хотелось углубляться на юг, он обратился к Чию повелительным тоном:

— Ты и твои люди подвластны мне и обязаны четырежды в год доставлять плоды своей земли и своих лесов и рек в мое поселение,— Хуанди помолчал и добавил: — Ты понял, Чию, четыре раза в год, четыре!

Чию — в древнекитайской мифологии герой-мятежник

У Чию опять покраснел рог, а Небо вновь нахмурилось. Хуанди явно забывал, что военной удачей, грубым обращением нельзя расположить сердце врага.

Замыслил Чию поднять своих людей на битву с Хуанди. Ему удалось привлечь на свою сторону дикие племена мяо, жившие к северу от Желтой реки. Настал день, когда на северном берегу Хуанхэ задрожала земля от топота сотен ног, когда вздыбились волны от тел, переплывавших реку. Чию принял имя Яньди, имя предка, и пошел войной на Хуанди.

Закипела битва, затрещали горы, попадали в лесах деревья, сравнивались холмы ногами сражавшихся, пыль, поднявшаяся над землей, закрывала Солнце и Небо. Казалось, Небо ничего не видит, а может, Небо и было самим Хуанди, которому удача в битве шла прямо в руки. Уже лежали на поле битвы люди Хуанди и люди Чию, лежали в обнимку, как сходились в смертельной схватке друг против друга. Уже таяли силы, но продолжали биться братья, теснили они помощников-великанов Хуанди.

Наступила ночь, темная-темная. Такая темная, какая бывала только один раз в прошлой истории, когда рождалась сама Земля.

Утихли крики, не слышен звон мечей. Оставшиеся в живых улеглись ухватить сон и восстановить бодрость, чтобы завтра с утра начать все сначала.

Как только взошло Солнце, Небо тут же скрыло его.

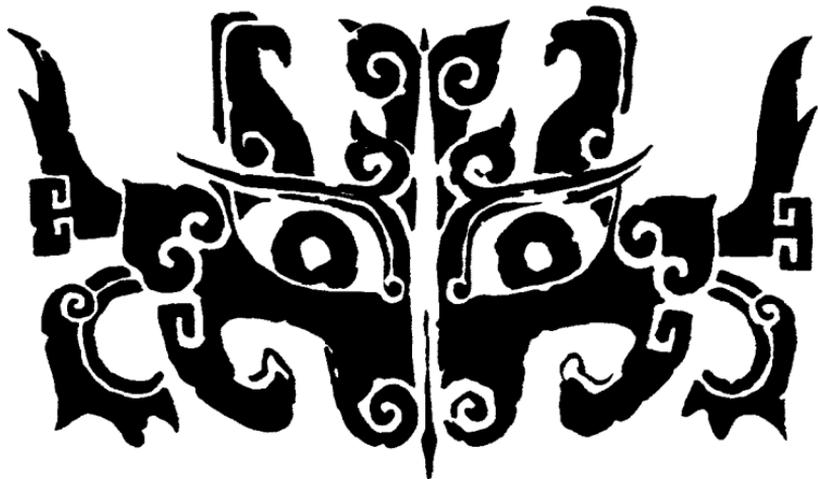
— Повелитель,— низко кланяясь, обратился к Хуанди белый от седины старый оракул. Смотри на Небо, оно подает знак. Ты не принес ему жертву ни вчера, ни сегодня. Оно отвернется от нас.

Хуанди брезгливо усмехнулся и дал команду начинать битву. Не мог же он сказать во всеуслышание, что он сам считает себя Небом — высшей силой и высшим судьей.

— Повелитель,— с низким поклоном к Чию, принявшему имя Яньди, обратился также ранним утром оракул, совсем дряхлый старик,— ты не приносишь жертв Небу, а оно дает знак. Смотри, оно может отвернуться от нас!

Чию не придавал значения его словам, так как войска Хуанди начали вылазку. Битва продолжалась весь день, и

Тао-тэ — маска Чию

опять пыль от земли закрывала Солнце и Небо, опять падали горы и ноги воинов сравнивали холмы.

Когда уже казалось, что победа на стороне Чию и его братьев, опустилась ночная мгла на землю. На небе быстро догорало красное зарево заката.

— Небо опять подает знак,— сказал оракул Хуанди.

На этот раз Хуанди прислушался к оракулу. К таким же словам своего оракула прислушался и Чию, но он чуть

задержался. Первым принес жертву Небу Хуанди. В ночи на Небе блеснули дальние звезды. Принес жертву Чию, но Небо осталось безмолвным. Или так только показались Чию и его братьям?

Наступило новое утро, и пошли воины-великаны Хуанди на братьев Чию, на людей Чию. Небо было голубым и светлым, Солнце — ярким. Победа досталась Хуанди, братья Чию бежали на юг, а сам Чию, отбивавшийся от врагов, вдруг был поражен неожиданно явившейся молнией, которая разорвала его тело. Стало его туловище, руки и ноги новыми горами, а голова, отделившаяся от тела, была подхвачена Небом и летает с тех пор прожорливым чудищем Тао-тэ, имеющим только все пожирающую голову и не имеющим тела.

Хуанди победил, но все равно с тех пор не было спокойствия в Поднебесной. Хуанди вознамерился стать ровень с Небом. Небо не покарало его, хотя вначале отвернулось от него, но, получив жертву, простило. Получив жертву Чию, Небо, однако, отступилось от него, как от чужеземца. Небо одного простило, другого наказало, но в укор первому повелело людям Хуанди, его потомкам изображать маску Тао-тэ, маску Чию, на бронзовых сосудах, на деревянных резных досках, на вышитых картинах и на стенах как напоминание о той великой битве Хуанди и Яньди, которую прекратило высшее существо в Поднебесной — Небо.

Хуанди, которого первоначально китайская традиция сравнивала с Небом, она превратила потом в племенного бога предков китайцев, и в конце концов в народной памяти он принял облик культурного героя, а позднее — первого из живших в долине Хуанхэ императоров. Ну а им-

ператор в китайской традиции никак не может сравниться с Небом, являясь всего лишь «Тяньцзы» — «Сыном Неба».

По китайской народной традиции, по китайским философским канонам и религиозным догматам самых распространенных культовых систем — культа предков и культа покровителей местности — высшим божеством, собственно богом, в обыденном христианско-мусульманском и даже иудейском представлении выступает Небо. Шан-ди, бывшее первоначально, как говорилось, неким явлением, находящимся превыше всего, над всеми, непersonифицированным, неопределенным существом, превратилось потом в простое Тянь-ди — в «Небесного владыку».

Наиболее отчетливо выделение главного бога, способного повелевать другими богами, а не только людьми, происходило в тех обществах, которые консолидировались на базе близкородственных племен или объединялись на основе территориальных связей. Здесь, как отмечалось, становление главного бога было или результатом выдвижения в господствующие одного из племен, а с ним и его бога-покровителя, или выражением социальной потребности соглашения объединившихся племен, и тогда главенствующий бог нередко включал черты разных богов тех племен, которые слились в новое этническое сообщество.

Примечательно, что данные мировой этнографии свидетельствуют о приобретении статуса главного, высшего божества теми прежними духами или позже теми богами, которые, как и в Китае, были связаны с небом, небесными стихиями. Египетский бог Ра — бог солнца, боги инков и ацтеков тоже олицетворяли солнце, высшие правители Олимпа древних греков и римлян были громовержцами — владыками небес. В сложных проявлениях и перевопло-

шениях индийских богов главными также выступают те, которые связаны с проявлениями могущества неба, космоса, планетарных стихий. Среди них первый и великий — Индра, он тот же громовержец, небесный повелитель. Правда, когда в индуизме говорят, что «пришли в мир все тридцать миллионов богов», то непременно добавляют — «во главе с Шакрой». Шакра — тоже правитель неба. Деятельные, важные индуистские боги — Брахма, Вишну и Шива. И все-таки над ними стоит бог неба — Шакра, а над всеми владыками неба — Индра.

Индуистская религия, сохранившаяся до наших дней в современной Индии, представлена многообразием сект, различающихся особой приверженностью одному из трех богов-небожителей или какому-то иному богу из огромной их плеяды. Особенность индуизма в том, что он освятил на многие столетия принцип незыблемости кастового строя. Кастовая система, возникшая еще в начале индоарийского освоения Индостана, в частности долины Ганга, во все времена активно поддерживалась индуизмом и теми правителями, как местными, так и чужеземными, которые завоевывали Индию. Эта система была удобной формой политического давления на широкие крестьянские массы и остается по сей день орудием в политической борьбе правых сил.

Если индуистские боги во главе с Индрой сохранили свое значение в духовной жизни современной Республики Индии, то племенная, а точнее, «полисная» религия древних иранцев, несомненно повлиявшая на индуистскую систему, осталась интереснейшим феноменом древней истории человечества. Речь идет о религии, связанной с именем проповедника новых идей познания человеком себя и мира Заратуштры, или Зороастра в греческой традиции.

Семь божеств и один бог

Много было богов у индоиранцев. А у кого их было меньше в то далекое время, когда на берегах Нила утверждалось царство фараонов, а в долине Месопотамии, где Тигр и Евфрат напивали услажденную теплом и солнцем землю, давая рост и силу кустистым злакам и плодоносящим растениям, мощные рабовладельческие царства? За пределами нильской долины, за пределами Месопотамии лежали степи и невысокие горы с пышной травой в благоприятный, с обильными дождями, сезон и тучными стадами диких животных.

Главным занятием, главным делом индоиранцев были охота на диких животных и пастьба одомашненного скота. Каждый мужчина всякого индоиранского племени был пастухом, но у каждого был не только пастушеский посох, но и боевое бронзовое оружие. По велению своего вождя, а вождь научился извлекать личную выгоду при захвате богатств соседей, пастух легко становился воином и, отдав скот на попечение малолеткам или женщинам, шел на соседей или вместе с соседями — на дальних земледельцев месопотамской долины. Индоиранцы издревле были беспокойными соседями и для жителей Двуречья, и для жителей Шумера. Были постоянной заботой тех, кто жил оседло на земле, с севера омывавшейся двумя большими морями, с запада — огромным морем, а с юга — безбрежным.

У самих индоиранцев были свои заботы, прежде всего забота о воде, которой постоянно не хватало в полузасушливых степях. Когда же наступала зима, главной заботой становились добыча и сохранение огня.

Вода и огонь были предметом постоянных тревог и надежд. Трехкратным жертвоприношением богине воды Апас и богу огня Атару индоиранцы рассчитывали приобрести их расположение и получить в засуху воду, а в мороз — огонь. Жертвой воде было возлияние в нее молока, сока листьев двух редких растений, жертвой огню — возжигание чистых сухих дров, благовонных трав и животного жира. Следили за жертвоприношениями, руководили ими специальные жрецы — заотары и атаурваны.

Жрецы-священнослужители — атаурваны и еще больше заотары — пользовались особым положением в каждой древнеиранской общине. К их мнению прислушивались, их встречали доброжелательно в каждом пастушеском стойбище, надеясь на то, что боги будут снисходительнее, если о том их попросят жрецы. Просить нужно было многих, и прежде всего бога неба Асмана и богиню земли Зам.

Ноги мерили землю, а взгляд искал в опрокинутом небе бога солнца Хвара и богиню луны Мах.

Нет, они не спускаются по первому зову к костру пастухов в темную безлунную ночь, когда на небе нет ни солнца, ни луны. Кажется, что они приняли облик человека и подойдут к костру без зова. Не отличишь их по одежде, не отличишь и по облику. Они такие же, как и вы, может быть, чуть лучше всех, но трудно их распознать. А вот жрецы могут, особенно могут те, кто считался заотаром. А разве заотар пожелает бродить вместе с пастухами?

В долгих странствиях пастухи узнают, но еще не познают мир. Ожидание чуда застилает глаза, которые смотрят и не видят. Не видят, что ночь сменяется днем с обязательной очередностью, как зима сменяет лето через короткое осеннее предзимье или прощальное дыхание лета. Хотелось, бывало, чтобы и зимой расцветали цветы, чтобы лето никогда не кончалось. Хотелось, но, сколько бы ни было жертвоприношений, природа не изменяла своего хода.

Древние иранцы, закрывая лицо головным платком от несущихся под сильным ветром песчинок, считали ветер божеством двуликим. Богом ветра Вату называли такой ветер, который нес в своем дуновении тучи, а значит, и дождь. Богом ветра Вату называли дуновение, несущее дыхание самой жизни, дыхание милосердное, если вовремя приносить ему жертвы. Если Вату гневен, то он может грозно реветь и уносить жизнь людей и животных.

Боги неба и земли, боги солнца и луны, боги ветров были не только в сознании древнего иранца, не только вмешивались в его жизнь и благополучие, но и требовали постоянного внимания к себе. Ни одного более или менее значительного дела не начинал древний иранец, не воздав должное богам, не послав им жертву. О богах то ли громко, то ли шепотом говорили между собой пастухи и земледельцы долгими осенними вечерами перед сном, говорили, а точнее, рассказывали старшие младшим в каждом поколении, кочевавшие или селившиеся вместе.

Трещат сухие ветки в костре, жаром пылают угли, резвится, пляшет в ночи пламя — пляшет бог огня Атар, прислушиваясь к тихой речи появившегося из темноты странника, присевшего у костра. Путнику дали козьего молока, сушеного сыра, а он в знак благодарности поведаль хозяевам, как сбиваются крупами белый конь, до-

бытчик дождя, и черный конь, вестник засухи, в начале лета.

— Какой год начинается без мольбы к богам? — спрашивал путник и сам же отвечал: — Нет и не может быть такого года. Если не испросить блага и поддержки богов, то незачем продолжать жить, лучше самому уйти в подземное царство Йима. Первая просьба людей, начинающих с весной новую жизнь, — просьба к богине Апас, богине воды. Она должна дать пастбищам и лугам влагу, пролить на поля и растения дождь.

Взором Апас проникает в центр нашего мира, где, наполненное потоком из священной горы, то ли удерживающей небо, то ли просто уходящей ввысь, образовано море с широкими заливами. Много рек, наполненных водой этого моря, текут в разные стороны. Из этого моря водой наполняются тучи, проливаясь дождями. Великий помощник Апас — Тиштрийн каждый год, обернувшись красивым белым конем, направляется к берегу моря с широкими заливами, чтобы обеспечить наполнение водой дождевых туч. И каждый год демон засухи Апаоша, превратившийся в черного, хилого и убогого жеребца, встречает Тиштрийн. Они сбиваются крупами, они бьют друг друга ногами, они пытаются одолеть один другого. И если вы, люди, плохо поклонялись Апас и ее помощнику в течение зимы, мало приносили жертв, то белого коня отгонит от берега черный жеребец, хотя он уродлив и хил. Если вы, люди, оказали тому, кто стал белым конем, должные, достойные его почести, то у него окажутся новые силы, он легко столкнет черного Апаоша с дороги и кинется в море.

Кобылами вздуются волны, сольются с белым жеребцом и произведут изобильную воду. Подхватит появившийся тут же бог ветра Вату воду, поднимет ее к об-

лакам, станут они тучами и прольют дожди вместе с семенами растений над всеми семью областями — кругами мира и над самым большим из них, над вешней областью — кругом, населенным людьми...

Странник кончил рассказ и поднялся.

— Ты обратил внимание,— толкнул молодой пастух старшего,— как трижды оговорился: вы — люди, ваш круг мира. Он, значит, не человек, а бог. Спроси у него о будущем.

— Почтеннейший,— приподнялся старший пастух и подошел с поклоном к страннику,— не посидишь ли ты еще, не расскажешь ли нам и о будущем, так же как о прошлом!

— Ни мир, ни поколение людей не имеют предела. О каком будущем ты хочешь узнать, хозяин коз? О своем, его, моем или о всех нас? Живи и поклоняйся богам, и все будет идти чередой, день сменит ночь, зиму сменит лето, и так будет без конца. Одни люди уйдут к Йиме, другие придут в мир света. И так — без конца.

Странник произнес последние слова довольно громко и отступил в темноту. Костер вспыхнул, но его свет никого не выхватил из темноты. Странник ушел, как и пришел, в никуда из никуда. Наверное, это был бог Атар, бог огня, подумали сидевшие у костра и подивились человеческому облику и человеческому голосу бога.

— Очень странно,— вернулся к костру старший пастух,— я думаю, что приходил сам бог Митра, бог праведников, бог сражающихся за правду, а поэтому он и бог войны, и бог огня. Наверное, он приходил к огню, а может быть, он искал среди нас другванта — приверженца зла и лжи?

Никто из гревшихся у костра не проронил ни слова. Все повернулись в сторону ушедшего бога и низко опусти-

ли голову. Даже сам намек на то, что кто-то может быть нарушителем аша — заведенного и истинного порядка вещей, самой правды, расстраивал честных, искренних пастухов. Если нарушать аша, то разве можно жить тогда на свете? Если нарушать аша, то, значит, ни один договор, ни одно соглашение не могут быть выполненными и будут люди спорить о границах пастбищ, о времени и сро-

Митра — древнеиранский мифологический персонаж, ассоциировался с богом Солнца

ке пастьбы скота, о самих учителях пастьбы. Нет другой возможности закрепить связь друг с другом иначе, чем договориться, договориться на словах. И такое слово договора должно быть и было твердым как камень, ему не изменяли ни договорившиеся, ни их потомки. Два бога — Митра и Варуна, сын богини воды, который наказывал клятвопреступников, следили за соб-

людением отношений между людьми, их взаимных соглашений и претензий, добываясь в каждом случае истины.

Великими богами — асурами — были и Митра и Варуна, но их наставлял и учил тот, кто стоял выше, — «Хозяин мудрости» или «Господь мудрости» — Ахурамазда. Ахур (асур) — это и хозяин, и господь, а мазда — само понятие мудрости.

Мелькали благочестивые мысли в голове старшего пастуха. Мешали сну твердая подстилка из козьих шкур, осенняя прохлада и дым затухающего костра. Сон не шел. Небо теряло звезды, которые уходили на покой до следующего вечера. Скоро приблизился рассвет. Недалеко внизу, под невысоким холмом, где пастухи сделали стоянку, раздался какой-то шум, послышалось жалобное козье бляение, и все затихло. Вставать не хотелось, тем более что сон начал смыкать глаза.

Утром старший пастух проснулся от неистовой брани, ударов палки по чьему-то телу и всхлипываний. С трудом открыв слипшиеся глаза, старший пастух увидел, что одноглазый бьет посохом младшего пастуха и бранится: «Чтоб тебя боги прокляли, подлый вор! Признавайся, куда ты дел двух козо-

Митра с головой льва

чек?» Старший пастух остановил одноглазого, попросил рассказать, что же случилось?

— Я проснулся,— рассказал одноглазый,— от жалобного блеяния козы. Прислушался — все тихо, собирался вновь уснуть. Уже закрыл было свой единственный глаз, как увидел его,— одноглазый показал на младшего пастуха,— возвращающегося из-под холма. Я тогда ни о чем не спросил, а когда проснулся и спустился к своему стаду, то недосчитался двух козочек. Ночью коза блеяла? Блеяла. Ночью он куда-то ходил? Ходил. Все остальные ночью спали? Спали. Кто увел козочек? Только он, шелудивый пес.

Закончив рассказ, одноглазый схватил посох и поднял его. Старший пастух перехватил его руку.

— Да погоди ты, давай разберемся. Я тоже ночью слышал шум под холмом и козий крик, но я ничего такого не видел, я не встал и тут же уснул,— громко рассуждал старший пастух,— а ты видел его. Может, ты и прав, одноглазый.

— А вдруг твоих козочек взял бог,— отчаянно крикнул младший пастух, увертываясь от удара посохом.

Опять старший пастух остановил руку одноглазого, медленно, но сердито произнес:

— Да погоди ты бить его. Может, он и прав — бог взял козочек как жертву.

— Так что ты предлагаешь? — в ярости завопил одноглазый.— Отпустить его — этого пса, который бродит по ночам, и поверить, что козочек моих взял бог? Да я богу Митре жертвовал в этом году быка. Он бы не взял козочек, он справедливый бог, а этот,— одноглазый вновь показал на младшего пастуха,— подлый обманщик.

— Пусть вождь или верховный жрец решат, что делать,— спокойно предложил старший пастух,— пока же

привяжем обвиняемого тобой к моей лошади. Сегодня ведь мы двинемся домой.

Младший пастух, которого звали Вишта, смирился, понимая, что верховный жрец или вождь могут подвергнуть испытанию его водой или огнем на невиновность или виновность.

Как и думал Вишта, верховный жрец, выслушав всех пастухов, назначил ему испытание огнем. Испытание было назначено на ближайшее полнолуние, которое должно было наступить через три дня.

Вишту закрыли в специальной постройке из тростника и жердей. Ему давали поест, но никто не мог навещать его, дабы не осквернить самого себя. Пока бог Митра не снимет вину с Вишты, он будет считаться нечистым. Прошло два дня, ничего не изменилось на свете, только короче стал путь от тростникового загона до огненного прохода, который, защищая свою честь, должен будет пройти подозреваемый в обмане — виновный, с точки зрения людей и богов.

Древний иранец

Вишта удивился, когда вечером третьего дня, буквально накануне испытания, к нему пришел старший пастух.

— Как ты осмелился прийти ко мне. Ты осквернишь себя, разговаривая со мной. Лучше уходи,— удивленно и настойчиво проговорил Вишта.

Однако старший пастух не ушел, а, напротив, вошел внутрь и присел на корточки, показывая, чтобы и Вишта сел рядом.

— Послушай, Вишта! — начал старший пастух, и стало ясно, что речь его будет долгой.— Ты разве забыл, что я брат твоей матери. Я твой дядя по материнскому родству и по законам людей, которые не отвергают и боги, я за тебя держу ответ такой же, как и ты сам. Ответ перед теми же людьми и теми же богами. Я верю тебе, я не верю одноглазому, но ты не хочешь говорить, зачем ты ходил под холм той ночью, в те мгновения начинающегося рассвета, когда блеяли козы? Ты не хочешь сказать и сейчас, когда осталось так мало времени, а на площади уже готовят два ряда пленниц? — Старший пастух помолчал, но, увидев, что Вишта отрицательно повел головой — «не скажу, мол», продолжил: — Не хочешь говорить, этим ты добиваешься расположения богини Аши, способной награждать и оберегать праведных?! Я знаю, куда ты ходил под холм, я вчера был там и видел твой жертвенник, где ты посвящал жертву Митре. Я знаю, что в качестве жертвы ты принес припрятанные с вечерней трапезы сыр и лепешку, и знаю, что с тобой в ту ночь была моя дочь. Я не против, и я рад, что ты переносил оскорбления и побои ради ее чести.

Я твой дядя, и я должен предупредить тебя. Два вида есть у нашего народа испытаний, чтобы проверить, честен человек или нет. Один — это испытание водой. Такое испытание опекает бог Варуна. Человека, которого обвиня-

ют, погружают с головой в воду, позволяя ему держаться за ноги стоящего на помосте. Перед погружением обвиняемый кричит: «Воистину защити меня, Варуна», тут же стреляют из лука в сторону солнца, и самый быстрый бегун бежит за стрелой, находит ее и возвращается со стрелой к помосту. Обвиняемого вытаскивают из воды, и если он еще жив, то, значит, он невиновен: Варуна пощадил его и оправдал. Сейчас вода ледяная, и хорошо, что верховный жрец решил испытать тебя огнем.

Помолчав немного, дядя продолжал:

— А теперь слушай внимательно. Ты должен будешь пробежать дважды по десять шагов по узкому проходу между двумя поленницами горящих дров. Пламя будет хватать тебя, но ты терпи и не останавливайся, беги вперед и вперед. Когда ты вырвешься из огненного прохода, все увидят, что ты невиновен, раз бог огня помиловал тебя. Ничего не бойся. Перевяжи сырыми стеблями больные места, свяжи туго волосы, намажься смесью глины, песка и помета, чтобы задержать огонь и жар. Смесью при-слала моя дочь, вот от нее же стебли и сосуд с водой. Не торопись их употребить раньше времени. Когда взойдет луна, когда вспыхнут поленья в поленнице, за тобой придут. Увидишь огонь — сделай, как я сказал. А теперь прощай, и пусть будет тебе защитой сам Митра!

Дядя, старший пастух, покинул загон, задвинул жердину. Вишта остался один. Казалось, он не успел даже оглядеться после ухода дяди, возле загона раздались голоса. Вышла луна, вспыхнули совсем рядом огни пожара на поленницах, Вишта обвязал себя стеблями, намазался смесью и стал ждать.

Появились помощники верховного жреца, открыли выход из загона и вызвали Вишту. Вишта ничего не видел, кроме пылающих поленниц. Огонь скрывал узкий проход,

если он вообще был. Был, конечно, был, но Вишта его не видел, и страх на миг сделал непослушными ноги. Вишта сжал зубы и, произнеся громко: «Митра, помоги мне... я невиновен», двинулся к пленникам. Да, проход есть, но он узкий, и его с двух сторон лизут языки пламени. Вишта оглянулся и тут увидел, что все его сородичи, вождь и жрецы были здесь.

Вишта еще раз крикнул: «Митра, помоги мне!» — и, резко вдохнув воздух в себя, наклонив голову, бросился в проход. Огонь хватал его, кожу ожгло болью, но он, разрезая телом огневые потоки, вылетел из объятий бога Митры обожженным, но живым.

— Он невиновен! — воскликнул верховный жрец, и тут же сородичи подбежали к упавшему наземь Виште, подняли его и унесли в свой шатер.

— Нужно ли подвергать людей таким испытаниям? Не слишком ли много богов спорят о своем могуществе? — думал, покидая площадь, верховный жрец, думал, не боясь ни гнева богов, ни их мести. Верховный жрец чтит главным Ахурамазду — Господина мудрости — и всегда надеялся на его помощь, на его покровительство. Он, конечно, знал о том, что приписывали богу Варуне его почитатели. Они передавали открыто сказанное богом: «Воистину власть принадлежит мне, вечному властелину, так признают все Бессмертные... Я поднимаю вверх стекающие воды, по велению порядка природы я поддерживаю небо, от его имени я — владыка, который правит». Что-то было неясным, непонятым между богами, которые не могли разобраться, кто за кем, кто повелевает, кто вершит суд. Если нельзя было разобраться богам, то разве могли разобраться в них люди?

Вполне возможно, что примерно так верховный жрец думал после испытания огнем юноши Вишты. Так же за-

думывался и ставший в пятнадцать лет священнослужителем Заратуштра из рода Снитама. Будучи близким к богам, юноша слишком часто видел насилие и грабежи, обиды слабых и надругательства сильных. Он хотел, он мечтал сделать так, чтобы по одному закону жили и сильные, и слабые, чтобы на Земле были мир и благодать. Он хотел, чтобы так было, но не знал, как это сделать, и полтора десятка лет провел в странствиях по Древнему Ирану в поисках истины, помогая страждущим, отвечая добром на добро.

Когда ему исполнилось тридцать лет — время достижения мудрости — на празднике призыва весны ему, очищенному студеной речной водой, явился в лучах света, от которого исчезла тень, Ахурамазда с шестью небожителями. Как это случилось, что они обратились к нему? Никто толком не знал, не все поверили, что Заратуштра получил откровение, познал истину.

— Ахурамазда,— говорил своим ближним Заратуштра,— часто посещал меня, и я дал ему слово, пока у меня есть силы и возможности, я буду учить людей стремлению к истине, как завещал Господин мудрости.

В мире постоянны две силы, они противостоят друг другу — свет и тень, жар и холод, твердое и мягкое. Чему-то одному противопоставляется другое, и так во всем в природе, в человеке, в окружающей беспредельности.

Если есть бог мудрости Ахурамазда, то противостоит ему злой, вредный дух Анхра-Майнью.

— Воистину,— восклицал Заратуштра,— есть два первичных духа, близнецы, славящиеся своей противоположностью. В мысли, в слове и в действии — они оба, добрый и злой... Когда эти два духа схватились впервые, то они создали бытие и небытие. И то, что ждет в конце концов тех, кто следует пути лжи,— это самое худшее.

А тех, кто следует пути добра, ждет самое лучшее. И вот из этих двух духов один, следующий лжи, выбрал зло, а другой, дух святейший, облаченный в небесную твердь, выбрал праведность, и пусть это знают все, кто будет постоянно ублаговывать Ахурамазду праведными делами.

Так говорил Заратуштра, так рассуждал он, но почти никто не слушал его среди близких, среди сородичей. Бывало, послушают его и разойдутся, чтобы вновь принести жертву разным богам. Разным и по разным случаям, а Заратуштра утверждал, что Ахурамазда первый, единственный, пришедший из ниоткуда и создавший всех других богов и саму природу, и самих людей. Ахурамазда всезнающий и премудрый. Хотя враг его Анхра-Майню тоже изначален, но он несведущ и совершенно зловреден.

Покинул родные места Заратуштра и в дальних соседних царствах нашел и служителей, и приверженцев своей идеи высшего, первого бога среди богов — Ахурамазды.

«Пророк Зороастр (Заратуштра.— *Р. И.*) жил в такой глубокой древности,— писала в предисловии к русскому изданию английская исследовательница Мэри Бойс, чья книга «Зороастрийцы» послужила источником приведенного выше этюда,— что сами его последователи забыли, когда и где это было... Теперь установлено, что в действительности он жил в азиатских степях к востоку от Волги».

Конечно, не потому, что Заратуштра — создатель религиозной системы зороастризма — был сородичем предков современных таджиков, ему уделено особое внимание. А прежде всего потому, что «зороастризм,— как верно под-

метила Мэри Бойс в первой главе своей книги,— самая древняя из мировых религий откровения; и, по-видимому, он оказал на человечество, прямо или косвенно, больше влияния, чем какая-либо другая вера».

Если вспомнить, что время жизни Заратуштры лежит между 1500 и 1200 годами до нашей эры, то пророк, утверждавший монотеизм как существование высшего, верховного бога, был на шесть столетий старше будущего Будды, более чем на тысячелетие — Христа, возможно, чуть меньше — главного бога иудеев Яхве и чуть ли не на два тысячелетия — Аллаха.

Древние иранцы в своих пределах находились в соприкосновении с теми территориями мира, где возникали монотеистические религии нарождающегося классового общества — так называемые полисные религии, где формировались все три мировые религии. Первая книга мира — книга древних иранцев «Авеста» оказала огромное культурное влияние на обширный мир индийской культуры и ее позднейшие буддийские варианты вне Индостана. Религия древних иранцев в равной мере могла оказать влияние также на формирование религиозных систем на соседних с Древним Ираном азиатских территориях. Давно уже стало очевидным, что для общения, взаимокультурного обогащения у народов Старого Света не было никаких преград и даже в далеком прошлом было в запасе то историческое время, которого нет уже у современности.

Высказанная мысль не очень-то оригинальна. Еще Сергей Александрович Токарев, рассматривая племенной культ бога левитов Яхве, его становление в качестве главного бога иудеев, писал, что «черты бога-миросоздателя Яхве приобрел гораздо позже, видимо, в «послепленную» эпоху под вавилонским или иранским влиянием; до этого

образ Яхве едва ли имел какое-либо отношение к космогоническим представлениям». По мнению С. А. Токарева, в окончательном формировании того образа Яхве, который был принят за образ христианского бога-отца и мусульманского Аллаха, культура древних иранцев сыграла известную роль. Любопытно еще и то, что Яхве превратился из национального бога израильтян, из военного покровителя их племен, завоевавших Палестину, в бога — вседержителя и творца только в так называемую «последнюю» эпоху, в VI—V веках до нашей эры. Эти века синхронны времени возникновения буддизма в иной, хотя и близкой в хозяйственно-культурном отношении, части Азиатского континента.

Различные религиозные системы возникали как социальная потребность классового общества идеологически обеспечить правомочность самого классового неравенства, поддержать «право» господствующего класса на угнетение и зависимость нижестоящих на социальной лестнице. В условиях формирования классового, прежде всего рабовладельческого, строя, который нередко утверждался путем захватнических войн, религию победителей навязывали побежденным. В сложных системах, типа индуизма, побежденных еще и размещали по кастовой принадлежности, выделяя им, естественно, место в низших кастах.

Оказалось, что не только общество разделилось на противостоящие новые социальные группировки, но и религии, впитавшие в себя обширный спектр традиционных верований, противостояли друг другу. В мире не было социального и не было идеологического единства. И как в социальных структурах господствующее положение сосредоточивалось в руках неизмеримо малой кучки людей, выдвигавшей своего лидера, так и в религиозной сфере

окрепший сонм богов в конце концов сводился сначала к узкой группе «высших судей человеческой судьбы», а затем к единому высшему божеству.

Такой переворот в идеологии, в сознании масс, подавленных несправедливостью то ли кастовой системы, то ли рабовладельческого гнета, неумолимо должен был породить представления об ином, высшем божестве, не связанном с прежними богами или, во всяком случае, резко противостоящем им.

Прежде всего подобное состояние в общественном сознании проявилось на просторах Индостана, где жесткие рамки кастовой системы, откровенно поддержанные индуизмом и его священнослужителями — брахманами, вызвали чувства протеста и откровенное сопротивление племен и народов, включаемых путем захвата в пределы индуистских царств.

Легенда свидетельствует, что где-то в районе современного Непала, у отрогов Гималаев, в роскошном дворце царя Шакья родился сын. Удивительным было рождение мальчика. По небу пронеслись знамения, птицы пели восторженно, а мальчик, родившись, тут же пошел. Уверенно сделал семь шагов, и появилась вода на тех местах, и семь лотосов распустились, где отпечатались следы маленьких ног. Почти три десятка лет прожил царевич в спокойствии и довольстве в родительском дворце, где воздух был всегда прозрачно-благоухающим. И только память о происшедших встречах за пределами дворца беспокоила его душу. Редко, очень редко покидал царевич дворец, но как-то, покинув его, он встретил больного, потом старика, а еще как-то — мертвеца, которого несли на носилках.

С тех пор царевич, который раньше ничего не видел вокруг, кроме радостных лиц своих домочадцев и слуг да

веселых красавиц, услаждавших его взор, задумался о больном, старике и мертвецце.

Однажды ночью он проснулся и увидел дневных красавиц на ложах в отвратительном виде, с уродливыми лицами, неприятными вздохами. Покинул царевич свои покои, сел на любимого коня и незаметно выехал из дворца. Донес конь царевича из рода Шакьев на север Индостана. Опустился царевич на землю под деревом бодхи и предался раздумьям. Сидел он почти недвижимый, пытаясь понять смысл жизни и мироздания. Ничто не могло отвлечь его. Перед ним неожиданно возникали пиршественные столы, и сидевшие за ними звали его к себе, а он ничего не слышал и не замечал. То злой дух тьмы Мара решил искутить царевича, отвлечь его от благочестивых мыслей. Посылал Мара и прелестных красавиц, грациозных, но даже не двигался с места царевич. Так прошло много дней, и стал царевич буддой, стал «просветленным». И познал он истину: жизнь — страдание, причина страданий — людские желания. Чтобы пресечь желания, нужно прекратить цепь перерождений и путем истины достигнуть состояние нирваны. Нирвана — это нечто непередаваемое, это когда ты одновременно существуешь и не существуешь, ты есть в своем разуме, но вне физической оболочки и, значит, вне всяких желаний.

Пошел царевич по Индостану проповедовать открытую им истину, доказывая, что главная цель жизни — не жить в этой скверной оболочке, а постигать пути познания от архата, ставшего на путь истины, к бодхисатве — состоянию «прозрения», затем к состоянию «просветления» — будде и далее — к состоянию нирваны.

Назван был царевич Гаутамой, и стал он тем буддой, которого выделяют особо, обозначают его с большой буквы — Будда. В состоянии будды Гаутама пробыл доста-

точно долго, чтобы успеть разъяснить людям смысл найденного им пути к истине, чтобы рассказать о возможностях познания, доступных любому, независимо от его

Будда — в древнеиндийской мифологии человек, достигший наивысшего предела духовного развития

национального происхождения и кастового положения. Гаутама в своих проповедях резко порывал с этнической обусловленностью религии и ее служением господствующему классу, господствующим кастам.

Идеи Гаутамы легли на благодатную почву. Они стали быстро распространяться в Индостане, но столь же быстро против них поднялась индуистская реакция, так как господствующие классы с проникновением буддизма, не признававшего каст, теряли удобную систему социального подавления низших слоев общества. Реакция индуистов была столь однозначна, что в конце концов из пределов Индии буддизм был вытеснен и обосновался в сопредельных странах Юго-Восточной Азии, играя периодами важную роль в культурной жизни центральноазиатских районов.

С появлением учения Гаутамы в истории мировой цивилизации произошло чрезвычайно важное событие — появилась религиозная система, адептом которой можно было стать, а не только быть им по рождению. Все прежние политеистические и монотеистические «племенные», или «полисные», религии отступали перед буддизмом, ставшим первой мировой религией человечества. Будучи первой, она в значительной степени отражала всю противоречивость и прежних традиционных верований, и самого социального бытия, продуктом которого она являлась. Будучи первой, буддийская религия проявила массу изобретательности, чтобы не нарушить священный облик свой и в то же время пойти на явные уступки прагматизму верующих, согласных принять ее догмы не сами по себе, а при определенных условиях.

Первоначально Гаутама выдвинул идею о полном отрешении от мирской жизни и постижении истины через строгую монашескую юдоль. Этот путь был назван хинаяна — малая колесница спасения. В таком виде буддизм

пришел на Индокитайский полуостров, но проникнуть далее на северо-восток, в Китай, не смог. Хинаяна отвлекла от производительного труда все население и воспринималась как абсурдная. Буддистские наставники выдвинули идею махаяны — большой колесницы спасения, допускавшую занятия мирскими делами, чередование их с духовными. А в тибето-монгольском ламаизме — ответвлении буддизма — даже появилась система «молитвенных мельниц» — специальных металлических барабанов, стоявших в храмах, на которых был высечен текст молитвы и обязательное изречение в честь Будды: «О ты, божество, сидящее на лотосе». Верующему-ламаисту достаточно было зайти в храм, повернуть рычажок молитвенной мельницы и удалиться — молитва тобой «произнесена».

Да, именно так. И создавалась сугубо прагматическая концепция — «молитва молитвой, но и делать что-то надо». Резким неприятием буддийских заповедей ухода от мирских забот отличалось прагматическое китайское крестьянство, принявшее эту религию только как религию для мертвых, религию смерти. Хотя мы с полным правом считаем, что Китай долго был буддийской страной, более того, в Китае с легкой руки проповедника Буддидармы родился фактический антипод идеям Гаутамы — дзен, или чань-буддизм. Как религия живых и для живых, буддизм не оставил следа в суеверном сознании прошлого Китая.

Буддизм почитает в качестве высшего божества самого Гаутаму-Будду, но допускает существование в некой беспредельности Вселенной, где есть бесчисленное множество будд, Будду всех будд — Амитабху. С течением времени, превращаясь так или иначе в религию господствующего класса (такова судьба всякой религии в антагонистическом обществе), буддизм должен был ввести систему обязательных обетов, систему наказаний за несправедную жизнь и

вероотступничество, да и некоторую иллюзорную, но зримую картину блаженного существования до исчезновения при достижении нирваны. Так, в буддизме появляются воины, будды — охранители веры, появляются ад и даже рай, которым можно насладиться, достигнув состояния будды. Откуда пришли эти представления? Только ли это дань прошлым представлениям о подземном царстве тьмы или роли древних жрецов и шаманов, или это элементарная мечта о некоем «золотом веке», а может быть, определенная трансформация социальной истории в сознании людей, веривших в чудеса?

Конечно, нельзя сказать, что христианство, провозгласившее, как известно, тоже вненациональную и внеклассовую религию, доступное для каждого на земле учение Христа, было порождено буддизмом, но наверняка последний влиял в какой-то мере на христианские догматы. Во всяком случае, как мусульманство возникло под влиянием христианства, так обе эти системы, несомненно, опирались на положения и постулаты буддизма.

Три верховных божества трех мировых религий включили в себя функции неисчислимых духов, небожителей, божеств. И все-таки у каждого из трех богов — Будды, Христа и Аллаха — были прямые помощники на небесах и противники под землей, а на земле — верные их слуги: ламы, монахи, муллы. В небеса были устремлены дацаны и ступы, церкви и костелы, мечети и минареты. Новые боги и новые религии тоже связывали себя с небом, разница лишь в том, что в течение тысячелетий разные племена и народы видели в нем надежду и спасение в этой, земной, жизни, а буддизм, христианство и ислам отнесли их по ту сторону бытия.

Наконец мы подошли к той реальной противоположности мировых и традиционных религий и верований,

которая наиболее ярко проявилась в истории Китая. В чем был смысл, основа прежних народных верований? В том, чтобы живым на земле было всегда хорошо, всегда сытно, дети были здоровыми и природа благоприятствовала всем. Что предлагают мировые религии? Буддизм — стойко переносить кару, если даже она мучительна, тогда постигнешь истину и, достигнув состояния нирваны, найдешь вечное блаженство. Христианство — воздаяние на небесах, жизнь в райских кущах и успокоение после непосильного, беспросветного труда в земной жизни. Мусульманство говорило то же, что и христианство, подчеркивая необходимость терпения; терпение и обещание там — за пределами бытия — мира наслаждений. Обратите внимание: боги, захватившие власть над умами и делами миллионов, перестали беспокоиться о земной жизни верующих, обещав при усердии в молитвах им, поклонении им, следовании их заветам достойную жизнь лишь после смерти. «Оттуда», как известно, никто еще не возвращался, и проверить обещания было невозможно. Удобные религии, позволявшие одним глумиться над другими, добиваться прощения собственных грехов щедрыми жертвоприношениями на божеские нужды, ну а большинству рекомендовалось смиряться со своей участью и не препятствовать тому, что начертано самим провидением.

Китайское крестьянство, кормившее и одевавшее огромные массы своих соотечественников, не могло мириться с буддистскими загробными «благами» и поэтому всегда почитало только своих предков, обязанных, по их представлениям, обеспечить достаток и здоровье семье потомков, в также духов — хозяев местности, чэнхуанов, которые должны были обеспечить урожай и спокойствие на земле, где живут люди.

Но и те же китайцы, как и все народы, задумывались о том, что происходит после смерти. Единственным допущением было вечное существование какой-то субстанции предка, а значит, признание необходимости кормить эту субстанцию, приносить ей жертву. И только. Ну а описание подземного мира, обеспечение благоприятного положения умершего в потусторонней жизни — этим у китайцев занимались буддисты и даосы, «захватившие» сферы потустороннего.

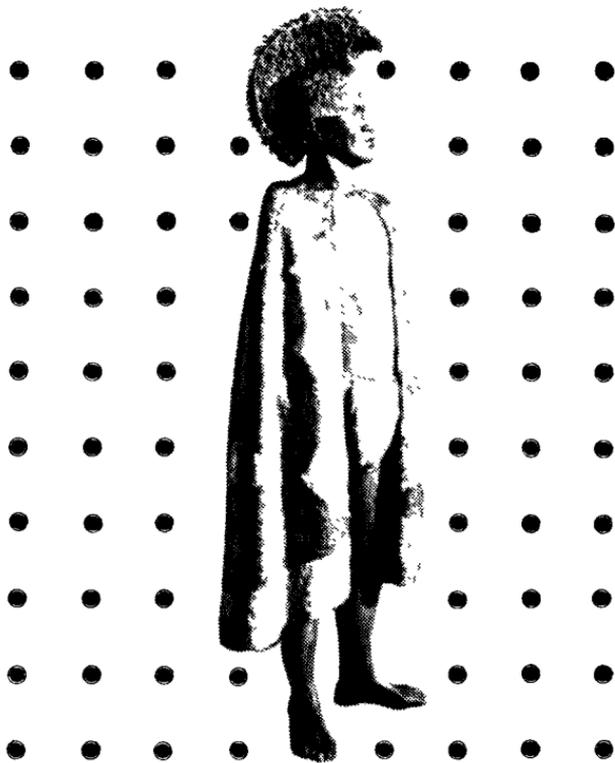
Конечно, человеку трудно смириться с тем, что жизнь его не есть начало реального бессмертия. Трудно понять, что вечно человечество, а человек смертен. Вот и ищут люди надежду на продолжение жизни за чертой жизни, причем чаще всего иной жизни, более радостной и светлой, как вознаграждения за страдания в реальном бытии. Вот и взялись эксплуатировать эту надежду, это желание жизни и после смерти мировые религии, выросшие из фантастико-идеалистических воззрений традиционных народных верований, имеющих многотысячелетнюю историю.

Наказанные духи, низвергнутые боги

Этюды о народных знаниях
и народном атеизме

Надо наказать духа-хозяина

представьте себе такую картину. Лето, примерно середина июля. Наш

XX век, его 30—40-е годы. Самый центр плодородной великой китайской равнины, лежащей между реками Хуанхэ и Янцзы. Деревня. Дома, вытянутые вдоль одной центральной улицы, смотрят на нее гладкими стенами и создают впечатление сплошной двусторонней глинобитной стены с небольшими вырезами калиток и неширокими, высокими, вровень с крышей, закрытыми воротами.

Да, улица упирается одним концом в небольшую площадь, в арку, отмечающую восточный вход в деревню с благопожеланием путнику навестить «Место у чистого источника» (так называется деревня) и каменную нишу, где высится почти двухметровая фигура деревянного духа — хозяина деревни и всей местности Чэнхуана. У его подножия — масса бумажных цветов, чаши с едой, курительные свечи.

Дело к вечеру. В это время семьи обычно усаживаются во дворе под навесом к вечерней трапезе. Вдруг с западного конца улицы раздается шум трещоток, звон гонгов,

крики: «Выходи!» Люди выскакивают на улицу. Мальчишки радостно, с удовольствием кричат: «Выходите, пойдемте накажем духа — хозяина Чэнхуана!», «Пойдемте накажем!» Процессию возглавляет старец.

Чэнхуан, дух — хозяин деревни «Место у чистого источника», серьезно провинился. Дождя нет уже более двадцати дней. Поля иссохли. Каждая семья и все жители вместе постоянно приносят Чэнхуану жертвы и просят дождя. А дождя нет и нет. Кто виноват? Он — Чэнхуан! Ведь это он несет обязанность духа — хозяина местности, это он должен договориться с Небом, чтобы вовремя шел дождь, чтобы хорошим был урожай.

«Пойдемте накажем Чэнхуана!» — кричит толпа, и уже к площади по улице идет вся деревня — 10—12 тысяч человек. Большие и маленькие, мужчины и женщины. В воздухе стоит страшный шум от трещоток, от гонгов, от криков: «Накажем Чэнхуана!»

Вот и собрались они, гневные, обиженные, на площади перед нишей с Чэнхуаном. Задние не видят, что делается впереди, а передние несколько неуверенно толпятся перед изображением духа-хозяина.

Смолкли трещотки, смолкли гонги и крики. Толпа молчит. Представьте себе 10—12-тысячную толпу перед духом-хозяином, молчащую, угрюмую, гневную. Да, Чэнхуану не поздоровится! Только дождь, внезапный дождь мог бы принести ему спасение и вернуть уважение обманутых в своих надеждах жителей деревни. Но небо безоблачно, и даже скрывшееся солнце не унесло дневную жару. Нет, дождя не будет! Участь Чэнхуана решена!

Старец деревни подошел совсем близко к местному божеству и спокойно сказал:

— Мы просили тебя, Чэнхуан, по-хорошему. Мы носили тебе еду и цветы, зажигали благовонные свечи.

Мы просили спасти наш урожай, но ты не отвечаешь на наши просьбы. Нам ничего не остается, как наказать тебя.

Старец взял у стоявшего рядом юноши бамбуковую палку и ударил ею Чэнхуана. Это послужило сигналом —

все по очереди ударяли Чэнхуана, сбивая краску с его деревянного тела. Били местное божество и приговаривали:

— Будешь помнить свой долг, будешь исполнять наши просьбы?!

Далеко за полночь расходились удовлетворенные жители деревни — они поступили справедливо, наказали бездейственного Чэнхуана. Последним уходил старец деревни. Он повернулся к Чэнхуану и сказал на прощание:

— Учти, что бить палкой — только первая мера. Не будешь исполнять свой долг, мы сполна с тобой рассчитаемся. Нам не нужно такое божество, которое ничего для нас не делает!

Прошло еще десять дней, дождя все не было, и погибали растения.

Чэнхуан — в поздней китайской мифологии бог города

И опять с западного конца деревни раздался крик: «Пойдем накажем, рассчитаемся с Чэнхуаном», загремели трещотки, зазвучали гонги. Такого же размера толпа, как и в первый раз, собралась на площади перед Чэнхуаном. Никому из стоявших сзади ничего не было видно, и они пытались хотя бы догадаться, что же происходит там, у ниши, где стоит божество?

А у ниши происходила примечательная церемония.

Опираясь на посох, перед Чэнхуаном стоял старец. Лицо его было гневным. Дождавшись относительной тишины, он неожиданно визгливым голосом прокричал:

— Ты неблагодарное и несправедливое божество. Мы поставили тебя на солнечной площади, чтобы ты заботился о нас, о наших полях, о наших животных, об установлении правильного порядка на нашей части Поднебесной — в нашей деревне. Мы постоянно приносили тебе жертвы. Мы даже побили тебя, чтобы напомнить о нас и наших предках. Ты остался глух к нашим просьбам. Или Небо от тебя отвернулось? Такой ты нам не нужен. Мы решили не только наказать тебя, но и уничтожить. В свидетели мы берем Небо, оно не будет против нас. Ну, мблодцы, начинайте! — обратился старец к юношам, стоявшим рядом с ним.

Юноши с криками бросились к нише, вытащили Чэнхуана и стали крошить его. Через мгновение уже вся толпа пришла в движение. Каждому хотелось что-нибудь оторвать, отколоть от Чэнхуана. Крики, хохот, пыль стояли над площадью. Наконец все успокоилось, толпа отошла от ниши и с удивлением люди увидели, что в нише не осталось никаких следов Чэнхуана. Его по кусочкам растащили. Осталась деревня без духа — хозяина местности, без Чэнхуана.

Какой-то испуг опустился на лица пожилых, да и молодым было неуютно перед пустой нишей.

— Сородичи,— вдруг раздался вновь над площадью голос старца,— не надо отчаиваться. Мы уничтожили, наказали бездеятельного Чэнхуана, мы же поставим нового хозяина, создадим его. и он будет честно исполнять свой долг.

— Создадим, сделаем,— радостно загудела толпа.

Под руководством старца десятки умельцев пошли в дальний лес, где еще можно было найти большие деревья. Выбрали хорошую толстую сосну. Спилили ее, приготовили чурбаны, принесли их в деревню. Вдали от любопытных глаз отобранные старцем резчики по дереву создавали новое местное божество, нового Чэнхуана. Там, где его делали, никто не имел права появляться, кроме старца и мастеров. Кто и что резал? Кто и чем красил? Никто не знал, но к концу четвертого дня тело нового Чэнхуана было готово. Трем старым женщинам приказали изготовить костюм Чэнхуана — несшитую генеральскую юбку-передник, куртку, сапоги на толстой прошивной матерчатой подошве. Сам старец сделал крылатый головной убор для божества.

Утром пятого дня после уничтожения старого Чэнхуана новый дух был совсем готов. Вновь в небо полетели теперь уже радостные крики, взметнулись песни. Огромная толпа вновь сопровождала юношей, которые шли за старцем и несли на вытянутых руках нового двухметрового Чэнхуана.

Все дошли до восточной площади. Старец подал знак, и нового Чэнхуана установили в нише. Тут же кто-то поставил чашу с рисом, кто-то бросил цветок из бумаги, кто-то возжег свечи. До полудня ходили деревенские одиночке и семьями к Чэнхуану, одаривая его, пред-

ставляясь ему и прося у него помощи, поддержки в своих делах, в жизни деревни.

Поздно вечером на опустевшей площади появился старец. Он был один. Он подошел к нише, опустил на колени, укрепил тонкую благовонную свечу, зажег ее и произнес:

— Ты — новый Чэнхуан, ты — наше божество, наш покровитель и защитник. Просим тебя, помогай нам, не заставляй нас гневаться на тебя, наказывать тебя!

Старец встал с колен и пошел домой, с трудом различая дорогу в наступившей темноте жаркой июльской ночи.

Несомненно, подобная ситуация уникальна в принципе, но совсем не уникальна для старого Китая, где рациональный взгляд крестьянина на взаимоотношения между ним и богами был нормой. Такое смелое и вольное обращение со своими духами и богами расковывало сознание народа, снимало преграду между мирами людей и богов (возникали представления, похожие на «врожденный атеизм» китайцев). Истоки подобного положения коренились, конечно, не в «естественном атеизме», а в глубоко пронизывавшей все слои китайского феодального общества идеологии прагматизма, выраженной довольно отчетливо в культе императора. Прагматизм на уровне трудящихся проявлял себя в форме рационализма как реального средства жизнеобеспечения самого себя, своих сородичей и своего потомства.

Не исключено, что питательной почвой подобных воззрений и высших и низших слоев общества старого Китая была натурфилософская концепция древности

ян-инь («светлое — темное», «мужское — женское» и т. п.).

Концепция исходного дуализма мироздания стала не только базой высших и низших форм китайских идеологий, включавших и религиозно-мистические представления различных социальных слоев формирующегося классового общества, но и в более позднее время оказала серьезное и даже во многом решающее влияние на многие народы и страны Восточной и Юго-Восточной Азии. Диалектическое противопоставление активного и пассивного, положительного и отрицательного, светлого и темного, мужского и женского было объективной реальностью, природной очевидностью.

Сам дуализм философского истолкования причин и следствий явился уже почвой для будущего появления как атеистических идей, так и религиозных в мистико-алхимической форме, которую проповедовали и в средневековом Китае, и в средневековой Европе. И все-таки наиболее законченно, как бы статусно оформлено выглядят толкования, опирающиеся на признание дуализма мира, явлений природы и общества в китайской натурфилософии ян-инь, ставшей базой и этико-моралистического и политического учения Конфуция, и философско-религиозного даосизма, и тем более концепций, персонифицирующих природные явления, проявлявших себя в культах предков — хозяев местности чэнхуанов.

В основе идей философии ян-инь лежит представление, что естественно-очевидное взаимодействие первооснов ян — мужского начала и инь — женского начала породило Небо и Землю, пять исходных элементов, а затем на их основе — и все сущее, все существующее в мире.

Мир, Вселенная не какая-нибудь абстракция, а очевидное бытие, нечто явно материальное. Основатель фи-

лософской школы даосизма Ли Эр, известный по китайским канонам как Лао-цзы — старец-философ (по легенде Лао-цзы родился лысым стариком значительно раньше Конфуция), назовет это материальное бытие дао, состоящее из известной столь же давно исходной субстанции ци.

*Ян и Инь. Образ Солнца (мужской) — Ян
и образ Луны (женский) — Инь*

Ци комментаторы китайской литературно-философской классики в самом Китае и за его пределами понимали как некое определение идеалистического понятия «дух», их противники называли ци «эфиром», хотя и эфемерной, но все-таки материальной в своей сути частью мироздания. Древние материалисты, как и материалисты средневековья, воспринимали ци как обозначение первоматерии. Ян-инь в древнекитайской натурфилософии является дуалисти-

ческой первоосновой, порожденной движением ян, когда движение зародилось, а инь, когда оно достигло крайних пределов.

От движения родилось Небо, а Земля — от покоя. Все существующее — производное от движения и покоя, как самого истинного пути Неба и Земли. Именно таким путем выражает себя материальное существование дао.

В китайской натурфилософии дао — закономерность проявления ци и, будучи началом сущего и сущности, понимается как объективная и абсолютная истина. Отсюда и возникли мистические социально-политические представления о том, что беды и несчастья людей — всего лишь ненужные вмешательства их самих и их правителей в естественные проявления дао. Даоская философия породила концепцию возвращения в природу, прекращения суетности социальных действий. Эти принципы с необыкновенной легкостью перешли от философского даосизма в даосскую религию, когда она начала оформляться под влиянием буддизма, закреплявшегося на китайской почве в середине I тысячелетия нашей эры. Первоначальная натурфилософия оказалась вполне совместимой с позднейшей откровенной мистикой и алхимией, поисками эликсира бессмертия.

И все же натурфилософские идеи древних не могли не отразиться на критических взглядах относительно богов, духов и самих религий.

Древнее учение логично строит первые пять элементов мироздания — земля, дерево, металл, огонь и вода. Сами первоэлементы в постоянном взаимодействии сменяют друг друга. Землю сменяет дерево, дерево сменяет металл, металл сменяет огонь, а огонь — вода. Такая констатация хотя и глубокомысленна, но не наглядна, и тогда определяется, подсказывается их взаимозависимость: вода

тушит огонь, огонь плавит металл, металл рубит дерево, дерево растет на земле, земля порождает воды — и так с самого начала все логично, все разумно. Замена одного первоэлемента другим порождает, думали древние, и смену в природе, а если сопоставить такую смену с расположением планет на небосклоне да подметить связь смены в природе с расположением той или иной планеты, то можно допустить планетарное управление природными преобразованиями.

Отсюда возникли как вполне вероятные связи Юпитера с деревом, восточной стороной света, с зеленым цветом и весной; соответствующими Марсу оказались огонь, олицетворяющий юг, красный цвет в природе и лето; Сатурну — Земля, центр мироздания, желтый цвет (вспомните желтую землю долины Желтой реки — место возникновения китайской земледельческой цивилизации, выражавшей себя эгоцентрически) и время года между летом и осенью; Венера олицетворяла металл, западную часть света, белый цвет и осеннее время года; и, наконец, воде соответствовал Меркурий, символизировавший север, черный цвет и зиму.

Разве увидели вы что-то несуразное в этих цепочках связи планет, первоэлементов, цветов, сторон света, времен года? На самом деле нет. Вполне вероятно. Да, подобное можно встретить в самой действительности!

А разве не имело реального значения для традиционного земледельца местоположение его поля, жилища? Конечно, имело. Это и порождало представления о географии места, «счастливого» или «несчастливого» для человека, его потомства и даже всей страны.

Считалось, что если места для жилья и кладбища предков выбраны удачно, то человеку и его потомству не грозит несчастье. Если же, напротив, отдельного чело-

века или всю страну преследуют беды и несчастья, значит, нужно срочно менять месторасположение. Несчастьем для человека и страны прежде всего являются неурожаи, засухи и наводнения, неудачные войны, эпидемии.

Если конфуцианство выделяло как высшую моральную и духовную силу общества Небо, а в натурфилософии Небо — проявление силы ян, то в геомантике самое значимое — Земля, олицетворяющая и силу инь, и один из первоэлементов, и материнское начало, стоящее у истоков жизни. Поэтому наиболее благоприятным местом поселения и живых и мертвых следовало считать те пространства, где пребывают наибольшие жизненные силы. Чтобы жизненные силы не рассеивались, важно на выбранной территории иметь холм или горы, способные собрать в себя перемещающиеся по земле жизненные силы, нужны и струящиеся воды, которые способны предотвратить исчезновение таких жизненных сил, таящихся в недрах земли.

Геомантика, ко всему прочему, предлагала самим людям скорректировать недостатки географии обитания. Так, если склоны холма или горы не удовлетворяют требованиям благоприятного обитания, а бегущие по ним ручьи от заиления меняют русло, то можно (и нужно) провести земляные работы — срезать склоны, очистить русла. А если на плоскости вообще нет никаких возвышенностей, то можно их компенсировать сооружением пагод и кумирен.

Народная традиция предполагала не только вольное и рациональное обращение с духами, она еще и решала вносить исправления в саму мать-природу ради обеспечения благополучия людям, жизненной удачи им самим и их потомкам. Основанием таких возможностей человека являлись его опыт и огромные, хотя и примитив-

ные, практические знания об окружающей природе, о ее реальных возможностях и даже о взаимосвязях в ней, а также мудрое проникновение в тайны социального бытия на основании здравого смысла.

Весьма примечательны два случая, касающиеся ниспровержения богов, происшедшие во времена, разделенные веками и огромными расстояниями. Первый, происшедший в конце XVIII — начале XIX века на Гавайях, куда прибыл с благой миссионерской целью обращения в христианство туземцев некий немецкий пастор. Заинтересованный в контактах с белыми, умнейший правитель гавайского королевства знаменитый Камеаеа Первый не склонен был, однако, лишать своих подданных их традиционных богов и верований. Надоедливому пастору Камеаеа однажды сказал:

— Хорошо, и я, и весь мой народ будут признавать твоего бога, чужестранец, если ты поднимешься на вершину горы Мануа-Лоа, попросишь своего бога даровать тебе силу и умение, бросишься с вершины и останешься целым и невредимым. Иди на гору и проси своего бога, а я буду тебя ждать здесь, у подножия.

Смущенный пастор сказал:

— Нет, такого мой бог не может сотворить, но ведь и твой не может!

— А я ведь и не говорю, что мой бог лучше твоего, — с усмешкой сказал Камеаеа Первый и гордо откинул красивую, бронзовую от вечного загара голову.

Неудачливый миссионер покинул Гавайи с первым случайным европейским кораблем.

Так был повержен христианский бог словом, и его приход на Гавайские острова задержался на десятилетия.

Иначе были повержены боги в Древней Руси. Речь идет о языческих богах, поставленных князем Владимиром-

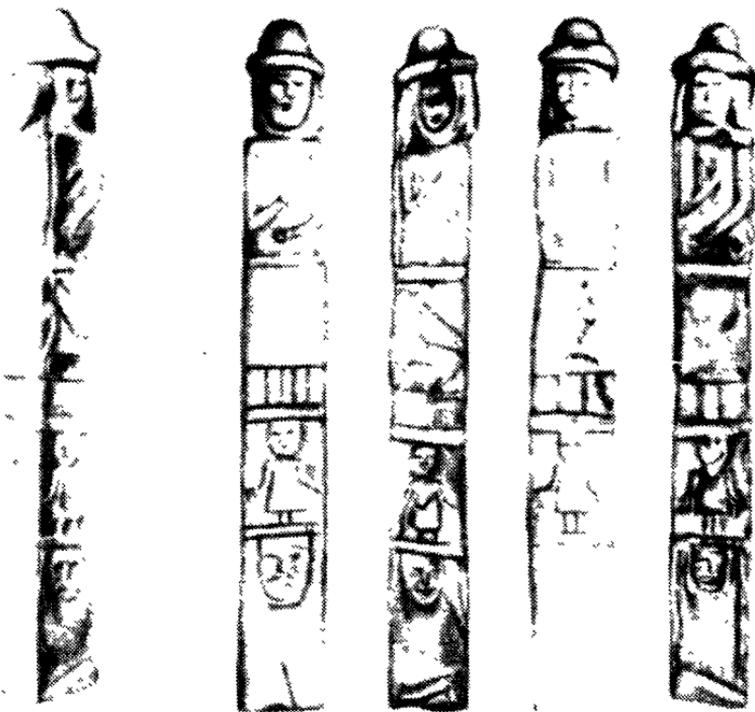
Солнцем на месте христианского храма, сооруженного его бабкой — княгиней Ольгой в самом центре стольного града Киева, рядом с княжеским теремом.

Сложна и драматична была история духовной жизни Киевской Руси в канун ее крещения в 988 году. Несомненно, прав выдающийся советский историк и археолог академик Борис Александрович Рыбаков в своих исследованиях о язычестве славян, в том числе древних русов, когда подчеркивает, что создание пантеона языческих богов Киевской Руси при князе Владимире было политическим актом противоборства военной и духовной экспансии христианской Византии. Уже в начале X века так или иначе христианство проникало в древнерусскую среду, но языческое идолопоклонство было сильно, живучесть и силу свою оно проявляло и много десятилетий спустя после крещения. Хотя княгиня Ольга приняла христианство, она до конца дней своих, особенно в последнее десятилетие, когда ее сын Святослав стал полноправным князем, не решалась в открытую совершать молитвы Христу и даже посещать поставленный ею же храм. Языческие боги Киевской Руси отчетливо несли на себе печать племенных богов, богов — охранителей судьбы, богатства, скота и урожая.

Продолжая дело отца, князь Владимир решил укрепить силу и авторитет языческих богов. На месте разрушенного в 971 году Святославом материнского христианского храма Владимир установил капище идолов во главе с богом воинства и боевой славы Киевской Руси — Перуном. Рядом с Перуном, стоявшим выделенно от всех и сделанным из дерева, разместились пять богов из камня. В ряду каменных богов первыми были божества неба, земли и белого света — Стрибог, Мокошь и Дажьбог, за ними Хорс дополнял Дажьбога, который был сыном Сварога,

самим светом солнца, а сам был солнечной твердью; Семаргл, как бог семян, ростков и корней, дополнял Макошь. Таково было расположение в языческом пантеоне, по

Славянская мифология. Збручский идол. Польша, X в.

князю Владимиру, которое, скорее всего, как считает Б. А. Рыбаков, было творением языческих «теологов», а не самого князя. На самом же капище, предполагает Б. А. Рыбаков, впереди стоял Перун, за ним по бокам —

Стрибог и Дажьбог, а далее — Хорс, Мокошь и Семаргл, названный еще крылатым псом Переплутом.

После принятия христианства в 988 году, через восемь лет после установления канонического капища в центре Киева, каменные боги были разрушены, а Перун низвергнут и сброшен в воды Днепра. Так описывает это событие Б. А. Рыбаков: «Владимир, приняв христианство, оказал особую честь Перуну, возглавлявшему сонм русских языческих богов; идола Перуна с серебряной головой и золотым усом не изрубили и не сожгли, как других идолов, а сволокли с Киевской горы и с эскортом из 12 дружинников проводили по Днепру вплоть до самих порогов».

Языческие боги были низвергнуты ради того, чтобы уступить место новым богам — богу-отцу, богу-сыну и божьей матери. К ним, считает Б. А. Рыбаков, сводили при князе Владимире в 980 году пантеон языческих богов, где особое место отводилось только Перуну, а крылатый пес, как второстепенное божество, мог быть уподоблен крылатым архангелам, зато богу-отцу языческим аналогом был Стрибог, богу-сыну — Дажьбог и матери божьей — Мокошь.

Возможно, такая регламентация языческих богов облегчала принятие христианства, с одной стороны, и долгое сосуществование языческих святынь с христианскими — с другой.

Четырехголовое божество Волин (Польша), IX в

Приход христианского пантеона на смену языческому означал еще больший отрыв от действительности, хотя в политико-культурном отношении он означал выход Киевской Руси на широкую арену мировой истории, последующее возникновение грамотности, способствовавшей, несомненно, общему культурному подъему вышедших из единого восточнославянского этнического котла русских, украинцев и белорусов. Христианизация Руси привела и к серьезным преобразованиям внутри самой мировой религии, вынужденной считаться с глубоким сохранением народных традиций в обрядовой жизни, насыщенной как иррациональными, так и рациональными моментами. Чтобы укрепить свои позиции в широких народных массах, христианство активно включало в свой пантеон святых, исторических и культурных героев славянских народов России и придавало безрелигиозным календарным праздникам церковный характер.

Подобные «операции» с духовными ценностями народов в свою очередь воспитывали недоверие к христианским догматам, порождали сомнение в их божественном откровении, что вместе с постоянно обогащавшимися народными знаниями и опытом способствовало появлению и народного атеизма.

Народный атеизм возникал в тех

*Фаллическая
стагуэтка Лепица
(Польша),
XI—XII вв*

сферах человеческого общения с природой, где объективные ее законы понимались с позиций рациональной жизнедеятельности, с позиций здравого смысла и успешно применялись самими людьми, без вмешательства незримых божественных или сатанинских сил.

Первым и очевидным открытием даже самого правоверного мусульманина, самого неистового христианства, самого смиренного буддиста было то, что, несмотря на строгое соблюдение ими и постов, и молитв, и треб, ни Будда, ни Христос, ни Аллах не оказываются всемогущими, не могут выполнить очевидную просьбу страждущего. Подобное открытие порождало сомнение, а поделиться им со священником было, как правило, небезопасно. В эпоху мрачного средневековья в странах господства ислама или христианства за сомнения люди платили жизнью — их четвертовали, сажали на кол, варили в смоле, сжигали на кострах инквизиции. И все же сомнения были, их питали сама объективная действительность и положительный опыт народа, оставшегося во всех странах практически до конца XVIII века в основном неграмотным, а в подавляющем числе народы мира чаще были до конца XIX века и бесписьменными.

Отсутствие подлинных знаний о природе, обществе и человеке у отставших в культурном отношении и бесписьменных народов, в среде угнетенных трудящихся масс даже развитых государств восполнялось народными знаниями, приобретенными трудовым опытом самими трудящимися — охотниками и собирателями, скотоводами и земледельцами.

Без часов — время,
без измерений — расстояния

звезды здесь, высоко в горах Памира, ближе. Запрокинешь голову в

ночное небо, стоишь и удивляешься, зачем их так много? Куда они торопятся, меняя свое положение по отрезкам времени дня и ночи, по дням месяца? Может быть, они нужны для того, чтобы понимать, который сейчас день, который час? Может быть, нужно вставать и трудиться, а может быть, нужно бросать работу и отходить ко сну?

Смотрит в темное, усыпанное звездами небо юный таджик и пытается найти в их сплетенных узорах созвездие Скорпиона. Оно довольно явно обозначено на небе, повторяя в гигантских размерах своего земного близнеца. Звездам всюду придавали большое значение древние, пытаясь разгадать смысл их видимого к земле движения, найти связи звездного неба с земными делами и судьбами. Юный таджик ищет созвездие Скорпиона и периодически заглядывает в специальную книгу «Соаткома» — книгу гадания по звездам,— здесь показано местоположение созвездия Скорпиона в разные дни года. Юноша давно уже заметил, что указания «Соаткома» не совпадают с тем, что он обнаружил в кишлаке Равмед, лежавшем в одноименном ущелье долины Бартанга. Здесь созвездие, которое, по мнению земледельцев, влияло на начало полевых работ, в первый, одиннадцатый и двадцать первый день месяца находилось на востоке, во второй, двенадцатый и двадцать второй день — посредине между вос-

точным и северным краями неба. В третий, тринадцатый и двадцать третий оно уже было на севере. В четвертый, четырнадцатый и двадцать четвертый располагалось посредине между северной и западной областями неба. «В пятый, пятнадцатый и двадцать пятый,— воскликнул вслух юноша,— оно просто на севере». Так, через каждые десять дней у созвездия свое особое положение — это легко запомнить. Значит, в шестой, шестнадцатый и двадцать шестой оно уже добралось до середины между северной и южной частями небосвода. В седьмой, семнадцатый и двадцать седьмой день — на юге. Надо еще запомнить, что начинается месячный отсчет с востока, идет на север, оттуда — на запад, с запада — на юг, ну а с юга вновь движется к востоку. В восьмой, восемнадцатый и двадцать восьмой день созвездие будет уже между югом и востоком. Юный таджик усмехнулся, увидев закономерность и удивившись, что книга говорит о том же, что такой порядок подметили уже давно, хотя над кишлаком в движении Скорпиона есть и расхождение с картами книги. «Сегодня девятнадцатый день месяца»,— вспомнил юноша и внимательно посмотрел в вышину. Он не нашел созвездия Скорпиона и растерялся. Он хорошо помнил, что вчера между югом и востоком оно было, а сегодня его нет на небе. «Нет в девятнадцатый день, как не бывает в девятый и двадцать девятый, когда оно под земным шаром, на той невидимой отсюда стороне,— всмотревшись в книгу, сообразил юноша и вновь громко добавил,— значит, завтра, в двадцатый день, как и в десятый и тридцатый, Скорпион встанет в зените неба прямо над моей головой».

Юноша в каникулы приехал в родной кишлак из далекого северного города страны, где звезды были очень далеко и их движение было иным, а может быть, это ему только казалось. Приближалось короткое и знойное горное

лето, нужно было помочь обработать участок за домом для посева зерна и посадки овощей. Утром сегодня шел об этом разговор за завтраком, и дед сказал: «Вечером, внучек, посмотри, где будет завтра созвездие Скорпиона, если оно будет прямо перед твоими глазами, как бы смотреть тебе в лицо, то нельзя еще начинать полевые работы. Поверь мне, старики не зря так считали!»

Нет, завтра Скорпион будет над головой, а не прямо в лицо. Запоминать положение созвездия неграмотному крестьянину было трудно, но все же с помощью звезд можно было узнать день месяца и, сопоставив его с практикой сельскохозяйственных работ, выявить наиболее благоприятные дни для дел землепашца.

Не только Скорпион беспокоил горных таджиков, они следили также за поведением планет, считая их хозяевами дней недели, месяца, времени суток. Вокруг доброжелательной, в отличие от Скорпиона, Полярной звезды вращалось семь планет, семь звезд, бегущих по часовой стрелке и отмечающих дни недели. Солнце — воскресенье, Луна — понедельник, Марс — вторник, Меркурий — среда, Юпитер — четверг, Венера — пятница, Сатурн — суббота.

Юный таджик, которого звали Икромиддин, был из семьи Мухиддинов, он не только изучал созвездия и планеты, но, как и его сородичи, определял без часов время дня. Он писал в своем дневнике: «В воскресенье, в момент рассвета, появляется солнце. Этот период времени — считали горные таджики — целиком принадлежит ему. В этот отрезок времени можно, надеясь на успех, начинать любые сельскохозяйственные работы, отправляться в путь, вступать в брак, покупать или продавать что-либо, просить помощи. Нельзя в этот период лечиться от болезней, совершать над кем-нибудь насилие, проявлять жестокость.

Если в это время суток рождается ребенок, то считается, что он будет долгожителем, умным и богатым.

В позднее воскресное утро, часов в десять-одиннадцать, появляется Венера. Этот период времени принадлежит ей. Это время — счастливый час для заключения брака, для интимных отношений с женщинами, для заготовления необходимых пищевых продуктов, для проявления щедрости. В этот период времени нельзя посылать детей в школу и вообще куда-нибудь. Нельзя проявлять насилие. Если в этот отрезок времени рождается ребенок, то, по поверью, он должен иметь беспечный характер, будет страстным и будет любить наслаждения.

Третий отрезок суток — это время Меркурия. Он наступает после предыдущего и длится до полудня включительно. В этот час можно посылать детей в школу (имеется в виду начало учебы), начинать творческую работу (писать книги, статьи, сочинять стихи), давать нищим милостыню. Нельзя сплетничать, нельзя действовать со злым умыслом.

Четвертый отрезок времени наступает после обеда, примерно в три часа дня. Это время Луны, счастливый час для того, чтобы навестить в старые времена правителя, а также духовных господ — сеидов, пиров. Можно лечиться, строить дом, производить сельскохозяйственные работы, кроить, шить, надевать новую одежду. Не дозволено в это время вступать в брак, обильно угощаться, иметь тайные злые намерения.

Затем наступает время Сатурна — период между двумя молитвами — послеобеденной молитвой и молитвой перед заходом солнца. В это время желательно приступить к приготовлению продуктов для свадебного застолья и проявлению щедрости. Запрещается проводить новые ирригационные каналы, заниматься полеводством, на-

чинать строительство дома, сажать деревья, продавать или покупать что-либо, кроить, шить и надевать новую одежду. Если в этот час рождается ребенок, то он не будет счастливым. Аналогично созвездию Скорпиона звезда Сатурн появляется и днем, и ночью. Днем при солнце ее не видно, но люди должны знать ее местоположение на небосводе, иначе их постигнет неблагоприятие: болезнь, неудачи в делах и т. д. Эта звезда опасна, когда она находится «под землей» — на невидимой части небосклона. Она еще опаснее, если при выходе из дома лицо вышедшего будет повернуто в ее сторону.

Шестой отрезок времени принадлежит Юпитеру. Его время наступает после захода солнца, после двух молитв. Этот час благоприятен для отправления в далекий путь, для кройки, шитья и надевания новой одежды. Нельзя с кем-либо драться или иметь намерение подраться, навещать правителя или пира, пойти к ним решать какие-либо вопросы или начинать крупные дела.

Последний, седьмой период дневного времени принадлежит Марсу. Это время называется «конец дня», когда темнеет. Считается благоприятным в этот период отправляться в путь, готовиться к ссоре, вражде, лечиться, принимать лекарства. Запрещается красить, шить, надевать новую одежду. Если в это время родится ребенок, из него вырастает злодей, приносящий людям несчастье.

За этим периодом наступает ночь — время Меркурия.

Следующий отрезок времени, когда люди собираются спать, принадлежит Луне, затем наступала полночь — снова время Сатурна. Период полнолуния — первый крик петуха — принадлежал Юпитеру, за ним следовало время Марса — две с половиной части ночи. Потом наступал рассвет — время Солнца, а затем — период утренней зари — время Венеры.

Так было в воскресенье, в будни же планеты отмечали отрезки времени, иногда не совпадающие с воскресными.

Икромиддин окончил переписывать записи на листочках в полевой дневник, вышел во двор, еще раз посмотрел на звездное небо, приближавшееся, опустившееся к кишлаку, подумал, что наступило уже время Юпитера, и пошел спать.

Всего в каких-то нескольких сотнях километров на северо-восток от горного Памира, в горной Туве, в тот же момент беспокойно ворочался в своем спальном мешке, брошенном на кошму юрты в гостевой ее половине, умудренный большим жизненным опытом этнограф профессор Потапов Леонид Павлович.

За плечами более трех десятков экспедиций, собранного материала уйма, но жажда знаний вновь и вновь зовет его в экспедиции, в дальние, ставшие родными края тувинских урочищ, долины горных пастбищ. Каждая экспедиция для него и труд, и отдых, и радость. Обычно сон у него крепкий. На саянских горных кручах, где стоит юрта, дышится легко, полной грудью, не то что в прокаленных жарким летом городских кварталах родного Ленинграда.

Что-то беспокоит Леонида Павловича во сне, а может быть, просто перетрудился он сегодня, отметив недавно середину седьмого десятка своей жизни и почти полвека из них в экспедициях и путешествиях. Жизнь торопит. Хочется именно теперь с особой силой подчеркнуть, что обогащало тувинскую народную культуру, тувинский народный быт рациональным, положительным знанием природы и общества. Уже достаточно собрано и записано данных о религиозных и дорелигиозных, доламаистских, дошаманских верованиях. Пора бы пополнить багаж наших знаний о народной метрологии (о народных мерах длины, времени и веса) и метеорологии, о зоотехнике и агрономии. Да разве

мало бесписьменные народы создали полезного и мудрого в системе так называемого традиционного воспитания и образования? «Может быть, известное понятие «народный академик» в большей степени подходит (как народный поэт — к старому акыну) к почтенному и знающему природу тувинскому арату?», — подумал во сне Леонид Павлович и проснулся. Вышел из юрты. Была еще глубокая ночь, правда, в просвете между двумя вершинами в восточной стороне уже показалась светлая полоска наступающего утра. Потапов вернулся в юрту и вновь улегся, но не в мешок, а на мешок и закрыл глаза. Сна не было. Здесь, в горах, даже короткий ночной сон быстро восстанавливал силы и бодрость.

Вот и заглянуло солнце рассвета лучом своим через дымовое отверстие в юрту. Леонид Павлович открыл глаза и решил восстановить по памяти те отрезки суточного времени, которые, по рассказам бабушки Анай, издавна знали все тувинцы. Таких временных отрезков было шесть: 1) от полуночи до рассвета; 2) от рассвета до восхода солнца; 3) от восхода солнца до полудня; 4) от полудня до заката; 5) от заката до наступления полной темноты; 6) от полной темноты до полуночи. Могли быть и более дробные, тогда их было тринадцать: полночь; полночь прошла; перед рассветом — чуть светает; заря наступила; красное солнце появилось; настоящее солнце вышло; малый полдень; большой полдень; солнце закатывается — красное солнце на горизонте; светлые сумерки; темные сумерки; начало ночи; предполночное время.

Обладая завидной эрудицией и владея материалом не только по Южной Сибири, но и по прилегающим областям Западной и Восточной Средней Азии и Казахстана, Потапов с интересом сопоставлял деление суток у тех же таджиков и у тувинцев и видел, что без привязки к планетам, без

предсказательных предначертаний и у тех, и у других народная традиция давала интересные жизненные наблюдения для использования их человеком в своей деятельности.

Проснувшись окончательно, Леонид Павлович вышел из юрты и, как он это обычно делал, решил до завтрака записать набело в дневник пришедшие мысли... Ближе к горному склону лежало толстое бревно. На нем и устроился Леонид Павлович, подложил планшет и записал в дневник: «Собранный нами полевой материал показывает, что народный суточный календарь у тувинцев был основан на системе разделения времени (смена дня и ночи по положению солнца — днем и по степени темноты и расвета — от позднего вечера до раннего утра). Этот календарь был единым для различных групп тувинцев, о чем говорят его градация и названия. Да, у здешних юго-восточных тувинцев сутки делятся на те же периоды, семантика названий этих периодов почти не отличается от западно-тувинской — для суточного календаря употребляется монгольская терминология. Это свидетельствует о том, что при временной утрате родного языка, происходившей под влиянием монгольской империи, юго-восточные тувинцы полностью сохранили свои представления о суточном календаре.

Существенной особенностью тувинского народного суточного календаря является то, что летом он дополняется еще показателями времени дня, определяемыми по освещенности солнцем тех или иных частей юрты и находящихся в ней некоторых предметов.— Потапов перестал писать, задумался: да только ли тувинского календаря, а у кетов, когда через дымовое отверстие солнце освещает тот или иной шест в юрте в зависимости от времени суток, и продолжал запись.— Мы должны отметить, что подобная

система определения времени возникла из бытовых нужд тувинского скотоводческого хозяйства в летний период и могла существовать только потому, что юрта у тувинцев была строго ориентирована входным отверстием в одном и том же направлении, а мебель и размещение ее в юрте были стандартными. — «Плохое, казенное слово», — громко произнес Потапов, зачеркнул его, закрыл глаза, как бы желая отыскать иное, но не нашел и вновь быстро побежал пером по листам дневника: — Такой любопытный способ счисления времени без часов базировался на одинаковой ориентации юрты по древнетюркскому образцу — на восток.

Ниже мы приведем параллельную терминологию суточного календаря по обоим отмеченным выше признакам:

1. Тангадар — рассвет. В это время с постели встают первыми женщины, как наиболее загруженные различными работами по дому...»

— Ики, тарга, — донеслось от входа в юрту приветствие вставшей бабушки Анай.

Потапов закрыл дневник, положил его и авторучку в планшет, ответил на приветствие, потянулся и направился к горному ручью, журчащему невдалеке. У ручья на сосне были пристроены умывальные принадлежности, зеркало, бритвенный прибор, висели полотенца. Помывшись до пояса холодной, освежающей водой, тщательно побрившись, Потапов вернулся в юрту и прошел на переднее место, где уже стоял низенький столик и сидели хозяин, его два сына-школьника. В женском углу хлопотала хозяйка, а бабушки Анай не было еще в юрте. Она ушла доить скотину.

— Побрился, тарга? — улыбочиво спросил вместо приветствия хозяин. — Побрился и будто помолодел лет на двадцать.

— Чего там,— засмеялся Потапов,— говори уже на тридцать. В самый раз будет.

Анай принесла свежее коровье и кобылье молоко. Последнее оставили киснуть на кумыс, ну а коровье подали к столу вместе с горячим чаем, холодной бараниной, теплыми лепешками.

После завтрака до отъезда на дальний соседний аал оставалось часа два, и Потапов вернулся к стволу дерева, достал из планшета авторучку и блокнот и продолжил запись, не хотелось упустить мысли, легко складывавшиеся в фразы.

«Хюн харагата турды,— записал Потапов, поставил перед словом «хюн», что означало «солнце», цифру 2—второй, мол, отрезок дня — и продолжил,— солнце встало на дымовой круг юрты. С этого времени женщины приступают к доению скота (начиная с коров). По общему календарю это соответствует времени восхода солнца.

3. Хюн улунга турды — солнце осветило в юрте жерди купола (через дымовое отверстие), что соответствует времени, когда солнце поднялось от горизонта, начало малого полдня. К этому времени дойка коров заканчивалась, начиналась дойка овец. Пастухи уже гнали пастись коров, и готовились к выходу из аала пастухи дойных овец.

4. Хюн хана бажында турды — солнце показалось на верхушках решетки, составляющей остов юрты. Это был малый полдень. Пастухи пасли дойный скот, удаляясь от аала.

5. Хюн ортузу турды — солнце осветило середину кожных мешков — сумин (в которых хранится различное имущество кочевников), стоящих в «переднем углу» юрты, то есть у стенки напротив входа. Продолжается малый полдень. Пастухи все еще удаляются от селения.

6. Хюн сыртык бажында турды — солнце встало на изголовье постели, осветив кожаную подушку — сыртык. Начинается большой полдень. Пастухи теперь, сориентировавшись во времени, поворачивают скот обратно по направлению к аалу.

7. Хюн тсожек ортузунда турды — солнце появилось на середине постели-кровати (деревянной). Продолжается большой полдень. Пастухи подгоняют дойный скот близко к аалу, а сами идут в юрты обедать.

8. Хюн бут адаанда турды — солнце встало у конца постели. Начинается поздний, вечерный полдень. Пообедавшие пастухи подгоняют скот к юртам. Женщины готовят-ся к доению и привязывают у места доения телят, ягнят и козлят (метод доения был подсосным).

9. Хюн элгиргеге турды — солнце встало на деревянные полки для посуды, находящиеся у дверей направо от входа. Теперь солнце бежит к горизонту, к закату. Женщины доят овец и коз.

10. Хюн улунга турды — солнце в юрте вышло на палки крыши (через дымовое отверстие и открытую дверь), находящиеся направо от входа в дверь. Солнце идет на закат, в это время доят коров и сарлычек. Доение оканчивается уже с наступлением светлых сумерек, солнце уходит из юрты до утра».

Леонид Павлович поднялся со ствола дерева, размялся, перечитал написанное и сам себе громко сказал:

— Такими наглядными, своего рода домашними, «часами» тувинцы пользовались только летом. Ну а зимой солнце большей частью либо скрыто тучами, либо очень короткий светлый день. Главное все-таки — знать время летом.

— Ты о чем, тарга,— от юрты с арканом шел хозяин,— ты мне?

— Да нет, я просто себе.

- Как это — себе? Ты случайно не болен?
- Да нет, все в порядке. Пора, что ли?
- Уже пойдем.
- Да, пойдем, а то до вечера не доберемся.

Потапов с хозяином и обоими сыновьями покинули юрту и пошли на дальний аал.

Шли они не торопясь, полной грудью вдыхая горный воздух, настоенный на травах и хвое. По дороге к дальнему аалу попалась группа пастухов со стадами коров и овец.

Пастухи сгрудились вместе, один из них наклонился, присев на корточки, и чертил на земле небольшой план юрты.

— Зачем он это делает? — спросил у своего хозяина Потапов.

— Хочет узнать, который час. Смотри, тарга, он на плане поместит предметы, бываемые в юрте, посередине воткнет прутик и по тени, отбрасываемой в сторону того или иного предмета, определит, который час и пора ли гнать скот домой.

Потапов подошел ближе. Пастухи расступились, чтобы дать возможность лучу солнца коснуться прутика и отбросить тень.

— Хюн сыртык бажында турды, — воскликнул пастух, чертивший план юрты, — смотрите, тень упала на то место, где лежат кожаные подушки постели. Пора поворачивать к дому.

Пастухи повернули стада к дому, а Потапов с хозяином и его сыновьями пошли дальше, спускаясь по пологому склону к уже видневшемуся впереди на склоне другой горы аалу — нескольким юртам, стоявшим друг подле друга.

Именно в этом аале у родного брата Анай Леонид Павлович узнал много интересного, и особенно то, как тувинцы без метра или аршина определяли расстояния.

Главной традиционной мерой длины у тувинцев был кулаш — расстояние между кончиками пальцев, вытянутых на уровне плеч взрослого человека. Хотя люди по своим размерам неодинаковы, такое расстояние в среднем равно 180—190 сантиметрам. Нормальная длина аркана для поимки скота составляла 30 кулашей. Дымовой круг в малой юрте был равен двум, а в большой — трем кулашам. Охотничий лук был точно один кулаш и в старину служил для измерения земли при посевах.

Помимо полного кулаша была мера длины в полкулаша (по-тувински кулаш — чартын) — расстояние от грудной кости человека до конца вытянутой, как в махе, руки, равное 90—95 сантиметрам. Шкурки часто мерили с помощью узум карыш — длинная четверть — расстояние между вытянутыми большим и средним пальцами.

К мерам длины относился шаг, которым мерили короткие расстояния и расстояния, покрываемые лошадьёю. Широкий шаг по-тувински назывался базым, а ужин кацыр — расстояние, проезжаемое на верховой лошади с утра до полудня; хончин кацыр — расстояние, проезжаемое верхом с утра до вечера.

Для сооружения загона скота определяли необходимую площадь таким образом — к вбитому в землю колу привязывали один конец ременного аркана и, натянув его, обводили, как циркулем, круг.

По-своему, без врачей, тувинцы народными методами лечили больных, по приметам в природе определяли погоду, приближение вёдра или ненастья.

Потапов сделал в своих дневниках, посетив аал брата Анай, еще пять любопытных записей: «1) По наблюдениям тувинцев, на восьмой день каждого нового месяца луна «здоровается» с вечерней звездой, а на двадцать второй день с ней «прощается». По их представлениям, после такой

встречи и прощания с вечерней звездой на следующий день идет дождь или снег.

2) Любопытно, что в основном тувинцы ореол — круг вокруг луны — считают предзнаменованием летом дождя, а зимой — мороза; кстати, как и у кетов, у западных тувинцев появление светлого круга вокруг луны рассматривается как предзнаменование теплой погоды (лошади даже ржут и фыркают, радуясь предстоящему теплу).

3) Вечерняя сверкающая звезда у тувинцев как барометр — если она очень ярко блестит на небе летом, то следует ждать жаркой погоды, если зимой — долгих морозов.

4) Нарынские тувинцы своеобразно лечили лихорадку: кололи козу, снимали с нее брюшное сало, накладывали его на грудь и живот больного, покрывали куском еще теплой шкуры (шерстью вверх), сверху накладывали кусок толстой ткани, смоченной специальным водным составом, и поверх всего надевали халат. Ставили такой компресс вечером, а снимали утром. После компресса в течение семи дней больному давали выпить по маленькой чашке сырого свежего молока и не давали никакого мяса. Через семь дней можно было давать чай, свежее молоко, свежий мягкий постный сыр и кислое коровье молоко.

5) Применяли тувинцы своеобразные хирургические инструменты для пускания крови, чтобы облегчить страдания. Как известно, кровопускание было излюбленным методом лечения многих болезней и в Европе. Для таких целей у тувинцев был железный штырь в 14 сантиметров, похожий на карандаш. Им протыкали вену на лбу при головной боли, на ноге и на сгибе локтя, чтобы снять боль. Острый конец карандаша имел шесть маленьких зарубок — мет, определявших глубину вхождения штыря в вену: у человека можно было до первой отметки, у коровы или лошади — до послед-

ней в зависимости от возраста животного, его тучности и самого места прокола. Коровам такую «операцию» делали при вздутии живота, лошади прокалывали вену у щетки и пускали кровь, если она все время спотыкалась».

Приближался срок окончания очередной экспедиционной поездки в пределы Тувы, в аал к давно ставшей близким человеком бабушке Анай, превосходному знатоку живой энциклопедии народного быта тувинцев. Уже исписаны дневники и тетради, уже кончается лето, и холодными ночами, когда достигаешь перевала, уже летают белые «мухи» — первый, ранний снег новой зимы.

В ленинградские зимние вечера диапроекторы отбрасывают на белое полотно экрана густые и мягкие краски величавых Саян, их трав и лесов, высвечивают обветренные лица старых и молодых аратов и их потомков, сумевших не просто верить природе и придуманным духам, но и пытавшихся понять природу и заменить духов, когда духи были или бессильны, или бездеятельны. Всмотривались мы в картины и людей центра Азии и, не перебивая, слушали долгий, неторопливый рассказ Леонида Павловича Потапова и его спутников об очередной экспедиции в Туву.

Скорее всего, нет и не было такого народа, который не считал поиск истины важной частью своей жизни, своего самосовершенствования, включавшего возможность разговаривать с окружающим миром на равных, партнерски, а не только верить тревожно, отчужденно. Верить всегда проще, чем знать. Вера нередко просто освобождает от знания, от мучительного и часто трудного пути в поисках истины.

Можно уже было убедиться, что в ранний период истории, когда люди занимались исключительно собирательством и охотой, зависимость человеческой жизни от при-

роды была абсолютной. Такой хозяйственно-культурный тип ведения хозяйства не очень верно называют еще «присваивающим типом». Неверно потому, что для самого «присвоения» даров природы — охотничьей добычи (например, мамонта или слона, бизона или зубра) человеку нужно было совершить длинный ряд различных продуктивных (производительных) действий: устроить яму-ловушку, организовать загон или облаву, создать орудия или оружие охоты, создать орудия разделки туши и т. п. Даже для того, чтобы собрать съедобные корни, их надо было выкопать специальными приспособлениями. Таким образом, возникало противоречие между кажущимся абсолютным присвоением и, значит, полной зависимостью от природы и ситуацией, когда человеку приходилось самому овладеть частичкой природных сил, чтобы сделаться подобным им, а это с той же неизбежностью порождало появление реальных представлений, реальных знаний о самой природе вещей.

Но вернемся еще к нескольким фактам традиционных положительных знаний народов наших северосибирских просторов. Почему именно этих народов? Да потому, что у них в силу сложившейся исторической ситуации насаждавшиеся мировые религии — а они в этих районах были представлены все — не сумели в предоктябрьский период полностью уничтожить оригинальную и самобытную картину духовной жизни. Естественно, что положительные знания следует искать именно в тех сферах деятельности людей, которые выполняют функции их жизнеобеспечения в конкретной экологической нише.

Вторжение в зону обитания коренных народов Севера и Сибири новой технологии, активно разрушающей травяной и моховой покров, сам верхний слой почв, обнажающей безжизненные ледяные линзы, а также применение новых

орудий труда охотниками и рыбаками — не просто огнестрельного, но и скорострельного оружия, — сочетающихся с механизированным сухопутным и водным транспортом, совершенно меняют их жизнь. Одно из самых главных последствий этих сдвигов в сознании — когда пришлое население позволяет себе варварски обращаться с природой, нарушая извечный традиционный принцип предков — «что достаточно, то достаточно». По этому принципу ни один охотник не будет бить дичи больше, чем ее необходимо для нормального пропитания, никто не будет пилить или рубить кедр, чтобы собрать шишки с него, никто не бросит непотухшего костра в тайге, опасаясь пожара, способного уничтожить и корм животных, и самих животных. Конечно, и сегодня какой-нибудь старенький хант или селькуп объяснит такие поступки требованиями духа — хозяина самой тайги или отдельных видов животных, но все же чаще можно услышать наивно-здоровые по смыслу рассуждения: «Комары полезные. Они созданы богом в помощь человеку. Комары сгоняют оленьё стадо в места, где пастухи разводят курево — костры дымные из гнилушек. Если бы не было комаров, то олени бы все разбежались по лесу».

Долгие годы работающая у хантов Надежда Лукина подчеркивала своеобразный рациональный смысл увещаний одушевленной ими природы. Так, они, обращаясь к бытовым предметам, просили их служить дольше, а гром пройти стороной, что лучше и для него, и для людей. «При устройстве временного жилища зимой, когда требуется наломать веток на подстилку, человек объясняет дереву: «Не могу же я спать на снегу!» Ханты, как и селькупы, строго следили за соблюдением сроков охоты. Во-первых, весной она запрещалась в тех местах, где имела место осенью. Во-вторых, не допускалась охота на отдельных маток и молодушек, а на пушного зверя и в период его линьки.

«Как крестьянину,— писал В. В. Васильев в 1929 году,— не придет в голову снять недозревший хлеб, так и туземец не бил раньше «невыходную» пушнину». Природоохранительные функции были стихийно заложены в сакральных запретах на добычу тех или иных животных в определенных социальных коллективах. В одних группах не разрешалось есть щуку, в других — убивать летучую мышь, и таким образом стихийно регулировалось сохранение разных видов.

Ханты прекрасно ориентировались на местности. Бывало, охотничья тропа уводила их с Ваха на Таз, в енисейскую тайгу, на расстояние до 1000 километров, но они всегда легко возвращались домой, а если оказывалось, что охотник заблудился, он был спокоен, присаживался на корточки, разравнивал снег или землю, брал прутик и восстанавливал свой маршрут от дома к этому месту. Память у охотника блестящая, он запоминал все главные ориентиры и спокойно возвращался. Если приезжие, как о них говорили, с материка пользовались главной водной магистралью, имевшей тенденцию постоянно отклониться, изогнуться, разделиться на протоки, то хант, будучи с реками и водоемами на «ты», спрямлял путь, пользуясь боковыми притоками, а то и волоком.

Волок — это когда вы свою уютную лодку-долбленку тащите посуху, чтобы перейти из одной речки в другую, из одного озера в другое. Неудивительно, что, выйдя из дому с хантом в одно время, на установленное место вы (на современных видах транспорта, по основной магистрали) прибываете много часов, а то и дней спустя после ханта. Неудивительно поэтому и существование самого чуда «таежного телеграфа». Вы еще в пути, вы никогда не были в том месте, куда направились, а о вас уже знают. Как, почему, откуда? Да вот так — кто-то выехал из того же

места, где вы были, и двигался далеко впереди вас, сообщая о вас встречным как об одной из новостей.

Охотник должен знать много: и какая будет погода, каким будет «урожай» зверя, какой — вода. Ему было известно многое и о полезных свойствах растений. Как ханты легко пользуются дарами природы, писал в 1882 году Б. Шостакович: «Все, что составляет здесь промысел, все, что является здесь первой необходимостью для человека, на какой бы ступени развития он ни стоял,— все это создание инородческого ума... У ясашого нет веревки, он достанет тонкий корень кедра или сдерет заболонь черемухи — саргу; нет угля, он наберет особого, обратившегося в торф пучерсаду, отлично заменяющего трут и угли; нет трута, он найдет нарост на березе, чагу, заменяющую также кирпичный чай; нет полотенец, он настружит черемуховой заболони и ею вытирается...»

Заболееет хант, поранится хант, он вновь обратится к природе, и она даст ему медвежье сало и пареный ягель, чтобы снять ревматическую боль в суставах. Расстроится желудок — ешь сушеную смородину или кедровые орешки вместе с шелухой. Рану покрывали тонкой берестой и засыпали толчеными ракушками.

Так же прекрасны были осведомлены о возможностях природы и ее ресурсах дальневосточные и чукотские рыболовы и охотники на морского зверя.

Рыболовы Амура и Сахалина до малейших подробностей, до каждой нерестовой ямы знали водоемы, где промышляли. Зная повадки различных видов рыб, они легко могли сказать, где и какая рыба находится в данное время года, суток, что определялось уровнем воды, ее течением, силой ветра в солнечную или ненастную погоду. По направлению ветра они могли предсказать силу шторма в море и направление при этом движения рыбы и морского зверя,

известны были им и закономерности приливно-отливного движения.

Прекрасный полевой этнограф, выдающийся основатель ленинградской школы Андрей Александрович Попов писал: «Каждое сложное орудие охоты является отражением комплекса различных знаний человека. При выделке каждого орудия учитывались специфические географические условия, привычки животных и, наконец, находили практическое применение законы механики». Если бы человек сам не считал себя творческой личностью, а только надеялся на духов, то он бы никогда не стал человеком.

Так, у эскимосов и береговых чукчей до появления в конце XIX века железных однотипных наконечников выбор тех или иных форм наконечников в каждом конкретном случае зависел от вида животных, от места их обитания или места их промысла.

Знаменитые еще с древнеберингоморских культур поворотные костяные гарпуны, бытующие и у современных эскимосов и чукчей, — изобретение соответствующей экологической ситуации. Поворотный гарпун распространен в северной части Тихого океана, где практиковалась охота на открытой воде с большим количеством плавучего льда, у полыней, на кромке припая: на Чукотке, Сахалине, на побережье Охотского моря. Дело в том, что торчащий из тела животного наконечник простого гарпуна с привязанным к нему линем легко обламывался о кромку льда и саму льдину, когда подраненное животное ныряло под лед, пытаясь уйти от охотника. Поворотный же гарпун глубоко закреплялся в теле животного, а на поверхности оставался только один лить — он легко мог тоже уйти под лед.

В охоте на ластоногих, особенно моржей, использовали метод хлопушки, который хорошо описал основоположник русской советской этнографии Владимир Германович Бого-

раз. По воде хлопали специальными пластинами из китового уса. Звуки от таких ударов напоминали сигналы, издаваемые касатками во время нападения на моржей. Моржи готовились к отражению атаки и опускали головы в воду. Охотники же тем временем подплывали к стаду на близкое расстояние и прицельно бросали гарпун. Конечно, с появлением огнестрельного, особенно нарезного, оружия охотиться можно было и с больших расстояний, но довольно часто прицельный полет пули сражал моржа, и он уходил под воду быстрее, чем охотники на лодках успевали подплыть к нему. Охота традиционная, с хлопаньем пластинами китового уса, продолжалась до начала 30-х годов нашего века.

Знать природу, ее условия было необходимо не только охотникам, рыбакам и собирателям Севера и Сибири, но и тем народам, которые занимались оленеводством — самым прогрессивным занятием в высоких широтах, самой оптимальной хозяйственной деятельностью и в наши дни.

В традициях оленеводства в европейской и азиатской, включая чукотско-камчатскую, тундре главным элементом народных знаний, рационального народного опыта было знание как природных условий выпасов и перекочевков, так и природы самих оленей.

Олени круглый год содержались и содержатся на подножном корму. Подкормка их в хозяйствах кочевников прежде никогда не практиковалась, нынче же в европейской части, особенно у коми-ижемцев, она иногда бывает.

В течение года в европейской части оленеводы со своими стадами совершали сезонные перекочевки: весной, примерно с марта, — к северу, нередко до самого берега Ледовитого океана, где животные меньше страдали от комаров и мошки,

осенью, с августа,— обратно к югу, к границе лесов, где олени, укрытые от холодных зимних ветров, без особого труда добывали корм из-под рыхлого снега.

В азиатских тундрах, где перекочевки — время их начала, маршрут, так же как и в Европе, выбирают самые знающие, почтенные люди, пути кочевания определяются по четырем категориям пастбищ: зимние, с незначительным снежным покровом, чтобы легко добыть мох, весенние, летние и осенние, изобилующие травой, которой питаются олени. Могут быть и были перекочевки как бы по замкнутому кругу протяженностью в один конец до 200 км и более. Весной стада перегоняются вверх по течению рек в горные районы или тундру, где меньше комара и мошки, которые изнуряют оленей и препятствуют повышению их веса. Стада пасутся здесь все лето. В начале осени начинается движение в обратном направлении — к побережью Охотского моря, на зимние пастбища. Если европейским оленям зимой было теплее в зоне лесов, то азиатским (особо камчатским и чукотским) — на побережье, омываемом теплыми течениями.

При весенних перекочевках пустухи европейских и азиатских стад выбирали специальный маршрут, защищенный от резких холодных ветров, чтобы разделить стада на маточные и стада самцов и обеспечить успешный отел важенок.

Прекрасно различая оленей по возрасту и зная, что в физиологии животных соответствует данному возрасту, оленеводы проводили успешное лечение животных. Традиционно производился ежедневный осмотр оленей, лечение копыт, весной проводили кастрацию, отпиливали верхние ветви рогов самцов перед гоним (в конце лета — начале осени), с тем чтобы они не повредили друг друга в брачный период.

Рациональным навыкам в хозяйственной деятельности, в организации домашнего быта народы Севера и Сибири обучались с детства. «С детства, — пишет видный исследователь европейских оленеводов-ненцев Людмила Васильевна Хомич, — оказываясь лицом к лицу с суровой северной природой, ненцы вырабатывали навыки ориентировки в самых разных условиях, заимствуя опыт у старших. По сочетанию самых разных примет они учились находить нужное направление, используя уже накопленные до них знания в области географии, естествознания, астрономии. Ненцы, как и другие народы, хорошо ориентировались по звездам, знали некоторые созвездия и их местоположение относительно стран света в разное время года.

Зимой находили дорогу по снежным застругам, которые от преобладающих ветров в тундре всегда располагаются, как правило, в одном направлении. Охотник или оленевод, отправляясь в путь, замечал, под каким углом к застругам он выезжал из дому, а затем уже на всем протяжении пути придерживался определенного направления. Он также обращал внимание на кусты, торчащие из-под снега: с подветренной стороны на них нависают ледяные сосульки, по ним легко держать верный путь. По следам санок и оленей каждый ненец мог легко сказать, сколько было санок и оленей, когда и куда поехали! В метель, чтобы не сбиться с дороги, ненец останавливался, замечал направление. И после непогоды, когда все окрест покрыто снежной первозданной пеленой, он сравнительно легко добирался до места назначения. Жители тундры обладают очень хорошим зрением, на большом расстоянии они могут различить ничтожную возвышенность и сделать ее ориентиром для выбора направления движения оленей.

Проезжая по малознакомой местности, ненцы обычно обсуждали друг с другом пройденный путь с приметными

знаками, вспоминали, кто и что говорил, из уже бывавших здесь. Чтобы следующий караван легко находил дорогу, втыкали в снег или землю прутьики, наклоненные в нужном направлении. Для указания места поселения или стойбища на ближайшей возвышенности в землю втыкали хорей — палку-шест, которым погоняют оленей, с привязанной на его конце белой шкурой. Шкура видна издали и помогает идущим следом найти путь к стойбищу».

В суровых условиях тайги и тундры, в ледяных водах арктических морей только усилия всего коллектива, только коллективный опыт и знания делали человека способным не только выжить, но и существовать в столь экстремальных условиях, надеясь, возможно, на помощь духов, но все-таки не очень. Залогом выживания были прежде всего общественная практика и передача опыта подрастающим поколениям.

Весьма интересно о процессе приобщения детей в наше время к труду оленеводов в условиях севера Дальнего Востока рассказал в полевых отчетах Александр Спеваковский: «Обучение навыкам производственной деятельности осуществляется постепенно и начинается обычно уже в раннем детстве. Здесь оленеводы, как правило, летом забирают своих детей из детских садов и интернатов, где они живут на полном государственном обеспечении, в бригады. Все лето дети вместе с родителями проводят в оленьих стадах, участвуют в перекочевках, помогают в других видах работ оленевода.

Самые первые сведения о делах и жизни оленевода дети получают, наблюдая летом за родителями, из рассказов старших, забавляясь с игрушками, которые делают родители. Детские игрушки — фигурки оленей, лошадей, собак, изготовленные из дерева или рога, — дополняются игрушеч-

ными арканами, хорейми, чумами и другими предметами оленеводческого быта.

В большинстве детских игр оленеводов используется аркан — необходимая часть снаряжения каждого пастуха, которым он обычно очень дорожит. Аркан, уже побывавший в употреблении или новый, вручается мальчику, признанному совершеннолетним, отцом или старшим братом. Смысл большинства игр с арканом — овладение техникой его набрасывания на рога оленя с целью отлова животного, выработка необходимых реакций и координации движений. Для игры и тренировки используют ветви лиственницы или настоящие олени рога, которые играющие держат над головой, изображая оленя. У эвенков играют, разделившись на две группы: «петухов» и «олений», или накидывают аркан на рога, которые тянут за ремень по земле. У тех же эвенков есть и такая игра: к длинному шесту прикрепляется ремень с небольшим куском дерева на конце. Шест сильно вращают, и надо набросить аркан на деревянную чурбашку. Кто набросит первый, тот и победит.

А разве не помогали воспитать выносливость и ловкость, так нужные оленеводам, игры — бег наперегонки, езда на оленях, прыжки в длину и высоту. А разве не примечательны особые игры девочек — установка чума или подготовка каравана к перекочевке, когда девочки раскладывают разные по форме и цвету камни в строгом порядке аргиша?»

Собственный опыт, приобретенный через игру и воспитание, опыт многих поколений делали человека деятельным, способным поспорить с самой природой. Чем больше было знаний о действительности, чем шире был охват явлений, событий, происходящих в природе и обществе, поддающихся рациональному осмыслению, тем больше сужалось поле

для действия иррациональных, фантастических представлений.

И все-таки сколь бы ни была красочна палитра традиционных верований, породивших и «полисные», и мировые религии, все же тенденция человеческой истории была однозначна — к самосовершенствованию человека, к его полной и окончательной сапиентности — разумности, не оставляющей ничего не познанным, не понятым в нормальных объективных категориях.

Человек за те 2—3 миллиона лет, что живет на Земле, был и гомо инстинктивус — человеком инстинктивным, и гомо хабилиус — человеком умелым и, наконец, Гомо сапиенс — человеком разумным. Природа наделила человека разумом, значит, она была уверена, что он им воспользуется для познания истины, а не для утверждения простой веры в истину.

Заклучение

В своем развитии человечество прошло путь в 2—3 миллиона лет. Воз-

никнув однажды и, видимо, в одном месте, наши далекие предки разделились на племена, которые обладали своей территорией, языком, культурой. Именно тогда родилась идея уникальности на земле каждого племени.

Первая встреча с себе подобными — но явно не с «нами» — сразу отделила «нас» от «них», появились «мы» и «они».

Чем дальше жили люди, чем больше поколений землян сменяло друг друга, тем активнее природа и ее стихии вторгались в сознание людей. Люди же «очеловечивали», «одушевляли» их.

Не осознавая тайну рождения новой жизни, человек искал своего предка в живой и неживой природе, называя его тотемом. Не понимая природы самого мироздания, жизни и смерти, процветания и упадка своего сообщества, люди искали связи случившегося там, где их не могло быть, принимая следствие за причину, а причину — за следствие. Из ошибочных посылок рождена была уверенность, что можно и напасть, и защититься, используя магические приемы, умилостивляя специальные предметы — фетиши.

История человечества набирала темп, и наступила эпоха, порождавшая разные социальные роли людей. Разделенность, различность судеб в людских коллективах отразилась и на формировании новых структур в системе верований и представлений, требовавших новых ипостасей в сонме духов, определения их разнозначности. Появились духи-хранители, духи-покровители, духи-хозяева местности, племени, самой природы и ее стихий, даже элементов Вселенной.

Пришла пора. Сложилось и утвердилось себя классовое общество, включившее в свой духовный багаж все многообразие и всю многоликость верований и духотворений. Появились религии со своей иерархией богов и духов, миров живых и мертвых.

Верования и последующие религии были классическим примером идеалистического «пустоцвета» на древе познания, на реалиях материального мира, истолкованных неверно, ложно, а иногда и просто фантастично. Следует подчеркнуть, что вряд ли в те далекие времена при несовершенстве производства и отношений, возникающих между людьми, можно было надеяться на всегда верное истолкование происходившего в природе и обществе и отражающегося на жизни отдельного человека или всего человеческого коллектива! Такое было невозможно, хотя интуитивно и как очевидный опыт поколений приходило правильное знание, обеспечивавшее существование наряду с ложными объяснениями природных и общественных явлений верных наблюдений в сфере народной медицины, астрономии, геодезии, агротехники, зоотехники и многих других положительных знаний, а значит, и ростков народного атеизма, допускавшего хотя бы такое же бессилие богов перед волей стихий природы, какое было свойственно человеку.

Опыт тысячелетий показал, что всех богов и духов человек создавал по своему образу и подобию или по образу и подобию элементов окружающего его мира. Неуловимые, неочерченные, непонятные и невидимые абстракции духа — явление относительно новое, как ступень в развитии философского мышления людей, а не как выражение черт, присущих природе и первобытному человеку.

Именно объективная реальность, положительные знания при отсутствии понимания связей причин и следствий породили целый спектр представлений, создававших самим верованиям ореол фантастической, но все же реальности. И в то же время подобные реальности питали практику жизнедеятельности людей, воспитывали их рационализм как некую преграду безудержному мистицизму и духотворчеству.

Сапиентация человека завершилась в сложной борьбе знания с незнанием, истины с фантазией, атеизма с религией. И все же на пороге XXI века в самых разумных сообществах продолжают жить и невежество, и знахарство, и просто богостроительство.

Сознавая сказанное, мы не можем не быть благодарными праотцам и пращурам — ведь это они в постоянном напряжении всех физических и умственных сил закладывали основы нашей цивилизации, включая и те этические нормы, которые позволили нам жить в коллективе и для коллектива. Они совершили свой подвиг, надо и нам совершить свой. Тем более что в современном мире, где наряду с существованием и мировых религий, и пережитков прежних — племенных, или полисных, типа иудаизма, синтоизма, индуизма, — возрождаются и даже расцветают давнишние, прежние традиционные верования — анимизм, тотемизм, фетишизм и магия. Ныне вера в подобные «чудеса» — не продукт «дикарской» невежественности, а безус-

ловной псевдонаучности. Примеры этому можно найти в странах «третьего мира», да и в развитых странах тоже.

Всего несколько примеров.

Каждый год 31 декабря (так же было 31 декабря 1988 года) в Рио-де-Жанейро на пляже Конакабана проводится праздник в честь богини Йеманжи (пришедшей из «языческого» прошлого чернокожих поселенцев), во время которого кариокас — жители Рио — отправляют в океан лодки с жертвоприношениями: пищей, драгоценностями, благовониями и горящими свечами.

При многих главах правительств современной Африки существуют религиозные советники — представители исламских сект, но чаще всего прежних колдунов и знахарей, способных связываться с воду — духом, хозяином судьбы людей.

В Бенине есть титул великого колдуна — дьяви. В 1962 году в сан дьяви был возведен католик по вероисповеданию Валентин Джабоде Аплоган, он тогда же был президентом Национальной ассамблеи. Став дьяви, он собрал 1832 главных колдуна, представлявших все анимистические культы Нижней и Средней Дагомеи. Этот съезд чародеев должен был помочь сокрушить оппозицию Аомагдбе, опиравшуюся на великих магов Абомеи. И четверть века спустя после 1962 года в республиках Мали, Сенегал и многих других африканских странах роль колдунов и магов сохраняет свое политическое значение. Такому положению можно найти объяснение: национальные религии воспринимались как антагонисты религии колонизаторов, как средства сохранения своего «национального духа». Но чем можно объяснить потерю разума в рядах молодежи и взрослых такой страны, как Великобритания? Как писала ленинградская молодежная газета «Смена» от 29 июля 1986 года, «вовлечение англичан, в особенности

молодежи, в разного рода полуподпольные секты «служителей дьявола» и «черного культа» приобретает характер настоящей эпидемии»...

Технология «приобщения» проста и эффективна. Желая вступить в секту опаивают наркотиками и без особого труда добиваются от него «клятвы верности», которая сопровождается отвратительными ритуалами. Нарушить клятву нельзя, если не желаешь подвергнуться «физическому воздействию».

На Британских островах, как сообщала газета, открыто действовали в середине 1986 года восемь крупных сект «служителей дьявола» и еще 27 более мелких «братств». Они объединяли в общей сложности 30 тысяч членов, что немало, тем более что реальная численность «империи зла» сокрыта таинством самих этих «братств». В создании подобных мистических сообществ скорее всего существенную роль играет сложность современных социальных процессов в странах капитала, когда происходит резкое обнищание значительных групп трудящихся, увеличение числа безработных среди молодежи, существует неравноправное положение в бывшей метрополии выходцев из прежних колоний.

А чем объяснить, что на воскресные проповеди в США перед телевизорами и на огромных стадионах собираются сотни тысяч вполне респектабельных обывателей? Они внимают призывам проповедников «возмолить бога» и «изгнать сатану» смиренно, с просветленными лицами! Чем объяснить такой всеобщий религиозный экстаз в самой могущественной стране капитализма и самой мощной в индустриальном развитии?

Как-то выдающийся советский кинорежиссер С. Ростоцкий обронил примерно такую фразу: «В конце XX века не составляет большого труда доказать бессмысленность

самой жизни человека, гораздо сложнее убедить в том, что жить стоит».

Он не раскрывал тех причин, которые составляют основу подобных заключений, но, услышав их с экрана телевидения, я невольно сопоставил первую часть данного рассуждения с идеей, пришедшей как-то в той более чем двух с половиной тысячелетней дали будущему Будде. Идея неприятия самой жизни основателя первой мировой религии не призывала просто покончить с ней счеты, а выдвигала систему освобождения от той оболочки физического существования, которая и подвержена страданиям. Таким образом, ставилась определенная цель — достижение высшей гармонии путем освобождения от физического существования — и устанавливалась религиозная система. И в конце XX века никто не проповедует простое прекращение любого вида существования, проповедует лишь прекращение жизни физического тела при сохранении бессмертия духа.

В пределы жизни тела — физического существования — и бессмертия духа — продолжения моего существования после обыденной смерти — вторгаются современные религии и верования, активно реставрируется весь набор традиционных иррациональных представлений далекого и близкого прошлого, а также богостроительные концепции мировых и полисных религий.

Если наш дикарский предок был бессилен перед мощью непонятной природной стихии и он ради защиты самой жизни своей и своего рода создавал иллюзию связей человека с могущественными духами — хозяевами окружающего мира, то наш современник, напуганный всемогуществом науки уничтожения и непредсказуемостью, с его точки зрения, социальных конфликтов, также мечется в поисках легкого выхода из кажущегося ему тупика, в иллюзиях религиозного чуда.

Путь к знанию всегда был трудным путем, путь к вере — простым и несложным. Легче было верить во что-то, в кого-то, чем знать и познавать окружающий мир природы и общества.

Так зачем человеку разум?

Затем, конечно, чтобы познавать истину, которая гласит, что если человек смертен, то все человечество бессмертно. И каждому появившемуся на Земле достает оптимизма, чтобы жить, бороться за жизнь, делать жизнь достойной человека разумного — Гомо сапиенс.

Содержание

Вступление

Когда молчат небеса
и шепчет земля

5

Мы одной крови, одной веры

Этюд о первобытных верованиях,
о племенных религиях

13

Серая Рысь из племени духа Черного камня

18

Живой камень, плачущее дерево

Этюды о первобытном
анимизме

51

Быль и небыль

54

315

Люхар, жаба и камень

70

Человек приходит медведем

Этюды о первобытной вере человека
в предков-животных
и предков-растения,
о тотемизме

87

Тыква-горлянка
и человечество

95

Пятицветная собака Паньху
и лебедь

107

Чуринга — мое второе «Я»

Этюды о первобытных фетишах

127

Там, где хранятся
тени живых

130

Одеяние для деревянного
человечка

140

**Пронзенный стрелой.
заговоренный словом**

Этюд о первобытной магии

161

316

Давно не было дождя
в Шуэр
172

**Духи и боги Поднебесной
и их земные служители**
Этюды о культе местности и неба,
о шаманах и жрецах

191

Чэнхуан
не изгоняет бесов
194

**Панцирь черепахи
и баранья лопатка**
206

Песня навстречу весне
209

Шаманский «дар» и плащ со «змеями»
215

**От духа Неба
и «небожителей» к высшим
божествам**

Этюды о преобразовании
народных верований
в религии
классового общества

227

317

**Битва в долине
Желтой реки**
230

**Семь божеств
и один бог**
239

**Наказанные духи,
низвергнутые боги**
Этюды о народных знаниях
и народном атеизме
263

Надо наказать духа-хозяина
263

**Без часов время,
без измерений расстояния**
281

Заключение
307

Итс Р. Ф.

И93 Шепот Земли и молчание Неба. Этногр. этюды о традицион. народных верованиях.— М.: Политиздат, 1990.— 318 с.: ил.

ISBN 5—250—00778—3

Автор книги, историк и писатель, известный читателям по работам «Века и поколения» (М., 1976), «К людям ради людей» (Л., 1987), «Женский лик Земли» (Л., 1988) и др., затрагивает широкий круг проблем, связанных с архаическими верованиями и обрядами — с первобытным анимизмом, с верой в тотемы и фетиши, с первобытной магией, с деятельностью жрецов и шаманов и др.

Книга написана ярко и увлекательно, рассчитана прежде всего на молодежь, на всех, кто интересуется предысторией ныне существующих религий

И 040300000—002 92—90
079(02)—90

ББК 86.31

**Рудольф Фердинандович
Итс**

Шепот Земли и молчание Неба

Заведующий редакцией

О. А. Белов

Редактор

Л. И. Волкова

Младший редактор

М. В. Архипенко

Художник

И. К. Маслова

Художественный редактор

А. А. Пчелкин

Технический редактор

Т. А. Новикова

ИБ № 7293

Сдано в набор 21 02.89 Подписано в печать 14.12 89.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура
«Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л 14,0.
Усл. кр.-отг. 29,58. Уч.-изд. л. 13,31 Тираж 100 тыс.
экз. Заказ № 4601. Цена 1 р. 10 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская
пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.